

Советско- польские отношения

в политических
условиях Европы
30-х годов
XX столетия

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

INSTYTUT ROSYJSKIEJ HISTORII
ROSYJSKIEJ AKADEMII NAUK

KOMITET NAUKOWY RAN HISTORII
STOSUNKÓW MIĘDZYNARODOWYCH
I POLITYKI ZAGRANICZNEJ ROSJI

ПОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ПОСТОЯННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
ПОЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ПРИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

INSTYTUT HISTORII
POLSKIEJ AKADEMII NAUK

STAŁY PRZEDSTAWICIEL PAN
PRZY RAN

Stosunki radziecko- polskie w warunkach politycznych Europy lat 30-ych XX wieku

Zbiór rozpraw

Redaktorzy naukowi:

Stafy Przedstawiciel Polskiej Akademii Nauk
przy Rosyjskiej Akademii Nauk prof. E. DURACZYŃSKI,
członek korespondent Rosyjskiej Akademii Nauk prof. A. N. SACHAROW

MOSKWA NAUKA 2004

Советско- польские отношения

В политических
условиях Европы
30-х годов
XX столетия

Сборник статей

Ответственные редакторы:

Постоянный Представитель Польской академии наук
при Российской академии наук профессор Э. ДУРАЧИНСКИ,
член-корреспондент Российской академии наук профессор А. Н. САХАРОВ

МОСКВА НАУКА 2004

УДК 94
ББК 63.3(0)
С 56

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *Ю.Л. Дьяков*,
кандидат исторических наук *Л.П. Колодникова*,
доктор исторических наук *Л.Н. Нежинский*

Рецензенты:

доктор исторических наук *В.А. Невежин*,
кандидат исторических наук *А.В. Голубев*

Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: Сборник статей / Отв. ред. Э. Дурачински, А.Н. Сахаров. – М.: Наука. 2004. – 232 с.

ISBN 5-02-009867-1 (в пер.)

Статьи сборника подготовлены на основе материалов совместной конференции, проведенной в Москве в декабре 1999 г. Институтом российской истории РАН и Институтом истории ПАН. В книге освещаются перипетии взаимоотношений СССР и Польши в 20–30-е годы XX в. на фоне важнейших событий в Европе, показано место Польши во внешней политике сталинского руководства. Авторы опираются на солидную источниковую базу, новейшую российскую и зарубежную историографию, рассматривая тему с различных, порой противоположных позиций.

Для ученых-международников и всех интересующихся историей предвоенного периода.

По сети “Академкнига”
ISBN 5-02-009867-1

© Институт российской истории РАН, 2004
© Институт истории ПАН, 2004
© Издательство “Наука”,
художественное оформление, 2004

ВВЕДЕНИЕ

Авторы исследований, помещенных в предлагаемой читателям книге, сосредоточили свое внимание главным образом на 30-х годах XX в., но во многих случаях они касаются и более раннего его периода. Рассматривая позицию правительств Польши и СССР по отношению к ключевым событиям, происходившим в то время в Европе, они уделяют внимание также политике Франции, Великобритании и Германии, чтобы на ее фоне оценить дипломатические шаги Варшавы и Москвы. Таким образом был сделан эскиз к картине международных отношений, какими они складывались на территории между Москвой, Варшавой, Берлином, Парижем и Лондоном.

Во многих статьях сделана попытка показать значение и масштабы влияния на ситуацию в Европе политики одной, двух или всех упомянутых столиц вместе. Однако тематика сборника определила преимущественное освещение политики руководства Польши, СССР и Германии. Я бы хотел обратить внимание на политику Польской Республики.

Руководители государства, расположенного между Германией и советской Россией, независимо от их партийной принадлежности, идеологических симпатий, были вынуждены самым внимательным и тщательным образом анализировать и оценивать шаги Берлина и Москвы. Этого требовала забота о безопасности, свободе и суверенности Польши¹. Не вызывает сомнений и то, что от польско-германских и польско-советских отношений в немалой степени зависела судьба той системы, которая сформировалась в Центральной Европе как результат Версальского договора и польско-советского мирного договора, заключенного в Риге в 1921 г. Отношения между Варшавой, Берлином и Москвой во многом определяли международный климат на всем европейском континенте, конечно, не в такой степени, как между СССР и Германией или Москвой, Парижем и Лондоном. Эти отношения оказывали также влияние на ситуацию и за пределами центрально-европейского региона.

Следствием заботы о безопасности Польши в Европе и об установлении корректных отношений с двумя соседями, обремененными тяжелым наследством антипольской политики Пруссии, а позднее кайзеровской Германии, с одной стороны, и царской России, с другой, а также войной 1919–1920 гг., стали два очень важных дипломатических шага.

25 июля 1932 г. в Москве был подписан польско-советский договор о ненападении. Стороны выразили стремление к упрочению

установившихся между ними добрососедских связей и уверенность в том, что их сохранение “является значительным элементом поддержания всеобщего мира”, отказались от “войны, как инструмента национальной политики в их взаимоотношениях”, а также обязались “воздержаться от всяких агрессивных действий и от нападения друг на друга как самостоятельно, так и вместе с другими державами”. Стороны пришли к соглашению, что несоблюдением данного договора “будет всякий акт насилия, нарушающий целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость второй договаривающейся стороны, даже если эти действия будут осуществляться без объявления войны и при избежании всяких ее возможных признаков”. В другой статье договора содержится обязательство, что каждая из договорившихся сторон не будет принимать участие “ни в каких соглашениях, явно враждебных для второй стороны”². Двумя годами позже правительства СССР и Польши подписали протокол о продлении срока действия договора по 31 декабря 1945 г.

26 января 1934 г. в Берлине была подписана польско-германская декларация о неприменении насилия³. Как и в польско-советском договоре страны-участницы исходили из того принципа, что “сохранение и поддержание постоянного мира между их государствами” является важным условием мирного сосуществования в Европе. Стороны объявляли, что в случае возникновения спорных вопросов они не будут прибегать к насильственным мерам, и выражали уверенность, что развитие польско-германских отношений приведет к упрочению добрососедства, которое будет иметь “благоприятные последствия” не только для Польши и Германии, но и для остальных народов Европы. Срок действия декларации устанавливался на 10 лет.

Польско-советский договор 1932 г., польско-немецкая декларация 1934 г., а также подписанный в 1921 г. союзный договор с Францией и договор с Румынией должны были, по замыслу Варшавы, составлять важные элементы ее безопасности и суверенности с точки зрения международного права. Здесь следует отметить, что договоры с СССР и Германией были действительно приблизительно до 1944–1945 гг. и могли вселять в поляков уверенность, что по крайней мере до этого времени отношения с обоими главными соседями не переродятся из мирных в вооруженную конфронтацию. К этому следует добавить еще одно очень важное обстоятельство. Руководители польского государства полагали, что договоры, заключенные с Москвой и Берлином, будут действенным орудием проводимой Варшавой политики “равновесия”, политики “равного удаления” от СССР и Германии. Кроме того, в польском министерстве иностранных дел укрепилось мнение, что с приходом Гитлера к власти и одновременным усилением пропагандистско-идеологической войны между Москвой и Берлином дальнейшее советско-германское сотрудниче-

ство, начало которому было положено в Рапалло в 1922 г. и подтверждено берлинским договором 1926 г., стало невозможным. А именно это сотрудничество вызывало у поляков не меньшее, а, может быть, большее беспокойство, чем провозглашаемые в Москве лозунги мировой революции и гитлеровская программа “жизненного пространства” (Lebensraum). Польское руководство считало, что политика “равного удаления” должна была укрепить безопасность Польши, ее суверенность и территориальную целостность. Тогда, полагали в Варшаве, Польша была бы более ценным партнером для Франции и Великобритании, что, в свою очередь усиливало бы ее позицию в отношениях с Германией и Советским Союзом. При условии, что Берлин и Москва не возродят рапалльскую политику, создавалась бы возможность для довольно стабильных международных отношений в Центральной Европе, а это способствовало бы прочности польских границ.

Все эти расчеты, оценки и прогнозы прошли суровую проверку во время событий 1939 г. 25 августа был подписан польско-британский договор о взаимопомощи, немного ранее, в ночь с 23 на 24 августа, – советско-германский пакт о ненападении вместе с секретным дополнительным протоколом, в котором определялась граница сфер интересов Германии и СССР в Центральной Европе и предусматривался раздел Польши. Новая война в Европе была уже на пороге, а Польша должна была стать ее первой жертвой. 1 и 17 сентября Германия и СССР осуществили согласованное между ними нападение, а затем аннексию ее территории. Варшавская политика мирного сосуществования и “равного удаления” от Берлина и Москвы оказалась настолько слабой конструкцией, что в конфронтации с имперскими устремлениями Гитлера и Сталина не могла устоять. Прикрытие в виде договоров Варшавы с Парижем и Лондоном также не остановило обоих агрессоров, хотя обе западные державы и объявили войну третьему рейху. Однако они не поспешили в сентябре оказать обещанную атакованной Германией Польше действенную военную помощь и не сделали ничего, чтобы помешать Сталину захватить половину территории Польского государства.

Несмотря на то что страна была оккупирована и разделена между Германией и СССР, польское государство в международно-правовом отношении существовать не перестало, его конституционные власти, созданные в эмиграции, пользовались полным признанием Франции, Великобритании, Соединенных Штатов и многих других правительств в Европе и за ее пределами.

Эти и многие другие вопросы подробно рассматриваются авторами предлагаемого сборника. В нем представлены различные, иногда диаметрально противоположные точки зрения, базирующиеся на архивных источниках, новейшей польской, российской, германской, английской и французской литературе. Читатели, как польские, так и российские, встретят здесь трактовки, которые могут по-

казаться неожиданными или даже вызвать принципиальное несогласие. Не вызывает сомнения и то, что найдутся среди них и такие, кому излагаемые тем или иным автором взгляды покажутся убедительными. Отдавая себе в этом отчет, мы, тем не менее, призываем к внимательному ознакомлению со всем комплексом материалов сборника.

Доктор исторических наук Э. Дурачински

- ¹ См.: Historia dyplomacji polskiej. T. IV. 1918–1939 / Red. P. Łossowski. Warszawa, 1995.
- ² Stosunki Rzeczypospolitej Polskiej z państwem radzieckim 1918–1943: Wybór dokumentów / Red. J. Kumaniecki. Warszawa 1991. S. 176–179; *Materski W.* Tarcza Europy: Stosunki polsko-sowieckie. 1918–1939. Warszawa, 1994.
- ³ Sprawa polska w czasie II wojny światowej na arenie międzynarodowej: Zbiór dokumentów / Red. S. Stanisławska. Warszawa, 1965.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выходит в свет сборник статей о международных отношениях в Восточной Европе накануне второй мировой войны, в основу которого положены материалы Международной научной конференции, организованной Институтом российской истории РАН и Институтом истории Польской академии наук в декабре 1999 г. В работе конференции и ее подготовке приняли также участие Научный совет РАН по истории международных отношений и внешней политики России, Национальный Комитет историков России, Постоянный представитель Польской академии наук при Академии наук России. С докладами выступили специалисты Института российской истории РАН, Института славяноведения РАН, МГИМО, МИД РФ, Историко-дипломатического департамента МИД РФ, Посольства Республики Польша в Москве, Института военной истории МО РФ, а также историки из Ягеллонского и Белостокского университетов, Института истории ПАН, Института истории Литвы и других научных центров. Представленные авторами работы принадлежат историкам разных поколений из России, Польши и Литвы.

Это крупное научное мероприятие является знаменательным фактом, поскольку может свидетельствовать об оживлении российско-польских научных контактов, которые по ряду причин стали свертываться в конце 80-х годов, но благодаря взаимным стремлениям российских и польских ученых заметно окрепли в 90-е годы.

В 2001–2004 гг. эти связи продолжали расширяться. На Ученом совете ИРИ РАН были заслушаны доклады известных польских историков проф. Ежи Борейша (о тоталитарных режимах в Европе, ноябрь 2001 г.) и Хенрика Самсоновича (“Наука в объединяющейся Европе”, октябрь 2003 г.). Они вызвали большой интерес и стимулировали плодотворный обмен мнениями.

20–22 октября 2003 г. в Москве проходила научная конференция “Польша – СССР. 1945–1989: избранные политические проблемы, наследие прошлого”, организованная по инициативе польской стороны. В ней приняли участие: с польской стороны – ведущие ученые Института истории и Института политических исследований ПАН, Варшавского университета; с российской стороны – Института российской истории и Института славяноведения РАН. Местом проведения конференции стало посольство Польской Республики.

Участники этого научного форума затронули различные аспекты польско-советских отношений с 1930-х до конца 1980-х годов: дипломатическую и внутривластную историю Польши и СССР; культурное взаимовлияние народов обеих стран; вопросы религии и

церкви; основные тенденции современной историографии советско-польских отношений военного и послевоенного времени. На конференции обсуждалась, в числе других, и проблема эволюции сталинизма в СССР и Польше, которая является животрепещущей, но сравнительно новой в научных исследованиях.

Возвращаясь к материалам данного сборника, необходимо отметить, что они отражают то, что было достигнуто на пороге XXI в. учеными в деле исследования советско-польских отношений межвоенной поры.

В статье Ю.Л. Дьякова проблемы взаимоотношений СССР (России) и Польши рассматриваются в широком хронологическом контексте XX в. В других работах освещаются многоплановые аспекты развития международной ситуации в Восточной Европе в 20–30-е годы по линии Москва–Берлин–Париж–Варшава. Но и в этом случае во главу угла было положено изучение отношений между СССР (Россией) и Польшей.

Одним из неперенных условий подлинно научного исследования проблем прошлого является постоянное пополнение источниковой базы. В статьях Ю.Л. Дьякова, Н.В. Васильевой, Т.С. Бушуевой показано, насколько значимыми являются документы крупнейших российских архивохранилищ (ГАРФ, РГАСПИ, РГВА, ЦХИДК) для глубокой разработки истории дипломатических отношений Москвы, Берлина и Варшавы.

Однако сам по себе процесс введения в научный оборот массивов документальных материалов не снимает вопроса об их трактовке. Проблема интерпретации исторических источников остается неотложной и актуальной. Как отмечается в ряде статей сборника, она приобретает еще большую остроту в тех случаях, когда речь идет о дипломатической истории Восточной Европы в 30-е годы в преддверии второй мировой войны. Острая дискуссия о степени вины или участия не только Германии, но и Советского Союза за ее развязывание продолжается. Неполнота научных знаний по данной проблематике во многом обусловлена сохраняющейся закрытостью, недоступностью важнейших документов, прежде всего из личного сталинского архива. Кроме того, объективному освещению драматических событий накануне второй мировой войны препятствует излишняя политизированность в подходах к ней, которая наблюдается как в российской, так и в зарубежной историографии.

Как уже отмечалось, большая часть статей, помещенных в сборнике, посвящена генезису советско-польских отношений 20–30-х годов. В них показано, насколько важная роль отводилась Польше во внешнеполитическом курсе сталинского руководства. С той же степенью полноты аргументируется, что в польской дипломатии предвоенного периода “советский фактор” являлся одним из приоритетных.

Материалы данного сборника дают возможность сделать вывод о нарастании конфронтации в советско-польских отношениях

с середины 30-х годов. Подобная тенденция еще более осложняла ситуацию, поскольку по различным причинам так и не удалось создать действенную систему европейских государств, которая позволила бы воспрепятствовать экспансионистским устремлениям национал-социалистической Германии во главе с Гитлером. Глобальный предвоенный политический кризис 1938–1939 гг., завершившийся окончательным крахом Версальской системы, привел к тому, что фюрер смог в конечном счете осуществить свой план нападения на Польшу, предварительно обезопасив себя с востока известным пактом о ненападении с Советским Союзом от 23 августа 1939 г. и, прежде всего, секретным протоколом.

Авторы сборника, основываясь на разнообразных архивных и ранее опубликованных источниках, с различных позиций излагают события, приведшие к трагическим для польской государственности последствиям – фактическому разделу Польши между СССР и Германией. Взаимные подозрительность и недоверие, скрытая и явная враждебность отнюдь не способствовали налаживанию прочных двусторонних советско-польских отношений. В то же время и в Москве, и в Варшаве не смогли до конца оценить угрозу фашистской агрессии, жертвами которой стали вначале Польша, а затем СССР.

Несомненный интерес представляют помещенные в сборнике работы, в которых в конкретно-историческом плане самым подробным образом раскрывается картина предвоенного политического кризиса 1938–1939 гг. Это статьи С.З. Случа (Москва), В. Матерски (Варшава), С. Дембски (Краков), В.В. Соколова (Москва), М. Захариаса (Варшава), С. Грегоровича (Варшава). В большинстве из них, главным образом в статьях польских ученых, содержатся весьма критические оценки внешнеполитического курса СССР в названный период. Сделан вывод о стратегическом курсе советской дипломатии, направленном на фактическое разрушение польской государственности.

Однако высказывается и совершенно иная точка зрения (она изложена в статье В.В. Соколова). В данной интерпретации сталинская дипломатия оценивается как дальновидная, действовавшая накануне и после 1 сентября 1939 г. в полном соответствии с государственными интересами СССР. Польша же, наоборот, якобы стала жертвой недальновидности своего политического руководства, поскольку оно не желало создания системы коллективной безопасности в Европе.

В целом работы, представленные в сборнике, отличаются новизной в постановке и интерпретации проблемы международных отношений в Восточной Европе накануне второй мировой войны. Остается надеяться, что они будут с интересом встречены и оценены специалистами.

Член-корреспондент РАН профессор А.Н. Сахаров

Е.В. Борейша

(Варшава)

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ
О ТОТАЛИТАРНЫХ
И АВТОРИТАРНЫХ СИСТЕМАХ В ЕВРОПЕ
20–30-х годов

Третий рейх существовал 12 лет, оценку ему мы даем сегодня спустя 55 лет; итальянский фашизм, как государственная система, охватившая всю страну – 21 год, а вместе с периодом “Республики Сало” – 23 года. Историк дает ему объяснения по прошествии 57 или 55 лет. Я использую здесь именно излюбленное выражение Бенедетто Кроче “объяснить”, а не выражение “оценивать”, к которому столько раз обращался Ренцо де Феличе. Советская Россия и СССР просуществовали 74 года. Мы пишем о них спустя 10 лет. Конечно же, это не “longterm perspective” (перспектива длительного времени). А как рассматривать случай авторитарной Испании Франко? Ее история насчитывает 36 лет; способно ли спустя четверть века столь ценное общественное согласие нации, достигнутое после смерти Франко, помочь историкам глубже понять павшую диктатуру? Осмелюсь усомниться. Можно ли считать это “longterm perspective”?

Как и многие другие историки, я считаю возможным определение итальянского фашизма, национал-социализма и сталинизма общим понятием “тоталитарные режимы”. Это понятие может быть использовано историками, политологами, социологами и юристами. Я, однако, выступаю за ограничение и дифференциацию сферы употребления этого понятия. Полагаю, что наши знания о советском тоталитарном режиме в большей степени касаются масштабов преступлений этого режима, но они очень фрагментарны и явно недостаточны, когда мы затрагиваем проблемы массовой эйфории и массовой поддержки этой системы, форм и масштабов противостояния ей (гораздо более мощного в СССР, чем в третьем рейхе или в Италии времен Муссолини).

Советский период не был ужасающим исключением в истории России и мира, как это представляют некоторые авторы “Черной книги коммунизма”. Мир не раз сотрудничал с СССР и

часто одобрял его. Мир – это не только испытывавшие некоторые иллюзии левые, но и правые правительства. Октябрьская революция не была случайным переворотом, устроенным большевистской террористической группой, как полагает ряд историков.

Модные сегодня теории о том, что нормальный ход российской истории и начинающаяся новая эпоха благоденствия и значительного цивилизационного прогресса под скипетром Романовых были прерваны этим переворотом и системой, от начала и до конца навязанной 150-миллионному населению, попутно снимают вину с миллионов активных строителей этой системы. Они освобождают от ответственности за нищету, пропаганду насилия, террор и массовый геноцид и сегодня находящихся у руля власти сотен тысяч представителей старой советской номенклатуры, сменивших одежды и поменявших цвета.

К теориям случайности или исключения из правила прибегают и при описании истории других тоталитарных режимов. Так, была попытка доказать, что Гитлер и НСДАП действовали наперекор большинству народа и вопреки его традициям, писалось также, что фашистский режим Муссолини был лишь исключительным явлением в истории Италии, где после его падения неожиданно обнаружилось 20 миллионов антифашистов, а зверства Анте Павелича были исключением в истории Хорватии. Это повторяющиеся заблуждения либеральных историков, защищающих “обычного среднего человека”, “хорошие”, т.е. “здоровые” массы народа, и возлагающих всю тяжесть вины на отдельных индивидуумов либо группы людей. Такой подход приводит к расхождению с исторической правдой.

Спор о том, как (вместе или по отдельности) следует трактовать итальянский фашизм, нацизм и коммунизм – большевизм – сталинизм, идет уже около 70 лет. К нему причастны важнейшие философы, политики, писатели, историки. Здесь можно перечислить целый ряд таких имен, как Анджело Таска, Игнацио Силоне, Германн Раушинг, Карл Каутский, Элие Халеви, Франц Боркенау, Франц Неманн, Ханна Арендт, Карл Й. Фридрих и Франсуа Фюре.

Как представляется, проведение сравнений и поиск общего является наиболее обоснованным в случае итальянского фашизма, нацизма и сталинизма. Будем точны в терминологии. Коммунизм в своих различных вариантах, как давняя утопия и форма идеологии, изменяющаяся на наших глазах, вовсе не был похоронен полностью, как утверждают многие наши современники. Большевизм – прямую производную коммунистических идей – можно понятийно связывать с временем от Октябрьской револю-

ции вплоть до полного утверждения у власти Сталина около 1929 г. Не отказывая Ленину в праве быть отцом беспримерного в первой четверти XX в. террора и не отвергая то, что он упростил, приспособил и “подчинил” многие формулы марксизма условиям Российской империи, все-таки невозможно ставить простой знак равенства между ним и Сталиным. Ленин, без сомнения, был (не только по собственному представлению) учеником и своеобразным продолжателем методов французских якобинцев, а идеологически – социалистов XIX века. Перед глазами у него стояли гильотины потерпевших поражение в 1794 г., виселица, на которой Александр III приказал повесить его брата, расстрел рабочих на реке Лена. Уроки русской революции 1905 г. продемонстрировали Ленину и целому поколению старых большевиков, что поражение для них равносильно смерти. Эта историческая память стояла у истоков большевистского террора. Но путь поколения Ленина и Троцкого был освещен идеей мировой революции, перманентной революции, борьбы с национализмом и расизмом, реализации старых лозунгов социального равенства социалистов XIX в. Любой ценой они стремились удержать власть. Во имя обладания властью Сталин навязал идею построения социализма или коммунизма в отдельно взятой стране, а позднее поощрял великорусский шовинизм и поставил международное коммунистическое движение на службу советской державе, сделал многоуровневый кровавый террор главной опорой системы. Террор и полная деформация значения личности стали осью системы, ее *perpetuum mobile* (вечным двигателем). Через несколько лет после смерти Ленина идеология была подвергнута дальнейшему упрощению, ее роль была снижена.

Старейший деятель итальянского социализма, Лео Вальяни, как и многие другие, считал, что нельзя ставить на один уровень фашизм, нацизм и большевизм. Он полагал, что сталинизм следует отличать от большевизма. Я разделяю эту точку зрения.

Большевики провозглашали, что буржуазное отечество не заслуживает того, чтобы его защищали, национализму противопоставляли интернационализм, национальным революциям – международную пролетарскую революцию, которая приведет к социальному освобождению в Европе и мире. Советский и великорусский национализм и шовинизм связаны с периодом, последовавшим после 1929 г., с теорией победы социализма в отдельно взятой стране (СССР) – отечестве пролетариев всех стран.

Большевизм, а особенно сталинизм, радикально и абсолютно изменили отношения собственности в городе и деревне, изменили социальную и экономическую систему большой страны, уничтожили не только класс капиталистов, но даже мелких собствен-

ников. Сталинизм использовал при этом методы массового физического уничтожения. Были стерты все различия в материальном положении, введено своеобразное всеобщее равенство – равенство всеобщей бедности, а в некоторые периоды – всеобщей нищеты. Материальные привилегии советской номенклатуры – “нового класса” – были непостоянными и зачастую ненаследственными.

Итальянский фашизм добился соглашения с Ватиканом. Антихристианский национал-социализм терпел существование евангелической и католической церквей. Большевизм отличался воинственной антирелигиозностью. “Марксистско-ленинская вера” заменяла все религии. Выражение “тоталитарные религии”, употребленное без кавычек, часто вызывает в Польше протест, и не только у людей верующих. Мировые религии напоминают скорее цивилизации, устойчивые культурные системы, а не идеологии и связанные с ними структуры временных тоталитарных режимов. Тем не менее уже без малого 70 лет назад Бенедетто Кроче определял коммунизм понятием веры или религии без кавычек, видя в нем явление с глубокими многовековыми идеологическими корнями.

Определения “авторитарные религии” или “тоталитарные религии” употреблялись еще до 1939 г. Тоталитарные идеологии и системы, как “новые религии” или “новые церкви”, были предметом размышлений Мирчи Элиаде и Реймона Арона. Следует вспомнить и самоопределение итальянских фашистов, говоривших о фашизме, как о “новой религии”. В свою очередь и Адольф Гитлер в августе 1933 г. в кругу ближайших соратников выразился с однозначной определенностью: “Мы сами будем церковью”. Сейчас исследователи пользуются понятиями “антирелигии”, “политические религии” или “государственные религии”.

Ульрих Херберт не без основания подчеркивает, что в структуре обоих режимов – национал-социализма и сталинизма – можно найти больше отличий, чем параллелей (“parallelismi”)¹. Многие историки (в том числе Ян Кершоу и Моше Левин) отмечают, что Сталин был порождением системы, Гитлер – ее воплощением. Исследователи обращают внимание на неспособность национал-социализма к репродукции без Гитлера и на существование или частичную репродукцию советской системы после смерти Сталина.

Только с отдаленной временной перспективы мы открываем первостепенную общую черту нацизма и советской системы – заложенную в них способность к саморазрушению (“a common element of inherent selfdestructiveness”). Этот элемент вплоть до 80-х годов недооценивали футурологи, не ожидавшие того, что СССР обречен на столь скорый распад.

Анри Руссо и Кшиштоф Помян в книге “Сталинизм и нацизм. Сравнение истории и памяти”² подчеркивают, что оба режима были революционными, оба футуроцентричными, оба представляли собой крайнюю реакцию сопротивления современной демократии. И все же, как в последнее время писал Помян, антифашистский и антикоммунистический фанатизм не способствует пониманию политического настоящего Европы, в которой Альгидас Бразаускас, бывший секретарь Коммунистической Партии Литвы, был очень популярным президентом демократической Литвы, а генерал Ярузельский по популярности недавно превосходил, согласно опросам польского общественного мнения, Леха Валенсу. Помян пишет: «Здесь мы имеем дело с фактами, которые сама идея неизменно тоталитарного “коммунистического режима” объяснить не может, но которые с некоторой перспективой становятся понятными ...»³.

Сравнивая фашизм, нацизм и сталинизм, следует четко отличать идеологию от практики, стадию движения и стадию режима. Вот уж сталинизм трудно назвать движением. Люди Сталина были отобраны из уже существовавшего большевистского аппарата власти. Позднее они попали в жернова непрерывной ротации, набора, чисток и физического уничтожения очередных волн сталинистов. Их взгляды, способности или подготовка не являлись при этом основным критерием отбора. Все решали пригодность для выполнения целей диктатора. Гитлер, за исключением “ночи длинных ножей” в 1934 г., не применял в отношении партийных противников методы террора, господствовавшие в СССР. Офицерский состав третьего рейха был подвержен суровым физическим репрессиям только после 20 июля 1944 г.

Террор является осью любой тоталитарной системы. Тем не менее между террором государств Гитлера и Сталина существовала значительная разница. Жертвы гитлеровского террора были более предсказуемы. На кого обрушится следующая волна террора в сталинском СССР предугадать было невозможно; террор был направлен против необходимых режиму военных и гражданских кадров, если они проявляли сколь-нибудь большую собственную инициативу или более выдающиеся способности, против большинства тех, кто некоторое время находился на службе СССР за его пределами. Террор был направлен против органов правопорядка и разведки, кадры которых периодически подвергались физическому уничтожению или заключению в тюрьмы и лагеря. Зачастую невозможно было предположить, кто станет очередной жертвой диктатора. Террор должен был держать в страхе всех, даже самых фанатичных сторонников Сталина. В государстве Гитлера на физическое уничтожение бы-

ли обречены все евреи, цыгане и частично славяне, а также немцы, оказывавшие сопротивление режиму или не без основания в этом подозреваемые из-за своих взглядов. Гитлеровский карательный аппарат был в течение всего времени в стабильно привилегированном положении. Способные люди, желавшие служить режиму в различных областях, могли рассчитывать на продвижение по службе, а репрессии были более предсказуемы. Это, однако, не меняет того факта, что невообразимая жестокость массового истребления миллионов евреев, осуществленная в третьем рейхе в течение всего нескольких лет, с применением многоступенчатой промышленной технологии убийства (в том числе с использованием газовых камер), остается беспрецедентным явлением в современной истории Европы.

Террор и пропаганда, бесспорно, сближали два “совершенных тоталитарных режима” – нацизм и сталинизм – и один “несовершенный тоталитарный режим” – итальянский фашизм. Техника осуществления власти во многом была сопоставима. Зато отличалась техника получения власти.

Явлением, которое их сближало, была активная, деятельная поддержка системы широкими массами, не потухшая в течение 12 лет существования третьего рейха, или до 1940–1941 гг. в Италии, но явно угасавшая в течение длинного семидесятилетнего периода советской власти.

Эта массовая поддержка советской власти, массовое участие в преступлениях, а также в деятельности режима и его завоеваниях не может не блокировать в первом десятилетии после распада Советского Союза (в 1991–2000 гг.) попытки переоценки прошлого. В Германии подобное подведение итогов продолжается уже 50 лет, оно прошло различные фазы и еще не окончено. Такое подведение итогов сложнее оттого, что режим был сломлен внешними силами.

Подведение итогов прошлого там, где участие в создании тоталитарной системы было массовым, выглядит иначе, чем там, где она в значительной степени была навязана или прямо принесена на штыках тоталитарного государства. В своих работах я пытался представить собственную типологию тоталитарных систем, не всех, но, по крайней мере, фашистских режимов и авторитарных систем⁴.

Фашизм апеллировал к разным общественным группам, и как массовому движению для развития ему был необходим минимум демократических свобод. Ему всегда способствует атмосфера политической нестабильности. Фашизм представлял собой явление гораздо более сложное, чем новая форма диктатуры капиталистов в изменившихся после первой мировой войны условиях.

Глубоко заблуждались те лидеры Третьего Интернационала, которые уверяли, что фашизм является сигналом окончательного распада капиталистической системы, и предрекали скорую победу пролетарской или социалистической революции.

Встает вопрос, существуют ли нации, имеющие особую предрасположенность к созданию авторитарных и тоталитарных систем. Ответ на этот вопрос должен быть положительным. Чаще всего, это нации, не имеющие традиции парламентской демократии, традиции свободы вероисповедания и свободы совести, традиции устоявшихся механизмов государственного контроля. Это также нации, у которых жизнь индивидуума очень сильно подавлена государственным аппаратом или церковной иерархией. Тоталитарной вере на этих территориях зачастую предшествует бурная религиозность, подготавливающая почву для организации массового психоза, всеобщей истерии, коллективной ненависти. Это (что является ключевым моментом для понимания явления) нации, охваченные мощным национализмом, часто находящиеся в конечной стадии процесса формирования современных наций.

Даже части вышеперечисленных предпосылок уже достаточно для развития различных движений и режимов фашистского типа. Опыт Германии эпохи третьего рейха, общества с развитой экономикой и технологиями, с продолжительной цивилизационной традицией, с некоторыми традициями парламентской демократии, несет предостережение: массовый геноцид может стать уделом не только отсталых обществ третьего мира или Южной Европы, не знающих традиции парламентской демократии, но и более цивилизованных наций.

1919–1945 гг. – это замкнутый период существования фашистских движений и режимов в Европе. В том виде они не возрождались после 1945 г., т.е. уже в течение полувека. И поэтому моя типология опирается на опыт прошлого: фашистские движения возникают в условиях глубоких одновременных политических, экономических и нравственных кризисов, часто связанных с военными катаклизмами. Легче всего они развиваются в условиях слабой государственной системы, отсутствия устойчивых демократических механизмов и крепких традиций плюрализма и демократии.

Крайний национализм проявляется в глубоко укоренившейся враждебности по отношению к другим нациям, всем движениям и организациям международного характера, во враждебности ко всему отличному, наднациональному, таким образом, и во враждебности к евреям. Антисемитизм и расизм вообще не являются неизбежным условием развития фашистских движений, но пред-

ставляют в подавляющем большинстве одну из основных их черт.

Фашистские движения отличаются национализмом, являются антидемократическими, антилиберальными, антипарламентарными, антисоциалистическими, антикоммунистическими вне зависимости от того, пользуются ли они социалистической и революционной терминологией.

После достижения власти главными опорами режима становятся террор и пропаганда. Фашизм вводит современные методы пропаганды, полностью монополизируя средства массовой информации, которые распространяют единственную действующую доктрину. Она должна пронизать все сферы общественной жизни, опираясь на отрицание прежней системы, провозглашая, что только фашизм может создать “нового человека”, “новое общество”, “новый порядок”, “новый мир” и т.п.

Фашизм – это культ действия и насилия, он обращается к эмоциям, мифам, мифологизированному национальному прошлому и создает мифологизированных врагов, против которых подготавливает общественное мнение. Он успешно использует всяческие иррациональные реакции. Ненависть является основным средством мобилизации масс фашистскими движениями и режимами. Фашизм всегда стремится к тому, чтобы стать массовым движением. Когда он борется за власть, или по крайней мере в начальный период после ее получения, он создает массовую партию, а часто, наряду с государственной армией, и многочисленную партийную армию.

Как движение, фашизм обращен ко всем, кто не находит места в изменяющейся социальной структуре, к бывшим фронтовикам, молодежи, студентам. Он привлекает тех, кому индустриализация и модернизация угрожает потерей положения в прежней социально-экономической системе, апеллирует ко всем общественным классам.

Экономические и социальные лозунги, которые демагогически провозглашает фашизм, также усиливают его притягательную силу. Некоторые из них реализуются после достижения власти, временно или на более продолжительное время ликвидируя безработицу и проводя массовое распространение образования и программ социального обеспечения. Фашизм означает в экономической области контроль, координацию и государственное руководство. На стадии движения он выступает против буржуазии. Затем – на стадии режима – ограничивает всевластие промышленного и финансового капитала, вынуждая его создавать различные концессии, служащие на благо партийно-государственного аппарата и рабочих.

Вместе с тем фашизм обеспечивает постоянство еще более жестокой диктатуры крупного капитала в новых исторических условиях, лишая рабочий класс тех форм борьбы, которыми он располагает в буржуазно-демократических системах (в том числе права на забастовку). Гарантом этой диктатуры является новый обширный правящий слой, который монополизирует все средства вооруженной борьбы, вводит всеохватывающую систему физического и психологического террора, осуществляемого силами партии, полиции, армии и профессиональных организаций.

Террор характеризует массовость, постоянное напряжение и использование современных средств, предоставляемых наукой. Благодаря системе террора фашизм может удержать власть нового правящего слоя даже тогда, когда перестает действовать его пропаганда, экономическая и социальная политика оказывается неэффективной и большая часть общества обращается против режима. Фашистские государства, не будучи в состоянии обеспечить на длительный срок стабильность экономического положения широких масс, прибегают к консолидации общества под знаменами милитаристских лозунгов и внешней агрессии. Милитаризм и экспансионизм являются неотъемлемыми чертами фашизма.

Фашизм приводит к абсолютному, тотальному подчинению всего общества вертикальной системе власти: один харизматический лидер, одна монополистическая партия, монолитные внеклассовые профессиональные союзы (синдикаты, корпорации), одна нация. Партийный аппарат неразделимо спаян с государственным. Общественная жизнь подчинена принципу: личность – ничто, государство – все, ничего не может быть против государства.

Фашистские движения и режимы (прото-, про- и парафашистские – авторитарные) – вот те определения, которые мы не всегда точно используем в отношении того, что происходило за пределами Италии Муссолини и третьего рейха. Говоря о Центральной и Восточной Европе мы часто злоупотребляем термином “фашизм”, вольно или невольно обращаясь к терминологии политической полемики многолетней давности. Между тем в интересующем нас регионе мы прежде всего имеем дело с авторитарными движениями и режимами.

Для правых авторитарных движений и режимов XX в. типичными являются программы возрождения, обновления, оздоровления – санации, воскрешения, а не отрицания (в отличие от фашистских режимов, полностью отрицающих предшествующие социально-экономические системы). Авторитарный аппарат вла-

сти опирается на старые господствующие классы, допуская лишь ограниченные перемены в реально правящей элите (в отличие от фашистских режимов, создающих новый правящий слой). Небольшая группа людей управляет здесь при помощи насилия и террора, опираясь на армию и полицию, а широкие слои населения при этом пассивны или выражают сопротивление.

Отсутствие массовой партии, партийной армии, поддерживающей правящие круги, отсутствие активной мобилизации широких масс – вот чем отличаются прежде всего авторитарные режимы от фашистских. Между современными партиями, такими, как НСДАП или Итальянская фашистская партия, и аморфными образованиями типа австрийского Отечественного Фронта (Vaterländische Front), румынского Фронта Национального Возрождения (Frontul Renasterii Nationale), эстонского Отечественного Союза (Ismaaliit), или польского Беспартийного блока сотрудничества с правительством разница была принципиальной.

Во главе авторитарных режимов стоят диктаторы старого типа, генералы и кабинетные политики, в основном лишённые умения устанавливать непосредственный контакт с массами, лишённые такой сильной харизмы, как Гитлер или Муссолини.

Решающую роль играет армия. Неизмеримо возрастает её политическое значение. Она является силой, возносящей и поддерживающей диктаторов, одновременно не допускающей к власти и устраняющей движения ультраправых, движения фашистского типа.

Особое место в авторитарных системах принадлежит церкви. В отличие от фашистских режимов, пытающихся ввести новую, светскую религию, авторитарные диктатуры сознательно или же вне зависимости от своих целей стремятся к усилению роли религии и духовной иерархии.

Национализм и культ государства как высшей ценности, оправдывающий ограничение свободы личности в пользу государства (во имя интересов государства, национальных интересов и т.п.) – это черты, объединяющие авторитарные и фашистские режимы. Восприимчивость обществ Центрально-Восточной Европы к “государство-созидающей” и националистической пропаганде была очень сильной. На этой территории в результате распада Габсбургской монархии, Российской империи и поражения гогенцоллерновской Германии государства возникли впервые или же возродились спустя столетия. Лишь немногие из них, такие, как Греция, Болгария, Румыния и Сербия, могли предъявить чуть более ранние (относящиеся к XIX в.) доказательства существования собственного государства.

Национализм угнетаемых народов все же нужно отличать от национализма угнетающих. В “преемственных” (Австрия, Чехословакия, Югославия, Польша, Румыния, Венгрия) и созданных после распада Российской империи (Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония) государствах было несколько граней националистической напряженности: внутрисоциальная (проявляющаяся по отношению к “чужим”, к национальным меньшинствам), к новым соседям и, наконец, по отношению к бывшим угнетателям. Проблема национальных меньшинств и “неравноправных народов” принадлежала к наиболее слабым звеньям “версальского порядка”, приводила во внутренней структуре к частичной замене привилегированных слоев путем “национальных революций”. Во внешних отношениях она была чревата экспансией и агрессией.

Авторитарные и фашистские режимы объединяет прежде всего программа отрицания, а следовательно: антикоммунизм, антидемократизм, антипарламентаризм, часто, хотя и не всегда, антисемитизм, критика многопартийной системы, партийного блокирования, коррупции, злоупотреблений и диктатуры клики. В отличие от фашистских авторитарные режимы редко решаются на позитивную, динамичную, мобилизационную деятельность. В странах отсталой Центрально-Восточной Европы они не были вынуждены создавать развитые идеологические конструкции. Их не спланировали ни глобальные цели, ни тотальные методы, типичные для фашистских режимов (исключая период войны, когда они оказались под диктатом фашистских держав).

Авторитарные режимы редко проводят полное и последовательное уничтожение многопартийной системы, парламента, свободы прессы и совести. Чаще всего они оставляют некоторые элементы демократических свобод.

Диктаторы Центрально-Восточной Европы, опираясь на армию, полицию и церковь, правили в странах, имеющих преимущественную сельскохозяйственную экономическую направленность. Пассивность крестьянства обычно является гарантией долговечности авторитарных систем. В авторитарных режимах (в отличие от фашистских) решительно преобладают элементы продолжения традиционных или давних политических и общественных структур.

Понятно, что это не полный список отличительных особенностей авторитарных движений и режимов. Трудно говорить о “чистых моделях”, измерить, что является полуфашистским, а что полуавторитарным. Например, в диктатуре Карлиса Ульманиса в Латвии нетрудно усмотреть многие черты фашистского государства. В свою очередь, румынский режим на стыке

1940/1941 гг., которому Железная Гвардия (*Garda de Fier*) под предводительством Хории Симы пыталась приписать черты фашизма, после ее разгрома Йоном Антонеску вернулся к своему *status quo ante* – к модели авторитарного государства. Румынский режим принадлежал, однако, к исключительным. В целом мы видим процессы заимствования правыми диктаторами элементов программ и методов побежденных ими фашистских движений или устройства государств под диктатом фашистских государств.

Если бы мы искали отклонения от модели, то трудно говорить о решающей роли армии в Австрии Дольфуса и Шушнига. Латвия Карлиса Ульманиса смогла политически организовать крестьян, правящая элита в Польше времени санации в большинстве своем не состояла из крупной буржуазии и помещиков. Пилсудский, называемый Карло Сфорце “диктатором анахронизма”, несомненно, обладал способностью общения с массами.

Мы поместили в нашей пробной типологии те черты, которые чаще всего встречались в государствах Центрально-Восточной Европы. Многие из них имеют при этом универсальный характер, роднящий их с авторитарными режимами в других частях мира.

Типичным явлением для Центральной Европы, балканских и прибалтийских стран было устранение крайне правых движений традиционными правыми. Не стоит приписывать это лишь незрелости социальной структуры отдельных стран.

Авторитарные режимы возникли как бы в две волны: в 1923–1926 гг., а затем в 1933–1936 гг. Здесь можно говорить о хронологических отклонениях в случае Югославии или Румынии, что не изменяет, однако, общую структуру. Большинство диктаторов, пришедших к власти после победы Гитлера, делали все, чтобы избежать участи его соперников из традиционных правых. Они сделали логичный вывод, что союз фашистов с консерваторами невозможен. Это доказала практика первых месяцев существования третьего рейха.

Борис III, Кароль II, Антонеску, Ульманис, Пяц или Лайдонер, а в первую очередь Дольфус и Шушниг абсолютно сознательно защищали традиционные ценности правых от “революции нигилизма” НСДАП.

Кризис парламентской демократии, начавшийся по всей Европе после первой мировой войны, в первую очередь затронул новообразовавшиеся государства Центральной и Восточной Европы. Их парламенты и правительства сразу же оказались под усилившимся во много раз давлением массовых движений левых и правых, экономических кризисов, а также под нажимом тоталитарных держав и экспансии националистических движений, обостренных несправедливостью версальской системы.

Во многих странах диктатура возникла как прямой ответ на реальную или мнимую угрозу со стороны левых, “красной революции” (например, Венгрия, Болгария, Греция), в других – в виду угрозы ультраправых (Эстония или Румыния), в некоторых случаях мотивировка была более сложной, в игру входили защита от всяческих экстремистских движений и преодоление анархии, боязнь угрозы со стороны соседей.

Для малых и средних стран Центральной и Восточной Европы государственная независимость была высшим благом, понятия “государственные интересы” или “национальные интересы” должны были оправдать замену прежней иностранной диктатуры (российской, турецкой, германской или австро-венгерской) отечественной диктатурой. Националистические и расистские лозунги выростали до уровня государственной идеологии. В некоторых странах установлению диктатуры способствовали мечты о великодержавном могуществе.

Идея государственного переворота и установления авторитарного режима не была навязана Венгрии, Болгарии, Польше, Литве, Югославии, Греции, Австрии, Эстонии, Латвии или Румынии извне. Они выросли на родной почве, некоторые из них были явно инспирированы из-за границы, но лишь в случае Австрии можно говорить о прямом давлении фашистских держав (Италии и Германии).

Тем, что объединяло фашистские Германию и Италию с авторитарными государствами, такими, как Венгрия, Румыния и Словакия, тем, что роднило фашистов с правыми в Европе, в значительной, зачастую преобладающей мере был антикоммунизм. С 1917 по 1941 г. различные политические силы в Европе организовывали идеологическую, “религиозную” войну против Советской России, против Советского Союза. С момента получения власти Гитлер последовательно подготавливал крестовый поход против коммунизма, олицетворением которого был Сталин, а оплотом – Советский Союз.

Во внешней политике польских правительств в 30-е годы решающую роль играли не столько проблемы демократии или коммунизма, сколько оценка степени угрозы Польше со стороны двух империалистических соседей – Советского Союза и Германии. На позицию варшавских политиков существенно влияли, однако, идеологические соображения, а также, что чрезвычайно существенно и о чем мы с легкостью забываем, цивилизационные соображения. Для “польских полковников”, в общем ярких антикоммунистов, ближе был Берлин, чем Москва. Октябрьская революция и гражданская война в России стали для большинства поляков синонимами варварства. Германия считалась западным

государством, страной высокой цивилизации. Казалось, что для поляков, принципиально или не вполне принципиально признающих свою принадлежность к цивилизации Запада, с этой точки зрения Берлин намного ближе.

Согласно указаниям Юзефа Пилсудского, в Варшаве придерживались политики “равного удаления” по отношению к Берлину и Москве, политики “равновесия”. Политика “равного удаления” и некоторого приближения к Германии, в соответствии с планами Пилсудского, должна была продемонстрировать Парижу, что Польшу следует рассматривать как равноправного партнера, и тем самым укрепить польско-французский союз. После смерти Пилсудского Юзеф Бек придавал сближению с Германией больший размах, чем предполагалось первоначально. Однако и Пилсудский, и его министр иностранных дел заблуждались в том, что Гитлер, как австриец, будет лучше понимать поляков, чем прусские или германские министры и генералы. Действительно, в 1934–1938 гг. Гитлер диктовал политику сближения с Польшей в надежде, что ему удастся использовать ее как подчиненного партнера в походе против СССР⁵. Он видел ее в той роли, какую позднее (в 1941–1944 гг.) играла Румыния Йона Антонеску.

В Варшаве, как и во многих других европейских столицах, ошибочно полагали, что Гитлер в своей политике будет руководствоваться рациональными соображениями, а не иррациональной, рассчитанной на мобилизацию ненависти расистской и шовинистической идеологией. Антибольшевизм Гитлера заслонял от внимания варшавских политиков только временно затихшие, но весьма живые ревизионистские лозунги в отношении Польши⁶.

Бек и его соратники при всем своем антибольшевизме, как известно, последовательно отказывались присоединиться к Анतिकоминтерновскому пакту. Не поддались они и иллюзиям общего похода против СССР. В Варшаве ошибочно полагали, что какой бы то ни было союз Москвы и Берлина невозможен по идеологическим соображениям. Считалось, что СССР не присоединится ни к какой немецкой акции в Центральной Европе.

В Варшаве также заблуждались в том, что экспансия третьего рейха может быть направлена в юго-восточную Европу. Близорукость польских политиков основывалась на том, что многие из них открыто соглашались с захватом Чехословакии Гитлером. В Варшаве переоценивали значение Польши для Парижа или Берлина. Как пишет автор новой монографии “Польско-германские отношения 1938–1939” Станислав Жерко, «польская концепция предполагала в сущности укрепление взаимоотношений, но при условии сохранения status quo и не нарушения рамок суще-

ствовавшего взаимодействия. Германская формула была совершенно иной, поскольку ее авторы стремились к тому, чтобы Польша однозначно выступила на стороне “Оси”»⁷.

Жерко указывает на многие ошибки польской внешней политики 1938–1939 гг., в том числе на посылку, что соглашение Германии и СССР исключено. Он упрекает варшавских политиков в переоценке польских возможностей к самообороне⁸. Вместе с тем свою монографию он оканчивает следующим выводом: “Ошибки польской дипломатии не имели большого влияния на решения, принимаемые в Берлине человеком, руководствовавшимся в основном инстинктом. Очевидно, что даже если бы в Варшаве избрали более изысканную тактику по отношению к Германии, а вопрос о возможной помощи со стороны СССР был бы разыгран более тонко, Польша не смогла бы поспособствовать тому, чтобы удержать Гитлера, безоговорочно стремящегося тогда к развязыванию войны”⁹.

¹ Nazismo, fascismo, comunismo. Totalitarismi a confronto. Milano, 1998. Ср.: Stalinism and Nazism. Dictatorships in Comparison / Ed. I. Kershaw and M. Lewin. Cambridge, 1997.

² Stalinisme et nazisme. Histoire et memoire comparees. Sous la direction de H. Roussio. Bruxelles, 1999.

³ Ibid. S. 382. См. также: *Kulesza W.T.* Коцепcje ideowo-polityczne obozu rządzącego w Polsce w latach 1926–1935. Wrocław, 1985 и германское дополненное издание классического труда: *Linz J.J.* Totalitare und autoritare Regime. Wissenschaftsverlag. B., 2000. *Burrin Ph.* Fascisme, nazisme, autoritarisme. Saint-Amand, 2000.

⁴ См.: *Borejsza J.W.* Il Fascismo e l'Europa orientale. Dalla propaganda all'aggressione. Bari-Roma, 1981; *Idem.* Mussolini byl pierwszy... Warszawa, 1989; *Idem.* Sculen des Hasses. Frankfurt a / M., 1999; *Idem.* Szkoły nienawisci. Historia faszystów europejskich 1919–1945. Wrocław, 2000.

⁵ См.: *Borejsza J.W.* Antyslawizm Adolfa Hitlera. Warszawa, 1988. S. 61–81.

⁶ См.: *Musielak M.* Nazizm w interpretacjach polskiej myśli politycznej okresu międzywojennego. Poznań, 1997. Ср. также: *Случ С.З.* Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999. С. 77–168.

⁷ *Zerko S.* Stosunki polsko-niemieckie 1938–1939. Poznań, 1998. S. 86.

⁸ Другого мнения придерживается М. Корнат, автор полемической статьи “По поводу книги Станислава Жерко о польско-германских отношениях 1938–1939” (*Kornat M.* W związku z książką Stanisława Żerki o stosunkach polsko-niemieckich 1938–1939 // *Dzieje Najnowsze.* 2000. № 4. S. 71–90). В частности, Корнат пишет: «Заслугой Юзефа Бека было такое лавирование между существовавшими противоречиями, что польскому государству удалось “переждать” политику “умиротворения” западных держав в положении, “хранимом при помощи линии 26 января 1934 г.” Польша пережила этот необыкновенно трудный

период, не связав себя в Берлине такими обязательствами, от выполнения которых нельзя было бы освободиться. Для Польской Республики программа умиротворения создавала слишком опасный климат: над Польшей нависла угроза “распоряжения ее территорией” во имя мира. Польша этого избежала, не без искусных стараний и личной решимости Юзефа Бека. В Варшаве, заботясь об ослаблении напряженности в отношениях с третьим рейхом, вместе с тем всегда оставляли себе лазейку, позволяющую вернуться к обновлению отношений с западными державами, если в изменившихся условиях это будет необходимо и возможно. В марте 1939 г. такой час настал. За культивирование того, что автор (Ст. Жерко) называет “линией 26 января 1934 г.” нужно было расплачиваться. Ценой, главным образом, стало восприятие Польши в западном общественном мнении» (Ibid. S. 89).
Żerko St. Op. cit. S. 466–467.

М.М. Наринский

ПОЛИТИКА СССР В ЕВРОПЕ И ПОЛЬША. 1933–1938

Рассматриваемый период был для Советского Союза временем гигантских потрясений и громадных свершений, неоспоримых успехов и явных провалов, демократической конституции и “большого террора”, упрочения тоталитарного режима и укрепления мифа о стране социализма. СССР все более явно отказывался от курса на мировую революцию, его внешняя политика все более ориентировалась на национально-государственные и геополитические интересы в понимании кремлевского диктатора.

Это относилось и к советско-польским отношениям. Намечавшееся в начале 30-х годов улучшение отношений СССР с Францией позитивно сказалось и на отношениях Советского Союза с Польшей. Под влиянием Парижа польское руководство летом 1931 г. возобновило контакты с Москвой относительно возможности переговоров о заключении двустороннего пакта о ненападении.

В Германии, привилегированном советском партнере того времени, настороженно и неодобрительно следили за возможным улучшением отношений СССР с Францией и Польшей. В Берлине были особенно встревожены возможностью включения в советско-польский договор статьи о взаимной гарантии неприкосновенности границ. В сложившейся ситуации руководство Наркомата иностранных дел считало нецелесообразным заключение договора о ненападении с Польшей, способного привести к ухудшению отношений с Германией. Поэтому НКИД дал категорические опровержения появившихся сообщений информационных агентств о начавшихся советско-польских переговорах. 28 августа 1931 г. М. Литвинов заявил в Берлине, что никаких переговоров между правительствами СССР и Польши о заключении пакта о ненападении “не велось и не ведется”¹.

Однако И. Сталин подошел к делу более прагматически и широко. 30 августа 1931 г. Сталин, отдохнувший на юге, направил

письмо Л. Кагановичу в Москву, в котором писал: «Почему не сообщаете ничего о польском проекте пакта (о ненападении), переданном Патеком (польский посол в Москве. – М.Н.) Литвинову? Дело это очень важное, почти решающее (на ближайшие 2–3 года) вопрос о мире, и я боюсь, что Литвинов, поддавшись давлению так называемого общественного мнения, сведет его к пустышке. Обратите на это дело серьезное внимание, пусть ПБ возьмет его под специальное наблюдение и постарается довести его до конца всеми допустимыми мерами. Было бы смешно, если бы мы поддались в этом деле общемещанскому поветрию “антиполонизма”, забыв хотя бы на минуту о коренных интересах революции и социалистического строительства»². В тот же день политбюро выразило недовольство руководству НКВД по поводу самовольного опровержения сообщений о переговорах с поляками³. Таким образом, с точки зрения Сталина позиция Польши была ключевой для внешнеполитического положения Страны Советов – без участия Польши антисоветская военная акция со стороны Запада не могла быть организована.

Получив проект Патека, Сталин дал категорическое указание начать переговоры с Польшей. В письме Кагановичу от 7 сентября он обвинил Карахана и Литвинова в том, что они “допустили грубую ошибку, для ликвидации которой необходимо более или менее продолжительное время”⁴. 20 сентября, отвергнув точку зрения Литвинова, политбюро приняло окончательное решение: добиваться заключения пакта о ненападении с Польшей⁵.

Позитивному развитию переговоров с Польшей способствовала и позиция Франции. 23 сентября 1931 г. французское правительство сообщило полпреду СССР в Париже, что, по его мнению, заключение советско-французского пакта должно было последовать за советско-польским договором или сопутствовать ему. Полпред В.С. Довгалевский возражал против подобной постановки вопроса, но вместе с тем отметил, что “Советское правительство неоднократно заявляло о своей готовности подписать соответствующее соглашение с Польшей”⁶.

Договор о ненападении между СССР и Польшей был подписан 25 июля 1932 г., но, к сожалению, не привел к решительному улучшению отношений между двумя странами. Руководство каждой из них преследовало свои собственные интересы.

На обеде у К. Ворошилова 7 ноября 1937 г. Сталин заявил своим соратникам: “Русские цари сделали много плохого. Они грабили и порабощали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело – создали огромное государство – до Камчатки. Мы по-

лучили в наследство это государство. И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство, как единое неделимое государство, не в интересах помещиков и капиталистов, а на пользу трудящихся, всех народов, составляющих это государство...”⁷

В соответствии с логикой наследника русского царизма, правителя огромного государства и действовал Сталин.

В сфере международной политики сталинский режим стремился предотвратить создание антисоветской коалиции, избежать угрозы большого военного конфликта в Европе с участием СССР. Мировой экономический кризис и его политические последствия способствовали укреплению в советском руководстве ощущения нарастающей угрозы. 5 января 1932 г. А. Лозовский обратился с письмом к делегации ВКП(б) в Коминтерне, в котором отмечал: “Ряд фактов свидетельствует о том, что война приближается”⁸.

Советское руководство стремилось укрепить свои собственные внешнеполитические позиции. В отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии в январе 1934 г. Сталин отверг ориентацию Советского Союза на Францию и Польшу, как и ориентацию в предшествующий период на Германию. “Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР ... И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний”⁹.

Основным фактором, обусловившим изменения во внешней политике Советского Союза, стал приход к власти в Германии нацистов с их жесткой антисоветской риторикой и решительными мерами по усилению влияния рейха в Европе. Те методы, которыми новое германское руководство действовало на международной арене, не могли не настораживать Кремль. Отсюда стремление подстраховаться через сближение с Францией и ее союзниками, через политику коллективной безопасности. В сложившейся ситуации СССР стал выступать как фактор стабильности в Европе¹⁰.

1 декабря 1933 г. политбюро приняло решение, предусматривавшее возможность вступления СССР в Лигу наций и заключения регионального соглашения о взаимной защите от агрессии со стороны Германии (Восточного пакта). При этом оговаривалось, что “СССР согласен на участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши”¹¹. В июне 1934 г. Советский Союз был признан Чехословакией и Румынией, в сентябре

принят в Лигу наций и сразу же стал постоянным членом ее Совета.

Вопросы сближения и союза с Францией, а также возможно-го заключения Восточного регионального пакта занимали важное место в европейской политике СССР в 1933–1935 гг. Эти вопросы неоднократно рассматривались и на заседаниях политбюро. Думается, что это была серьезная долговременная политическая линия, а не просто отвлекающий дипломатический маневр. Другое дело, что советское руководство исходило при этом не из идеологии антифашизма и не из приверженности идее коллективной безопасности как таковой, а из национально-государственных интересов СССР¹². Поэтому оно стремилось к наиболее выгодному для Советского Союза варианту реализации концепции коллективной безопасности, в частности настаивало на обязательном участии в Восточном пакте Франции и Польши, но возражало против участия в нем Румынии из-за нерешенного вопроса о Бессарабии.

В 1934 г. выявилось явно отрицательное отношение Германии и Польши к заключению Восточного пакта при весьма двусмысленном отношении к этому проекту со стороны Великобритании. Что касается позиции Москвы, то советское руководство, как оно отмечало в апреле 1935 г., предпочитало заключить “пакт взаимопомощи на Востоке с участием Германии и Польши, а если Германия отказывается, то с участием хотя бы Польши, в случае же несогласия и Польши, то с Францией, Чехословакией и Прибалтийскими странами”¹³. Опасаясь франко-германского сближения, а возможно, и реализации идеи “пакта четырех” (Франция, Великобритания, Германия и Италия), Москва интенсифицировала контакты с Парижем, которые привели к заключению СССР договоров о взаимопомощи с Францией и Чехословакией в мае 1935 г. При подготовке к подписанию советско-французского пакта политбюро ЦК ВКП(б) неоднократно требовало от советского посла в Париже В. Потемкина “не забегать вперед и не создавать тем самым иллюзии о том, что будто бы мы больше нуждаемся в пакте, чем французы. Мы не так слабы, как предполагают некоторые”¹⁴. Тем не менее 2 мая 1935 г. был подписан договор о взаимной помощи между СССР и Францией, а 15 мая между СССР и Чехословакией.

В условиях жесткой антисоветской линии германского руководства ориентация на взаимодействие с Францией была характерна для советской внешней политики в 1935–1936 гг. Москва предоставила Парижу инициативу возобновления переговоров о Восточном региональном пакте. При обсуждении в Лиге наций вопроса о санкциях против Италии в связи с ее агрессией против

Эфиопии М. Литвинову в октябре 1935 г. было дано указание сохранять “по возможности контакт с Францией”¹⁵. То, что именно правительство Франции выступило инициатором соглашения о невмешательстве в испанские дела, способствовало принятию этого предложения советским руководством, хотя оно неизменно отстаивало свою собственную позицию поддержки испанских республиканцев. Значительная часть решений ПБ в 1936–1938 гг. связана именно с деятельностью Комитета по невмешательству в испанские дела, ибо все директивы советским представителям в комитете утверждались высшей партийной инстанцией.

Думается, что именно испанские события сыграли роль главного препятствия на пути развития советско-французского сближения. Французская политика последовательно ориентировалась на позицию Великобритании, которая вызывала в Москве враждебность и подозрительность. Неблагоприятное изменение отношения советского руководства к Франции выразилось в решении политбюро от 19 ноября 1937 г. отклонить предложение М. Литвинова о приглашении министру иностранных дел Франции И. Дельбосу посетить СССР: “Мы не понимаем, для чего собственно сейчас нужна поездка Дельбоса в Москву”¹⁶.

К этому времени фактически безрезультатно завершились попытки военных переговоров между Москвой и Парижем. Обе стороны относились к ним с недоверием и настороженностью. Французские военные руководители стремились выяснить, в каких формах и какими видами вооруженных сил СССР мог бы оказать помощь Франции и Чехословакии. Характерно, что в ходе этих переговоров французская сторона не ставила вопрос о возможном советском содействии Польше. Советские же представители считали необходимым официальное решение французского правительства относительно ведения двусторонних военных переговоров. Одновременно они ставили перед руководителями французского генштаба ключевой для Москвы вопрос: “Имеются ли у французского правительства основания рассчитывать на пропуск советских войск через те страны, которые отделяют Советский Союз от Германии, в частности через Литву и Польшу”¹⁷. Таким образом, позиция Польши относительно возможности пропуска войск Красной Армии была главной для советского руководства.

Обращая внимание на противодействие некоторых французских политических и военных деятелей развитию сотрудничества с СССР, советский полпред в Париже В. Потемкин сообщал в Москву в ноябре 1936 г.: “Из всего вышеизложенного ясно, как опасно строить иллюзии насчет расположения к СССР некоторых влиятельных членов правительства и высшего командова-

ния и какую осторожность и сдержанность нужно проявлять в нашей работе по закреплению франко-советского сотрудничества. Менее всего желательно выказывать при этом нашу особую заинтересованность”¹⁸. Не менее скептически в отношении начавшихся военных переговоров было настроено и руководство Наркомата обороны СССР. Нарком Ворошилов писал Сталину в январе 1937 г.: “Хотя французский генштаб и взял на себя инициативу начала переговоров о военном выражении договора о взаимопомощи, но делает он это в такой форме, которая похожа на желание получить расплывчатый и ничего не значащий ответ, который позволил бы Гамелену доказывать в правительстве бесполезность и невыгоду дружественных отношений с Советским Союзом”¹⁹.

Расхождения между СССР и Францией по вопросам международной политики, пробуксовывание двусторонних военных переговоров, крушение надежд на правительства Народного фронта привели к заметному охлаждению советско-французских отношений во второй половине 1937 г.

Вместе с тем имидж Советского Союза в международном сообществе потерпел серьезный урон из-за массовых репрессий, развернутых в стране сталинским режимом. 23 января 1937 г. начался второй московский процесс. 17 подсудимых обвинялись в создании “троцкистско-зиновьевского центра”, который якобы пытался свергнуть советское правительство организацией покушений на его членов с целью реставрации в СССР капитализма при пособничестве иностранных государств, прежде всего Германии и Японии. Ведущей темой процесса стала тема саботажа, открывшая путь к массовой расправе над народнохозяйственными и партийными кадрами. “Большой террор” был подхлестнут решениями февральско-мартовского (1937) пленума ЦК ВКП(б). По стране прокатывались волны репрессий, затронувшие сотни тысяч руководителей разного уровня. В июне был вынесен смертный приговор группе высших военачальников Красной Армии во главе с заместителем наркома обороны маршалом М. Тухачевским. За два последующих года Красная Армия была обезглавлена и заметно ослаблена сталинскими чистками. Ситуация в СССР с точки зрения любого зарубежного наблюдателя становилась все более непредсказуемой и нестабильной. Советский Союз перестал быть надежным внешнеполитическим партнером.

Документы “Особых папок” политбюро позволяют охарактеризовать советскую внешнюю политику как осторожную и прагматичную. Израильский исследователь Г. Городецкий совершенно обосновано утверждает: “Советская политика по существу всегда была взвешенной *Realpolitik*”²⁰.

Советское руководство не хотело резкого ухудшения отношений ни с фашистской Италией, ни с нацистской Германией, оставляя себе поле для политического маневра. При обсуждении в Лиге наций вопроса об агрессии Италии против Эфиопии (Абиссинии) в октябре 1935 г. политбюро давало советским представителям В. Потемкину и М. Литвинову весьма характерные директивы: “По своей инициативе ни одного из поставленных Вами вопросов в Совете не подымайте ... Если можно не выступать, ограничьтесь лишь голосованием по означенным вопросам. Ни в коем случае не заостряйте выступления”; “Не проявляйте большей ретивости в санкциях, чем другие страны...”²¹ В январе 1936 г. советское руководство стремилось избежать введения против Италии нефтяных санкций²². Наконец, показателен отказ политбюро на просьбу Эфиопии в декабре 1935 г. о помощи военными инструкторами и оружием – “нам самим не хватает”²³.

Столь же осторожным было отношение сталинского руководства к нацистской Германии. Правда, в “Особых папках” политбюро отсутствуют какие-либо упоминания о контактах Радека – Канделаки – Бессонова с германским руководством²⁴. Очевидно, дискуссии о значении этих советских демаршей будут продолжаться.

Вместе с тем ставшие ныне доступными для исследователей документы подтверждают, что Сталин даже в период борьбы СССР за коллективную безопасность стремился сохранить “открытыми двери” для эвентуального соглашения и даже сотрудничества с национал-социалистической Германией²⁵. Так, в сентябре 1936 г. в связи с грубыми антисоветскими выпадами германских лидеров на съезде нацистской партии в Нюрнберге советский полпред в Берлине Я. Суриц предлагал дать сильный и резкий ответ на эти антисоветские выступления. “Этот ответ мог бы выразиться, например, в следующих мероприятиях: 1) нота протеста; 2) твердое публичное выступление одного из руководителей нашей страны; 3) приостановка поставок сырья в ущерб Германии, даже если это сопряжено с оплатой некоторых наших векселей в золоте”²⁶. М. Литвинов поддержал Я. Сурица и поставил вопрос о советской реакции на съезд нацистской партии на заседании политбюро. Однако сталинское руководство решило не только не приостанавливать поставки советского сырья в Германию, но даже не посылать ноту протеста: “Отклонить предложение тт. Литвинова и Сурица о посылке ноты протеста германскому правительству по поводу выступления Гитлера и других на Нюрнбергском съезде”²⁷. Очевидно, сам Сталин поддержал эту гораздо более осторожную и прагматичную позицию.

Характерно, что и в нацистском руководстве имелись различные подходы к отношениям с Советским Союзом. Так, в декабре 1936 г. Г. Геринг пригласил советского посла Я. Сурица на встречу, на которую политбюро дало свое согласие²⁸. Во время беседы имперский министр авиации высказался за развитие экономических связей между Германией и СССР и нормализацию политических отношений между двумя странами²⁹. К сожалению, мы пока не знаем реакцию Кремля на эти заявления Геринга.

Вместе с тем советское руководство продолжало осуждать экспансионистские акции нацистской Германии. Оно хорошо представляло те опасности для европейской ситуации, которые заключал в себе аншлюс Австрии, осуществленный Германией в марте 1938 г. В письме НКВД в ЦК ВКП(б) от 14 марта говорилось: “Захват Австрии представляется величайшим событием после мировой войны, чреватый величайшими опасностями и не в последнюю очередь для нашего Союза”³⁰.

В заявлении для печати наркома М. Литвинова от имени советского правительства подчеркивалось: “Нынешнее международное положение ставит перед всеми миролюбивыми государствами, и в особенности великими державами, вопрос об их ответственности за дальнейшие судьбы народов Европы, и не только Европы”. Советский Союз заявлял о своей готовности “участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни”³¹.

Далее последовало наращивание германского давления на Чехословакию, возник серьезный международный кризис. СССР стремился не допустить своей международной изоляции. Поэтому советское руководство готово было в той или иной степени поддержать правительство Чехословакии в его попытках сопротивляться требованиям Гитлера и противодействовать давлению Великобритании и Франции.

19 сентября полпред СССР в Чехословакии С. Александровский сообщил в Москву о своей беседе с президентом Э. Бенешем. Президент сообщил ему содержание совместного англо-французского предложения о решении судетско-немецкого вопроса путем прямой уступки Германии тех округов, в которых немцы составляли больше 50% населения. Остальные округа должны были получить частичную автономию. Предполагалось, что новые границы Чехословакии установит международная комиссия. Бенеш заявил о неприемлемости англо-французского предложения для Чехословакии, которой оставалось лишь защищаться против агрессии.

20 сентября 1938 г. политбюро ЦК ВКП(б) утвердило следующий проект ответа на телеграмму Александровского:

“1. На вопрос Бенеша, окажет ли СССР, согласно договору, немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени Правительства Советского Союза утвердительный ответ.

2. Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос Бенеша – поможет ли СССР Чехословакии, как член Лиги наций, на основании ст.ст. 16 и 17, если, в случае нападения Германии, Бенеш обратится в Совет Лиги наций с просьбой о применении упомянутых статей”³².

В условиях острого международного кризиса советское правительство предприняло демарш с целью давления на Польшу. 23 сентября оно сделало заявление польскому правительству в связи с сообщениями о подготовке Польшей акции против Чехословакии. Советский Союз предупредил Польшу о возможности денонсации советско-польского пакта о ненападении от 25 июля 1932 г. в случае агрессии Польши против Чехословакии³³. Советско-польские отношения заметно ухудшились.

После Мюнхена, в октябре–ноябре 1938 г., посол В. Гржибовский имел несколько бесед с руководителями НКВД СССР, в которых он выражал желание польского правительства улучшить отношения с СССР. Во время беседы М. Литвинова с Гржибовским 4 ноября советский нарком иностранных дел предложил проект совместного коммюнике.

Этот проект был накануне, 3 ноября, одобрен политбюро. В нем подтверждалась приверженность обеих сторон советско-польскому договору о ненападении 1932 г. Правительства СССР и Польши заявили о стремлении к лояльному соблюдению всех положений этого договора. Проект коммюнике констатировал, “что будучи заинтересованы в сохранении мира и спокойствия на всем протяжении Востока Европы, оба правительства будут консультировать друг друга в случаях, когда миру и спокойствию будет угрожать какая-либо опасность”³⁴.

В ходе последующих переговоров польское правительство придало коммюнике довольно общий характер, в частности, исключив из него пункт о взаимных консультациях. М. Литвинов отмечал: “Польское правительство выхолостило наш проект и получился документ довольно бесцветный”³⁵. Возможность решительно улучшить советско-польские отношения была упущена.

Взаимное недоверие, подозрительность, скрытая враждебность – таков был багаж в двусторонних отношениях, с которым

СССР и Польша подошли к 1939 г. Руководство обеих стран недооценивало угрозу фашистской агрессии, допустило серьезные просчеты в анализе международной обстановки.

- ¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1967. Т. V. С. 498.
- ² Российский государственный архив социально-политической истории (Далее: РГАСПИ). Документ предоставлен автору О.В. Хлевнюком.
- ³ Там же. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 178.
- ⁴ Там же. Документ предоставлен автору О.В. Хлевнюком.
- ⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 8.
- ⁶ История внешней политики СССР. Т. I. 1917–1945 гг. / Под ред. А.А. Громько, Б.Н. Пономарева. М., 1980. С. 267.
- ⁷ Цит. по: *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 128.
- ⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 228. Л. 34.
- ⁹ *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. М., 1946. С. 436.
- ¹⁰ См.: *Pons S.* Stalin e la guerra inevitabile. 1936–1941. Torino, 1995. P. 4–5.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 154–155.
- ¹² См.: *Ульдрикс Т. Дж.* Политика безопасности СССР в 1930-е годы // Советская внешняя политика в ретроспективе. 1917–1991. М., 1993. С. 74–77.
- ¹³ Документы внешней политики СССР. М., 1973. Т. XVIII. Док. № 157. С. 259.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 5–6.
- ¹⁵ Там же. Д. 18. Л. 178.
- ¹⁶ Там же. Д. 22. Л. 60.
- ¹⁷ Записка наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова И. Сталину. Январь 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 25. Д. 3965.
- ¹⁸ Выписка из письма т. Потемкина т. Крестинскому от 12.XI.1936 г. // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 25. Д. 5390.
- ¹⁹ Записка наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова И. Сталину. Январь 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 25. Д. 3965.
- ²⁰ *Городецкий Г.* Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999. С. 21.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 173, 178.
- ²² Там же. Д. 19. Л. 32.
- ²³ Там же. Д. 19. Л. 13.
- ²⁴ См.: *Haslam J.* The Soviet Union and the Struggle for Collective Security. 1933–1939. N.Y., 1991.
- ²⁵ *Случ С.* Германия и СССР в 1918–1939 годах: Мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1955). М., 1995. С. 66.
- ²⁶ Документы внешней политики СССР. М., 1974. Т. XIX. Примечания. С. 762.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 78.

- ²⁸ Там же. Л. 130.
- ²⁹ Там же. Ф. 71. Оп. 25. Д. 3646.
- ³⁰ Цит. по: История внешней политики СССР. Т. 1. С. 335.
- ³¹ Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979. С. 60.
- ³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 5–6.
- ³³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VI. М., 1969. Док. № 257. С. 363.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 38, 48.
- ³⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XXI. М., 1977. С. 648–649. Текст коммюнике см.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1969. Т. VI. Док. № 267. С. 371.

С. Грегорович

(Варшава)

МЕСТО И РОЛЬ СССР
В ПОЛИТИКЕ ПОЛЬШИ
в 30-е годы

Разговор о месте и роли России—СССР в политике Польши уместно предварить несколькими замечаниями об исторической основе отношения поляков к России и русским. Я хотел бы указать на некоторые аспекты данной обширной проблематики, прежде всего на те из них, которые непосредственно связаны с формированием польской политической мысли, а следовательно и международной политики.

Для того чтобы лучше понять эмоциональную основу отношения поляков к России, необходимо осознать тот факт, что в течение двух последних веков не было поколения поляков, которое бы не ощутило негативных, а чаще всего трагических последствий политики России, а затем СССР по отношению к Польше. В XIX в. именно польские национальные восстания во многом сформировали в глазах Европы образ России как деспотической монархии, жестоко подавляющей все проявления свободы и тормозящей прогресс, как символа реакционности и отсталости.

На таком фоне стремление поляков к независимости и созданию собственного государства приобретало более широкое значение. Полякам сочувствовала вся прогрессивная Европа, их поддерживало общеевропейское либеральное общественное мнение. Это способствовало тому, что укреплялось представление о том, что польский народ играет особую роль, преграждая царскому деспотизму путь в Европу, что он возглавляет борьбу “за нашу и вашу свободу”. Не случайно именно на этот аспект борьбы поляков обратили внимание лидеры развивающегося международного рабочего движения. В годовщину январского восстания, в 1867 г. К. Маркс писал: “Следовательно, Европе остается выбрать лишь одно из двух. Либо азиатское варварство под предводительством москалей обрушится на нее, подобно лавине, либо ей придется возродить Польшу, тем самым отгородившись от Азии двадцатью миллионами героев и использовав

свободные минуты на проведение новых общественных преобразований”¹.

Поддержка со стороны национальных и общественных освободительных движений либеральной Европы ничем не помогла Польше, изнемогающей под гнетом царизма, ни в чем не улучшила ее положения после январского восстания. Однако она не могла не повлиять на политическое мышление поляков.

Стремление поляков к независимости было направлено главным образом против России, хотя, разумеется, поляки боролись за свою государственность со всеми тремя захватчиками. Однако Россия, завладевшая землями Центральной Польши, в иерархии врагов польской нации, безусловно, выдвинулась на первое место.

Антирусский характер польского патриотизма был в свое время (после ноябрьского восстания) усугублен Большой эмиграцией; довершило дело январское восстание, которое своим трагическим итогом закрыло этап вооруженных выступлений, попыток с оружием в руках “пробиться к независимости”. Чувство поражения и политика жестоких репрессий, которую царизм обрушил как на участников восстания, так и на все польское общество, усилили и углубили антирусские настроения поляков. Лишь тогда окончательно укрепился тезис о вечной враждебности России по отношению к Польше. Важным было и то, что далекое от идейного единства польское общество в своем отношении к России оказалось почти единым. Со временем также, как писал Тадеуш Лэбковский², по разным причинам, вероисповедным, политическим, культурным, бытовым, в польском сознании родилось чувство цивилизованного превосходства, а порой и презрения к России. Такому отношению поляков к русским и к России сильно способствовала политика царизма, вызывающая у польского общества ненависть и отвращение. К сожалению, эта политика не находила противников в российском обществе, а нередко общественное мнение ее поддерживало. Понимание и поддержка национально-освободительных стремлений поляков были среди русских явлением исключительным. Общеизвестна дружественная по отношению к Польше позиция Александра Герцена, выраженная в полных симпатии к полякам статьях, написанных в период январского восстания, однако его позиция не нашла отклика в российском обществе³. Напротив, в России в это время была развязана ожесточенная антипольская кампания, вдохновителем и активнейшим участником которой был Михаил Катков, редактор “Московских новостей”, автор серии статей, пронизанных крайним шовинизмом и ненавистью к Польше и полякам⁴.

Антипольская атмосфера, сохранявшаяся практически до начала следующего века, с одной стороны, усиливала маразм, оту-

пение и разочарование в каких бы то ни было политических действиях, господствовавшие в польском обществе после поражения восстания, а с другой, заметно углубляла эмоциональную пропасть между поляками и русскими. Положение изменилось лишь на рубеже веков, когда обрело голос новое поколение поляков, не испытавшее горечи поражения и репрессий, последовавших за восстанием. К этому поколению вернулась способность мыслить и действовать политически. События начала XX в., поражение России в войне с Японией и революция 1905 г. вызвали беспрецедентное политическое оживление на польских землях. Все более отчетливая перспектива конфликта между захватчиками открывала возможность поставить (и даже решить) польский вопрос на международной арене. Большинство связывало судьбу Польши с Австро-Венгрией, где полякам была предоставлена наибольшая свобода в политической сфере, однако появилась и концепция ориентации на Россию. Ее выдвинула крупнейшая в Царстве Польском политическая группировка – Национал-демократическая партия. Несмотря на заметную эмоциональную эволюцию, на то, что с течением времени радикально-негативное отношение к крупнейшему из захватчиков несколько смягчилось, в восприятии России поляками не произошло никакого принципиального перелома. Концепция ориентации на Россию с трудом принималась даже в национал-демократическом лагере. Главной причиной малой, а впоследствии ничтожной популярности в польском обществе ориентации на Россию была жестокая, анахроничная, негативная политика царизма в польском вопросе. После короткого периода определенных уступок в 1905–1907 гг. эта политика вернулась в прежнее русло игнорирования политических и национальных требований поляков, опоры на репрессии и пренебрежения к своим потенциальным союзникам в Царстве Польском.

Ни в малейшей степени (быть может, к счастью для поляков) не используя антинемецкий потенциал, дремлющий в польском обществе, российская политика на польском направлении накануне и во время первой мировой войны была менее эффективна не только, чем политика Австро-Венгрии, но и чем политика Германии; обе эти страны не скупились на политические предложения, адресованные полякам. Воззвание великого князя Николая Николаевича в августе 1914 г., в котором впервые со времен разделов официально прозвучали слова о соединении польских земель под российской короной, даже частично не восполняли отсутствия в политике России какой-либо программы позитивного решения польского вопроса.

Падение царизма и возрождение независимого польского государства наряду с возникшими на развалинах трех монархий го-

сударствами Центрально-Восточной и Южной Европы радикально изменили политические условия в этой части континента. Однако парадоксальным образом, несмотря на большевистский переворот в России, возобновилась давняя тенденция к антипольскому сотрудничеству России и Германии, которое началось тотчас по окончании первой мировой войны. В это время осуществлялись совместные действия немецкого командования на востоке (Обер-Ост) и командования перемещавшихся вслед за немцами частей Красной Армии. Известен факт пробольшевистской политики правительства Веймарской республики в период нападения Красной Армии на Польшу в 1920 г.⁵ Антипольские мотивы постоянно присутствуют в советско-германских переговорах. В частности, Карл Радек в декабре 1921 г. предлагал командующему рейхсвера генералу Гансу фон Секту провести совместную военную операцию против Польши⁶. Тот же фон Сект вскоре после этого пришел к выводу, что “существование Польши невыносимо, его невозможно примирить с жизненными интересами Германии. Польша должна исчезнуть, и она исчезнет вследствие своей внутренней слабости, вследствие усилий России, которой мы поможем. Для России Польша еще более невыносима, чем для нас. Никакое российское правительство не примирится с существованием Польши ... Основой германо-российского союза должно быть восстановление границ 1914 года”⁷. В подобном же тоне канцлер Йозеф Вирт составлял инструкции для отбывающего в Москву посла Ульриха фон Брокдорфа-Ранцау⁸.

Неформальные советско-немецкие контакты обрели официальный характер после заключения договора в Рапалло и восстановления дипломатических отношений. Для Москвы отношения с Германией имели исключительное значение. С одной стороны, Советская Россия, выведенная за скобки европейской политической системы, была обречена – без сотрудничества с Германией – на почти полную изоляцию. Поэтому вся ее европейская политика опиралась исключительно на отношения с Германией. С другой стороны, и Германия во многих отношениях находилась в подобной ситуации. Такое политическое положение сближало две страны и располагало их к сотрудничеству, польза от которого для обеих была очевидна. Чрезвычайно существенную роль в этом сотрудничестве играл антипольский фактор. Он часто выполнял тактические или инструментальные функции, но в принципе сам составлял одну из целей политического сотрудничества и ту область, в которой найти общий язык не составляло особого труда.

Антипольские действия были скрепой, объединявшей интересы Германии и СССР. Для Варшавы синонимом таких дейст-

вий был Рапалльский договор, который оценивался как прочный союз двух государств, стремящихся вновь обрести утраченные державные позиции и пытающихся переломить доминирование запада. В окружении Пилсудского в полной мере и без всяких иллюзий оценивали угрозу, исходящую от советско-германского сотрудничества, для положения Польши и ее политики. Указывали на то, что с момента возникновения независимой Республики Польша происходит процесс, от которого зависит, станет ли Польша звеном мирной структуры послевоенной Европы или эту структуру заменит конфигурация в интересах Германии и России. Пилсудский предупреждал, что ни одно государство не выдержит совместной атаки двух своих великих врагов⁹. В польском МИДе оценивали стремление к союзу и сотрудничеству с Германией по польскому направлению как постоянную тенденцию в политике Советской России, понимали, что активная антипольская политика Германии будет служить гарантией для германо-советского сотрудничества¹⁰. Таким образом, на линии Берлин–Москва функционировала своего рода замкнутая система, в основе которой лежал антипольский фактор. При такой ситуации в Варшаве с величайшим вниманием следили за появлением любых шероховатостей и трещин в советско-германских отношениях.

Несмотря на благоприятную атмосферу и развивающееся сотрудничество (в том числе в военной области) между Берлином и Москвой в конце 20-х годов появились первые симптомы, указывающие на то, что прежняя система взаимоотношений и взаимозависимостей начинает ослабевать и может даже развалиться.

С особым беспокойством в Москве следили за чрезвычайно быстрым ростом популярности и влияния национал-социалистов в охваченной экономическим кризисом Германии. В сложившейся там ситуации появилась реальная возможность прихода к власти партии Гитлера, что практически означало конец советско-германского сотрудничества. Впоследствии это полностью подтвердили выборы в рейхстаг в 1930 г.¹¹ Само собой это заставляло Москву пересматривать свою европейскую политику, начинать поиски средств, которые могли бы предотвратить последствия такой возможности. Ибо строить всю свою европейскую политику по-прежнему без альтернативы отношениям с Германией становилось делом небезопасным для политических интересов Советского Союза. Найти такую альтернативу Москва могла бы в переходе к позитивной политике по отношению к “версальским” государствам – Франции и ее главному союзнику Польше, а также попытавшись установить с ними сотрудничество¹². Это стало фактом в 1931 г., после того как с Францией, а потом и с Польшей начались переговоры относи-

тельно заключения пактов о ненападении, которые были затем подписаны в 1932 г.¹³

В начале 30-х годов перспектива окончательного развала германо-советского сотрудничества становилась все более явной, и для Варшавы это было чрезвычайно обнадеживающим явлением. Ибо перед Польшей открывались новые возможности для изменения неблагоприятной ситуации, в которой она оказалась во второй половине 20-х годов. Так что основной проблемой для польской дипломатии в начале 30-х годов стала задача переломить опасный для Польши расклад сил и до конца использовать возможности, которые открывались перед польской политикой в свете распада германо-советского сотрудничества (что, как известно, стало фактом после 30 января 1933 г.). Приход Гитлера к власти принципиальным образом изменил расклад сил в Европе. Довольно неожиданно позиция и положение Польши в новом формирующемся раскладе сил приобретали буквально ключевое значение, причем как с точки зрения Москвы, так и Берлина. В попытках сближения с Францией Москве было бы трудно, хотя бы по геополитическим соображениям, планировать какое-либо реальное сотрудничество с ней без участия Польши. В этих условиях разрядка напряженности и улучшение отношений с Польшей рассматривалась, с одной стороны, как мост, соединяющий Москву с Парижем, а с другой – как фактор противодействия возможному сближению между Польшей и Германией (Как известно, возможность улучшения и нормализации польско-германских отношений появилась уже весной 1933 г.).

На взгляд Варшавы, вопрос разрядки напряженности, улучшения отношений и даже некоторого сближения в отношениях с Советским Союзом выглядел, естественно, совершенно иначе. Сначала такая перспектива, появившаяся в 1931 г., рассматривалась прежде всего как фактор, способствующий распаду советско-германского сотрудничества. Затем приобрели значение и другие аспекты. Нормализация и урегулирование отношений с СССР объективно укрепляли позицию Польши на европейской арене, особенно в глазах союзнической Франции. Так что Польша естественным образом была жизненно заинтересована в том, чтобы развивать добрые и нормальные отношения со своим восточным соседом. Это однозначно проистекало из ее политических интересов, определяемых геополитическими условиями, в которых она в то время существовала и функционировала. Как только появились условия для политического сближения между Польшей и Советским Союзом, оно быстро перешло в разряд фактов (после того как Гитлер разорвал сотрудничество с СССР), и апогей его пришелся на лето 1933 г. Надо прямо ска-

зять, что в достигнутом в то время сближении с Москвой Варшава придерживалась четко определенных границ. Ибо второй, не менее важной составляющей безопасности Польши и ее позиции на международной арене были отношения с Германией.

По многим причинам, в частности вследствие проводившейся в Германии исторической антипольской ревизионистской кампании, отношения с Германией были явно более сложными, чем с СССР. Даже очевидный конец Рапалло и изменившийся расклад сил не давали никакой уверенности в том, что вообще станет возможным урегулирование напряженных до предела отношений с Германией. После первых сигналов, указывающих на возможность изменения ситуации, Варшава предприняла очень осторожные шаги в этом направлении, столь важном для польской политики. Сближение с СССР, наряду с основной своей функцией, могло сыграть роль стимулятора, чтобы начать процесс нормализации отношений с Германией, но только в том случае, если это сближение не пойдет слишком далеко и не приобретет антигерманский характер. Такова была для Варшавы естественная граница сближения с СССР, и перейти ее – значило потерять шанс на решение второго главного для государственных интересов Польши вопроса, т.е. нормализации отношений с Германией. Готовясь к решающему дипломатическому раунду, Варшава придавала этому вопросу огромное значение. Говоря о целях польской политики, маршал Пилсудский летом 1933 г. подчеркивал, что Польша, создав систему безопасности с востока и запада, сможет войти “в стадию полной независимости своей политики” и перевести свои отношения с Францией на нормальные рельсы¹⁴.

Москва же, стремясь к сближению с Польшей, была заинтересована в том, чтобы придать ему по возможности явно антигерманский характер. Она рассчитывала на то, что это вызовет соответствующую реакцию Германии, а также усилит нажим на Гитлера со стороны многочисленных кругов, предостерегающих от последствий установления сотрудничества с СССР и призывающих вернуться к Рапалло. По этому пункту интересы Польши и Советского Союза расходились. Варшава была заинтересована и стремилась к тому, чтобы прийти к нормализации отношений с Германией самым коротким путем, а в Москве это вызывало нескрываемое неудовольствие. Тут были три причины: польско-германское соглашение в любой форме закрепляло распад Рапалло и отодвигало возможность его реактивации в далекое будущее; нормализация отношений с Германией укрепляла позицию Польши, возрастала ее ценность как партнера в любых переговорах; а третьей причиной было беспокойство, пожалуй,

искреннее, хотя используемое в утилитарных и пропагандистских целях, что Польша попадет в орбиту влияния германской политики и установит с Германией сотрудничество антисоветского характера.

Нормализация отношений с Германией в виде подписанной 26 января 1934 г. польско-германской декларации о неприменении силы принципиально изменила обусловленности польской внешней политики. С той поры приобрел практическое значение выработанный польским МИДом принцип сохранения равной дистанции между Польшей и двумя ее великими соседями – Германией и СССР, принцип, часто выражавшийся в формуле: “Ни на шаг ближе к Москве, чем к Берлину”, названный “концепцией равновесия” или равного удаления. Причем трактовалась она не как жесткая доктрина польской внешней политики, а как принцип, позволяющий решать дилемму сохранения Польшей нормальных отношений с обоими враждебными к ней соседями. Очень быстро стало ясно, что “концепция равновесия” противоречит устремлениям политики Советского Союза. Ибо Москва, отрицательно оценивая возможности возвращения к Рапалло, приступила в начале 1934 г. к созданию антигерманского фронта и изоляции Германии на международной арене.

Расхождение в целях польской и советской политики особенно резко проявилось в вопросе о так называемом восточном пакте, советско-французской концепции многосторонней безопасности. В Варшаве видели в ней идеальное поле для розыгрыша дипломатических карт и для политических интриг, но отнюдь не идею, имеющую шансы на осуществление. Варшава подозревала, и не без основания, что замыслом авторов этой концепции было, с одной стороны, найти сферу для советско-французского сотрудничества, что принижало роль Польши в польско-французском союзе, а с другой – испортить только что нормализовавшиеся польско-германские отношения. По этим причинам, а также из-за негативной оценки возможности реализовать эту концепцию Польша с самого начала была решительным ее противником¹⁵. Позиция Польши относительно восточного пакта ясно продемонстрировала Москве, что ни в каких антигерманских комбинациях с участием Советского Союза Варшава участвовать не будет. Это почти немедленно отразилось на общей атмосфере польско-советских отношений, в которых все быстро вернулось к “норме” периода до разрядки.

Атмосферу холодной войны, вновь установившуюся в польско-советских отношениях из-за восточного пакта, подпитывала недружественная по отношению к Польше пропагандистская акция Москвы. Несмотря на выявившиеся, при рассмотрении воп-

роса о восточном пакте, расхождения и противоречия в целях и устремлениях польской и советской политики, а также несмотря на растущее взаимное недоверие, Варшава не была заинтересована в том, чтобы обострились отношения с Москвой. Наоборот, до тех пор пока это было возможно, она старалась сохранить, по крайней мере внешне, видимость их безупречности. Поэтому Варшава “отругивалась” весьма умеренно и сдержанно реагировала на нападки советской пропаганды. Такая позиция Варшавы определялась проводимой министром Ю. Беком “политикой равновесия”. Ибо любое обострение или сохранение напряженности в отношениях с восточным соседом могло привести к нарушению равновесия и отклонению политики Польши в сторону Германии. Вопреки упрекам, которые выдвигала советская сторона, как это сделал Н. Крестинский, принимая в июле 1936 г. нового польского посла в Москве Вацлава Гжибовского, в том, что “Польша находится в орбите германской политики”¹⁶, Варшава решительно отвергала постоянно возобновляемые германской стороной предложения (в этом специализировался Г. Геринг) об активном сотрудничестве с Германией против СССР¹⁷.

Основным принципом польской внешней политики был безусловно соблюдавшийся императив сохранения ее независимости. Установление какого-либо сотрудничества с одним из сильных соседей против другого естественным образом (хотя бы ввиду его потенциала) поставило бы Польшу в зависимость от него и тем самым нарушило бы равновесие. Это был принципиальный вопрос для Польши. Варшава понимала, что при геополитических реалиях того времени потеря независимости в ее политике – это прямой путь к потере независимости государства. Воспитанное в духе патриотизма и борьбы за независимость руководство польского внешнеполитического ведомства во главе с министром Бекком проявляло настойчивость и железную последовательность в соблюдении принципа независимости польской политики.

Эту некоторую романтичность, свойственную польской политике, не понимали и не ценили ни в Москве, ни в Берлине. В Москве видели прежде всего антисоветский характер политики Варшавы, заключающийся в противодействии акциям советской политики, в стремлении изолировать Советский Союз от европейских вопросов, особенно от Германии. Характерно, что одновременно с выдвигавшимися в адрес Варшавы обвинениями во взаимодействии с Германией против Советского Союза, советская дипломатия начиная с 1935 г. систематически предлагала Берлину вернуться к сотрудничеству времен Рапалло. Варшава

сознавала, что Москва готова в любой момент установить сотрудничество с Берлином. Польский посол в Москве Юлиуш Лукасевич в 1935 г. считал, что “если бы Гитлер сегодня протянул руку в сторону СССР, то германо-советский пакт неминуемо был бы заключен и в самое короткое время”¹⁸.

Но министр Бек не верил в возможность восстановления советско-германского сотрудничества. Он был убежден, что слишком глубока идеологическая пропасть и велики различия, разделяющие национал-социалистов и русских коммунистов, чтобы между ними дело могло дойти до сотрудничества. Он не верил также в возможность угрозы со стороны Советского Союза из-за его якобы внутренней слабости. В конце 30-х годов он утверждал, что СССР слишком слаб, чтобы по собственной инициативе начать военные действия, поскольку “ни одно государство не может вынести, если каждые несколько лет оно расстреливает свои военные и политические кадры”¹⁹. Самое интересное, что события 1939 г. не изменили его взглядов, и он до конца не замечал изменения в позиции третьего рейха по отношению к Советскому Союзу. Даже предполагаемое (объявленное) подписание германо-советского пакта о ненападении не заставило его осознать, что это соглашение открывает дорогу Гитлеру для нападения на Польшу и превращения польско-германского конфликта в мировую войну²⁰.

В заключение я хотел бы подчеркнуть, что 1939 год подвел итог всей политики в целом Советского Союза в отношении Польши в межвоенный период, политики, которую в общем и целом, но, наверное, и правильнее всего можно было бы определить как стратегически направленную на разрушение польского государства. Парадоксальным образом Советский Союз заплатил за нее огромную цену, когда союзник по 1939 г., приблизив свою военную мощь к СССР, спустя неполных два года напал на него.

С точки зрения польских государственных интересов 1939 год стал роковым для Польши. Два враждебно относящихся к ней соседа договорились об антипольском сотрудничестве и напали на нее, т.е. свершилось то, чего более всего опасались польские политики.

Размышляя о роли и месте России—СССР в политике Польши, поляки утвердились в своем убеждении, что с восточной стороны не стоит ожидать ничего хорошего. Дабы не заканчивать на этой пессимистической ноте, следует выразить надежду и убеждение, что будущее польско-российских отношений будет гораздо лучше, ибо “*Tempora mutantur et nos mutamur in illis*”.

- ¹ Marks i Engels o Polsce. Warszawa, 1971. S. 289.
- ² Łepkowski T. Polska – narodziny nowoczesnego narodu 1764–1870. Warszawa, 1967. S. 450–451.
- ³ Bazylow L. Dzieje Rosji 1801–1917. Warszawa, 1970. S. 249–250.
- ⁴ Камков М. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу. М., 1877.
- ⁵ Madajczyk P. Niemcy wobec wojny polsko-radzieckiej 1920 r. // Wojna polsko-sowiecka 1920 roku. Przebieg walk i tło międzynarodowe. Warszawa, 1991. S. 172–184.
- ⁶ Zacharias M.J. Polska wobec polityki zbliżenia niemiecko-sowieckiego w okresie międzywojennym // Rola i miejsce Polski w Europie 1914–1957 / Pod red. A. Koryna. Warszawa, 1994. S. 108–109.
- ⁷ Ibid. S. 109; Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939. T. I. 1918–1932. Warszawa, 1989. S. 516–517.
- ⁸ Krasuski J. Stosunki polsko-niemieckie 1919–1925. Poznań, 1962. S. 102–103.
- ⁹ Kaminski M.K., Zacharias M.J. W cieniu zagrożenia. Polityka zagraniczna RP 1918–1939. Warszawa, 1993. S. 93.
- ¹⁰ Wandycz P. August Zaleski – minister spraw zagranicznych RP 1916–1932. Światło wspomnień i dokumentów // Zeszyty Historyczne. Paryż, 1980. Z. 52.
- ¹¹ Gregorowicz S. Polsko-radzieckie stosunki polityczne w latach 1932–1935. Ossolineum, 1982 (1984). S. 33.
- ¹² Ibid. S. 34.
- ¹³ Gregorowicz S., Zacharias M.J. Polska-Związek Sowiecki. Stosunki polityczne 1925–1939. Warszawa, 1995.
- ¹⁴ Ibid. S. 88.
- ¹⁵ Ibid. S. 110–124. См. также: Gregorowicz S. Koncepcja paktu wschodniego na tle stosunków polsko-sowieckich 1934–1935 // Międzymorze. Polska i kraje Europy Środkowo-Wschodniej XIX–XX wiek. Warszawa, 1995. S. 321–331.
- ¹⁶ Grzybowski W. Byłem świadkiem. Raport końcowy ambasadora polskiego w Moskwie ... // “Spotkania”. Niezależne pismo młodych katolików. 1982. № 17–18. S. 89.
- ¹⁷ Gregorowicz S. Znaczenie polskiej decyzji stawiania oporu hitlerowskiej agresji // Rola i miejsce Polski... S. 121–122.
- ¹⁸ Dziennik i teki Jana Szembeka (1933–1945). L. 1964. T. I. S. 317.
- ¹⁹ Starzeński P. Trzy lata z Beckiem. L., 1972. S. 79.
- ²⁰ Dyplomata w Paryżu 1936–1939. Wspomnienia i dokumenty Juliusza Łukasiewicza, Ambasadora Rzeczypospolitej Polskiej / Opr. W. Jędrzejewicz i H. Buthak. L., 1989. S. 306.

Ю.Л. Дьяков

НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ ОТНОШЕНИЯХ СССР (РОССИИ) И ПОЛЬШИ В XX веке

Человечество подошло к новому тысячелетию с каким-то неподъемным грузом проблем. Историю нельзя переделать, и нам остается лишь перелистать ее драматические страницы. Россия и Польша имеют за собой слишком великое и трагическое прошлое, от которого нельзя отказаться, чтобы вновь не очутиться в круге исторического беспамятства, повторяя роковые ошибки прошлого. Историческая память и осознание сопричастности к деяниям предков – необходимое условие жизнестойкости наших народов.

XX век, “великий и сумеречный”, навсегда останется в летописи всемирной истории запечатленным октябрем 1917-го, а также первой и второй мировыми войнами. Какую бы сегодня оценку ни давали этим событиям исследователи, я, говоря о разрушительности этих потрясений, имею в виду прежде всего миллионы утраченных жизней нескольких поколений.

Так уж распорядилась история, что в XX в. ключевыми стали отношения России с Польшей. 1917 год разрушил государство с тысячелетней историей – Россию. В письме неизвестных патриотов того времени, адресованном Ленину и Троцкому, говорится: “Что сделали вы с Россией... Вы приготовили гибель не только буржуазии, но и всему русскому народу... Никто не может сказать вам в глаза правду, ибо за правду предаете смертной казни...”¹.

В этот же год польская история сделала крутой поворот: Польша отделилась от России. С тех пор польский вопрос, как фактор внутреннего развития России, целиком принадлежит истории. В 1933 г. “умный немец”, по определению наркома обороны К. Ворошилова, руководитель рейхсвера Ганс фон Сект напишет в книге “Германия между востоком и западом”: Россия “может уступить земли на Дальнем Востоке Японии, она может потерять Польшу на западе, Финляндию на севере и все же оста-

ваться великой Россией; передвигаются лишь точки давления на окружающий мир. Она может в условиях величайших потрясений радикально менять свою государственную форму, но она останется Россией, которая не даст себя исключить из мировой политики”².

Давно известно изречение: “Бог не может изменить прошлое, это могут только историки”. Неизвестные или малоизвестные и малоизученные документы архивов России не только дают возможность приблизиться к объективной оценке происходившего в XX столетии, но буквально заставляют нас сделать это. Многие десятилетия в СССР не была доступна столь необходимая историкам ключевая архивная информация, как в связи с отсутствием соответствующего законодательства, так и по идеологическим причинам. А там, где не было информации, рождались легенды и мифы как в отечественной истории, так и в исторической полонистике. Лишь в 90-е годы с некоторых пластов архивных документов были сняты грифы секретности. Именно знакомство с этой ранее недоступной информацией заставило по-новому взглянуть как на события XX столетия, так и на отношения СССР и Польши. Новый пласт источников, приоткрывшийся историкам, дал возможность взглянуть на отношения с Польшей не в свете советских идеологических клише, а со страниц неизвестных документов, касающихся истории обеих стран в уходящем XX столетии. Это ничуть не умаляет той огромной работы, которая была проделана учеными-полонистами на протяжении многих десятилетий. Тем не менее многое не по их вине, а в силу отсутствия истинной информации оказалось искажено и мифологизировано. О многом ученые-полонисты, конечно, знали и выступали с неудобными и неугодными темами, но в полный голос говорить не могли по причинам партийно-идеологического диктата. Таково было время.

Новые документы заставляют историков задуматься над столь привычными в советское время оценками ключевых событий. Я имею в виду прежде всего некоторые пласты документов Коммунистической партии и ее деятелей, высшего военного руководства 20–40-х годов; дипломатические документы и материалы послов и посланников, полпредств и посольств, атташата и особо доверенных лиц; сводки о боевых операциях, военной подготовке государств и их тайных замыслах; документы военной разведки и НКВД и многие другие, чуть приоткрывшиеся в таких архивах, как ГАРФ, РГАСПИ, РГВА и, конечно, ЦХИДК (Особый трофейный архив).

Многие из ранее секретных документов опубликованы, теперь их предстоит осмыслить, понять, объяснить. Но немало и

сегодня остается под завесой тайны. Остановлюсь конкретно лишь на некоторых персонах.

В 20-е годы сотрудником Орготдела ЦК ВКП(б), возглавлявшегося Л.М. Кагановичем, а затем секретарем И.В. Сталина был Б.Г. Бажанов. В 1939 г. в НКВД неожиданно поступили материалы о его агентурной работе на польскую разведку. Ныне в ЦХИДК хранятся составленные им аналитические сводки. В них главным образом дается характеристика военных кадров Красной Армии, а также показано влияние военного ведомства на выработку политики советским правительством. Некоторые из этих сводок опубликованы. В России вышли в свет воспоминания Бажанова³.

Ранее неизвестные некоторые подлинные рукописи “красного маршала” Михаила Тухачевского свидетельствуют о разработке им планов нанесения бомбовых ударов по Варшаве и другим польским городам. Однако Тухачевскому не суждено было дожить до того времени, когда бомбы, правда, немецкие, обрушатся на Варшаву, погребя под обломками ее жителей. Все это увидит другой “красный маршал” – Борис Шапошников, впоследствии начальник Генерального штаба. В 20-е годы он, будучи начальником Оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики, на страницах журнала “Военное дело” будет разоблачать “природное иезуитство ляхов”, противопоставляя его “открытому духу великорусского племени”. За этот “грубый шовинизм” председатель Ревтрибунала Пузицкий и заместитель председателя Реввоенсовета Э.М. Склянский отдадут приказ о приостановке издания этого журнала, который распространяет “шовинистическую отраву”. Шапошникову было запрещено заниматься воспитательной работой в Красной Армии, так как его грубые и ложные сообщения “противоречат... духу братства русского рабочего класса к трудящимся массам Польши”⁴.

Спустя 20 лет после этой “разборки” нарком обороны К.Е. Ворошилов вместе с командармом 1-го ранга Б.М. Шапошниковым, с одной стороны, и представителями главного командования вермахта, с другой, поставят подписи на военных протоколах, координировавших действия советских и германских войск в Польше в сентябре 1939 г.

Ранее засекреченные документы советской военной разведки довоенного времени свидетельствуют, что IV разведывательное управление Штаба РККА во главе с коммунистом-латышом Я. Берзиным дало указание “на контактирование разведывательной деятельности Красной Армии и рейхсвера против Польши, на обмен разведывательными данными о Польше, о встрече

руководителей обеих разведок для совместного рассмотрения данных о мобилизации и развертывании польской армии”⁵.

14 ноября 1931 г. Ворошилов заявит в беседе с немецким генералом Адамом: “Советский Союз ... не примирится с нынешними границами Польши”⁶.

В 1990 г. в публикации о Юзефе Пилсудском, человеке, имевшем фанатичных поклонников и непримиримых врагов, польскими историками были обнародованы воспоминания Виктора Чернова – лидера влиятельной в России партии эсеров, который утверждал незадолго до своей смерти, что Пилсудский якобы еще в феврале 1914 г. знал, как будет протекать, когда и чем закончится будущая мировая война⁷. Мне представляется, что первая мировая война, как исторический пролог XX столетия, таит в себе еще не полностью известные исторические предпосылки будущих потрясений, приведших ко второй мировой войне.

Архивы хранят много тайн. В июле 1955 г. руководство МВД высказывало Н.С. Хрущеву пожелание “о нецелесообразности информировать о документах ЦГОА СССР (Особый архив. – Ю.Д.) страны народной демократии”, а 8 мая 1956 г. Хрущеву доложили об обнаруженных в Особом архиве документах, раскрывающих связи командования Армии Крайовой с немецко-фашистскими оккупантами⁸.

В СССР был еще один пласт засекреченной документальной информации, упрятанный в так называемые специальные хранилища (спецхраны) библиотек. Здесь долго неизученным оставался массив творческого наследия зарубежной мысли. В этом наследии обращает на себя внимание книга Льва Станиславовича Козловского “Русская революция и независимая Польша” (книга издана в Лондоне в 1922 г.) и небольшая книжка без указания автора “Катехизис или как мирными средствами завоевать Россию” (издана в Варшаве в 1909 г.). Вот, что в них любопытно. Козловский пишет: «В пламени войны и ореоле мученичества польский вопрос встал перед миром и приковал к себе внимание всего русского общества... Слова “независимая Польша” носились в весеннем воздухе над волнующим морем русской революции».

Здесь же Козловский приводит мнение польского профессора Кутшебы, утверждавшего, что польские круги ничего не знали о подготовленном Временным правительством России воззвании и провозглашении независимости Польши. В связи с этим Кутшеба, как пишет Козловский, “вынужден искать происхождение этого факта в заграничных влияниях”. Кутшеба утверждал, что министр иностранных дел Англии в 1917 г. якобы дважды телеграфировал английскому посланнику в Петербурге Бьюке-

нуну, чтобы тот потребовал от нового русского правительства признания независимости Польши, и Бьюкенен⁹ великолепно справился со своей задачей. В итоге министр иностранных дел Временного правительства Миллюков уступил и издал воззвание. Однако впоследствии Миллюков, как сообщает Козловский, категорически отрицал существование какой-либо “интервенции Бьюкенена”.

Козловский указывает, что Временное правительство образовалось 15(2) марта 1917 г., а через 14 дней был опубликован Устав Ликвидационной Комиссии по делам Царства Польского, между тем воззвание о независимости Польши уже было подписано. Козловский считает, что Временное правительство занялось разрешением польского вопроса с молниеносной быстротой и освободило поляков от грубого угнетения.

“Сейчас, – писал Козловский, – имея перед глазами Россию, до основания разрушенную и упавшую на самое дно нищеты, нелегко восстановить в памяти то время, когда богатая и счастливая Москва, широкая и гостеприимная, жизнь которой не прекращалась даже во время войны, проявляла такое сочувствие к бедствиям Польши, так страшно претерпевшей с самого начала войны. С этого сочувствия русского общества началась польская пропаганда в Москве”.

В 1956 г. польской стороне в лице профессора Гроссфельда были переданы документы о политике Временного правительства в польском вопросе, о чем свидетельствует информация каталогов “Особой папки Н.С. Хрущева”¹⁰.

В читальные залы Российской государственной библиотеки (ранее имени Ленина) до 90-х годов не выдавалась и упомянутая книга “Катехизис...” С ней знакомились только по специальному разрешению. В книге говорится о цивилизующей роли Польши, которая, подобно Англии, являющейся владычицей на море, станет таковой на суше. Тем более, что у Польши есть своя Индия – это Украина и Литва. “Катехизис...” рекомендовал полякам не выпускать из своих рук имений, наживаться за счет русской казны и помнить, что Россия – это враг. Авторы этого наставления обращали внимание на то, что “немец, по своей вражде к русскому элементу, тебе (поляку) поможет...”¹¹

Представляется, что авторы этих материалов не предполагали, что через несколько лет немцы, на помощь которых должны были рассчитывать поляки, заключат с Советской Россией тайный военный договор. С тех пор они будут вместе строить военные заводы, аэродромы, налаживать выпуск химического оружия. В 1939 г. они договорятся о судьбе Польши. Таким образом, история, вопреки замыслам авторов процитированного до-

кумента, распорядилась иначе, а немцы, на которых надеялись польские правители, напали на Польшу.

Особенностью XX столетия является невиданная прежде активность разведок во всем мире, соответственно польской и русской (затем советской).

После второй мировой войны в архивах России в качестве трофеев оказались похищенные гитлеровцами документы польской разведки. Как известно, польские коллеги интересовались этой проблемой и опубликовали немало документов. Однако в полной мере и всесторонне она еще не вполне исследована, да и вряд ли это в полной мере сейчас возможно.

Имеющиеся в архивах документы о деятельности польской разведки весьма обширны. Изучение материалов свидетельствует о том, что ее усилия были направлены главным образом, во всяком случае так явствует из документов, на отслеживание всех аспектов военного строительства в СССР. Польскую разведку интересовали руководящие военные кадры РККА; личность наркомвоенмора Михаила Фрунзе; дислокация воинских частей, особенно Кавказский военный округ; развитие родов войск, особенно бронетанковых. Резидентура польской разведки собирала материалы об ОГПУ. Сегодня можно лишь высказать предположение о роли известного русского политического и военного деятеля, писателя Бориса Савинкова в опасных играх с ГПУ–ОГПУ, польской и французской разведкой. Последняя еще в 1917 г. рекомендовала обратить на него внимание. Итог такой игры подвели на Лубянке, уничтожив Савинкова (правда, дата, причины и то, как он погиб, имеют до сих пор версиюность).

В 30-е годы польские агенты передавали материалы по концентрации советских войск на границе с Афганистаном, сообщали о военных действиях турок против курдских групп на турецко-советско-персидской границе. Польская разведка располагала и документами германского разведывательного бюро “Ост берихте” о Красной Армии.

Таким образом, на основании этого материала можно констатировать факт чрезвычайной активности польской разведки по отношению к СССР, а также наращивание Советским Союзом своего военного могущества. Польская сторона через прессу, очевидно, не без влияния разведки, в 30-е годы утверждала, что СССР с его “интегральным милитаризмом” готовится к большой войне.

Мне представляется, что, поскольку документы военных разведок XX в. за давностью лет и в результате публикаций многих из них, а также в связи с уходом из жизни действующих лиц того времени утратили свою секретность, целесообразно предусмотр-

реть разработку темы “Красная Армия глазами польской разведки (20–40-е годы)”. Это издание, вероятно, заинтересует ученых и других стран, например, Франции, Германии, разведки которых были тесно связаны.

Подобные исследования могли бы нас вывести и на такой острый вопрос, который и сегодня будоражит исследователей – о готовности или, напротив, неготовности и отсутствия намерения у советской стороны начинать вторую мировую войну. Польские исследователи, говоря об антисоветской направленности польской разведки, выдвигают тезис о том, что Польша боролась с мировым злом – большевистским режимом в СССР. Однако нельзя сбрасывать со счетов и такой факт, что польские правители в борьбе с советским злом действовали в формате отношений со странами уже сложившейся или складывавшейся фашистской ориентации. Это прежде всего контакты с Германией, Италией – по линии планов создания католического союза. К тому же активность польской разведки ощущалась и на Дальнем Востоке, вдали от польских границ. Но именно здесь, также в формате отношений с Германией, польское руководство имело весьма активные контакты и с Японией.

Думаю, что в новом ракурсе определились бы взгляды на преддверие второй мировой войны, если бы не одно обстоятельство. Сегодня практически закрыт для исследователей основной для изучения истории XX в. фонд Сталина. Он хранится в Архиве Президента РФ и историками не изучен. А потому вряд ли сегодня разрешим спор двух антиподов во взглядах на начало войны – Виктора Суворова (Резуна) и израильского ученого Габриэля Городецкого. Конечно, многое могли бы прояснить документы так называемых Особых папок¹² Сталина, Молотова, Берия, Хрущева. Определенный прогресс в их изучении есть. Часть материалов опубликована в каталогизированном виде. Уже можно составить общее впечатление о круге рассматриваемых вопросов. Имеется и публикация 1997 г. “Особых папок” под редакцией И.И. Костюшко по материалам бывшего партийного архива (ныне РГАСПИ). Однако дальнейшие исследования этих материалов, конечно, еще предстоят.

Представляется прозорливой высказанная польским историком Стефаном Кеневичем мысль: “Нации не может принести вреда истинная правда, какой бы она ни была... Описывая конфликты прошлых столетий, надо учитывать не только доводы в нашу пользу, но доводы в пользу наших былых противников, чтобы не ограничиваться возмущением по поводу нанесенных нам обид, а поговорить и об обидах, которые мы нанесли другим, чтобы, наконец, не усиливать нашего убеждения в кажущемся

превосходстве над иными нациями, помня о том, что аналогичное убеждение других народов по отношению к полякам нас возмущает”¹³.

И сегодня еще сильно во властных структурах влияние людей, считающих ненужным открыть даже в конце столетия ключевую информацию о прошлом России. Недавно доктор исторических наук, профессор В.Т. Логинов заявил: “Итак, засекреченного Ленина больше не существует”¹⁴. Того Ленина, который надменно заявлял: “Судьба Польши решится тем, что скажет красноармеец”¹⁵. Новую загадку задала статья доктора наук С.В. Кулешова в журнале “Родина” – органе правительства Российской Федерации, где написано следующее: «Очевидно, дух Ленина все еще не знает покоя. Непогребенный прах человека, вроде бы победителя при жизни и проигравшего много лет спустя, после смерти. Рухнуло его “дело”, ставшее костром судьбы, на котором он сгорел в 50 с небольшим... Всю жизнь Ленин не расставался с книгой “Манифест коммунистической партии”. Непонятно, почему Маркс писал о призраке коммунизма. Этот призрак, поманив несбыточными мечтами, схватил за горло гигантскую страну. Вот где он материализовался, как призрак, в явь и плоть». И далее: “А человек, кстати о котором пишут, что настоящее его имя Циберлейн или Цеберблум, зажег смертоносный факел революции в России”¹⁶.

Не стал достоянием для изучения историками фонд № 76 из 2083 дел РГАСПИ “рыцаря революции” – председателя ВЧК Дзержинского. Его коллега по кровавым делам В.Р. Менжинский, кстати оба называли себя поляками, так скажет о своем предшественнике Феликсе Эдмундовиче: “Он был не только великим террористом, но и великим чекистом, человек с очень нежной, гордой и целомудренной душой”¹⁷. Именно эти люди связали свои имена с террором в России.

В течение послевоенных лет между Польшей, СССР и Россией происходил взаимный обмен документами и материалами. Некоторые передачи документов, в частности, зафиксированы и в ранее упомянутых “Особых папках”. Плодотворная работа в архиве по проблемам дальнейшего исследования польско-советских, польско-российских отношений в XX столетии была бы более успешной при наличии совместных усилий и общей доброй воли воздать должное памяти ушедших поколений.

Потребуется время, чтобы освободиться от предвзятостей и эмоций, неизбежных при рассмотрении бурных событий истории того времени. Нам требуются все новые архивные данные. Но накопление фактов не решит автоматически проблему их трактовки.

Следует признать, что история советско-польских отношений принадлежала не столько исторической науке, сколько политике. Так было в СССР, так остается и в нынешней России и на Западе. Добываемые историками документы часто оказываются на обслуживании политических нужд. Основным критерий политизированной истории – “превозносим” или “клеим”.

Может сложиться впечатление, что ученый, критикующий действия власти в исторической ретроспективе, не уважает историю своей страны. Но это не так. Дело в том, что нам – исследователям должна быть свойственна способность к исторической рефлексии, которая у многих из нас или слабо осознана, или отсутствует совсем. Мышление историка не должно быть искажено прошлыми обидами.

Среди части ученых бытует мнение, что польские исследователи всемерно защищают действия властей на всех этапах изучаемого периода, обеляют их, представляя Польшу лишь страдающей стороной, превознося власть и клеймя других. Выражаю надежду, что наши уважаемые коллеги из Польши развеют это недоразумение, покажут, как и часть российских коллег, свою открытость, политическую неангажированность, т.е. независимость от сложившихся взглядов, стереотипов и схем, сформированных властью.

- ¹ Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 2. Л. 80-81 (Далее: РГВА).
- ² Там же. Д. 505. Л. 79–128.
- ³ *Бажанов Борис*. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990.
- ⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 25. Л. 169.
- ⁵ Там же. Д. 295. Л. 71–78.
- ⁶ Там же. Д. 70. Л. 264–265.
- ⁷ См.: *Наленч Дарья и Томаш*. Юзеф Пилсудский: Легенды и факты. М., 1990. С. 51–52.
- ⁸ Архив новейшей истории России. Т. 3. Серия “Каталоги”. Особая папка Хрущева. 1954–1956. М., 1994.
- ⁹ *Бьюкенен Д.У.* (1854–1924) – в 1910–1918 гг. посол Великобритании в России, глава дипломатического корпуса держав Антанты.
- ¹⁰ Архив новейшей истории России. Т. 3. Серия “Каталоги”. Особая папка Хрущева. 1954–1956.
- ¹¹ Катехизис или как мирными средствами завоевать Россию. Варшава, 1909.
- ¹² Архив новейшей истории России. Т. II. Особая папка Молотова. Из материалов Секретариата НКВД–МВД СССР. Каталог документов. М., 1994; Архив новейшей истории России. Серия “Каталоги”. Т. IV. Особая папка Берии. Из материалов секретариата НКВД–МВД СССР 1946-1949. М., 1996; Архив новейшей истории

России. Т. 3. Серия “Каталоги”. Особая папка Хрущева. 1954–1956. М., 1994.

¹³ Цит. по: Вопросы истории. 1992. № 11–12. С. 189.

¹⁴ Свободная мысль. 1997. № 12.

¹⁵ Цит. по: *Латышев А.* Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 86.

¹⁶ Родина, 1996. № 4.

¹⁷ Феликс Дзержинский. М., 1933. С. 18, 19.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

№ 1

Из письма Ленину и Троцкому русских патриотов

12 июля 1920 г.

... Что сделали вы с Россией за последние годы! Поле брани, безнадежную пустыню, земной ад! Вы не только уничтожили всякую красоту жизни и благополучие, но даже лишили людей предметов первой необходимости и достаточного питания. Раньше нищий жил лучше, чем теперь рабочий. Вы приготовили гибель не только буржуазии, но и всему русскому народу... Вся Россия стонет под Вашим гнетом и проклинает вас, но никто не сможет сказать вам в глаза правду, ибо за правду предаете смертной казни ... Что же хорошего сделали вы для России? ... Вы только выступили в роли Герострата ... Ваша свобода, так хорошо воспетая вами – хуже каторги. Новые буржуи-спекулянты во стократ хуже прежних буржуев-интеллигентов ... Ведь при ваших новых порядках, когда большинство людей занято бесполезным бумажным делом, – переливая из пустого в порожнее, Россия потребляет гораздо больше, чем создает. А все это потому, что у вас нет людей, умеющих править взбунтовавшейся толпой, непонимающей, куда ведут ее ... Ваша утопия прекрасна только на бумаге, но на самом деле она неосуществима ...

История не терпит ненормальных скачков. Большинство людей, которые насильно были принуждены Вами принять новый строй жизни, ненавидят его и в глубине души бранят его и отрицают ... По грязным улицам города бродят, как тени, люди, грустные, худые, со впавшими глазами. Где же земной рай, обещанный вами? У вас на все один ответ: “Надо раньше разрушить старое, чтобы создать новое” ... Вы уже давно разрушили все и не только разрушили, а даже уничтожили много из того, что было создано столетиями... Да будьте прокляты вы и ваши сообщники! Опомнитесь, пока еще не поздно, ибо близок уже конец России, а еще раньше ваш конец...В недалеком будущем превратится

[Россия] в пустыню, а жалкие подобия прежних людей, одетые в звериные шкуры и питающиеся корешкам, засядут на развалинах прошлого и завоюют, как стадо шакалов, это будет последняя песнь о свободе, песнь, проклинающая эту свободу, натворившую столько зла...

Голос народа

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 2. Л. 80–81. Рукопись. Подлинник.

№ 2

Из книги Ганса фон Секта “Германия между Западом и Востоком”

... Так как всякая человеческая деятельность, всякая культура, всякая власть и политика основаны на духе, то территория, следовательно, является первоосновой развития нации... Германия связана определенной территорией, и основным вопросом является, хочет ли она сохраниться как Германия, или же, говоря политическим языком, превратиться во французскую сатрапию или стать одной из советских республик. Осуществление второй возможности имеет предпосылкой отказ Германии от своего боевого положения между Востоком и Западом: это означало бы конец немецкого духа... По пути своего будущего Германия не может рассчитывать на поддержку Англии... Франция, носительница судеб Германии! Если она таковой является, то открываются только три пути, по которым судьба может проходить: подчинение, соглашение или борьба... Германия собственно всегда должна была вести борьбу на два фронта, и всегда на одном фронте она боролась против Франции. В двойственной задаче Германии – сохранении своего влияния на Западе и расширении национальных владений на Востоке – и заключается трагедия ее истории, обусловленная географическим положением страны. Упоминание Польши направляет нашу мысль к Востоку... Польша сама собой встает перед нами как связующее звено между нашими рассуждениями о положении Германии на Западе и на Востоке... Версальский мирный договор создал новую Польшу, которая построена на неправильных географических и исторических предпосылках и которая не имеет единства, основанного на одинаковом населении. Вся структура Польши создавалась под знаком идеи создать на Востоке державу, безусловно, враждебную Германии. Этой цели было подчинено установление западных границ Польши. Эти границы не только имели в виду непосредственную выгоду Польши и нанесение возможно большего вреда интересам

Германии, но они должны были до крайности обострить враждебность между обоими государствами и отдельными жителями соседних стран и сделать невозможным единство между соседями. Поэтому был создан польский коридор под ширмой жизненной необходимости территориальной связи Польши с морем, поэтому Восточная Пруссия была отгорожена от Рейха... Цель достигнута. Создано состояние столь невыносимое, что комедия Локарно, где Германии гарантировали французские границы, до сих пор не может быть повторена в отношении восточных границ.

... Дружба между Германией и Польшей никогда не будет существовать, но на основании терпимого для Германии установления границ можно было бы заключать выгодное для обеих сторон перемирие...

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 505. Л. 79–128.

№ 3

Из доклада по поводу статьи “шовинистического характера” заместителю Председателя РВС* Республики т. Склянскому

1920 г.

Совершенно секретно

30 июня 1920 г. вышел приказ Председателя Революционного Военного Совета Республики № 200, в котором говорится, что в № 13 журнала “Военное дело” напечатана статья “Первые боевые шаги маршала Пильсудского”, проникнутая насквозь духом грубого шовинизма, что в ней “природное иезуитство ляхов**” противопоставляется честному и открытому духу великорусского племени. Такого рода грубые и ложные сообщения противоречат тому духу братства русского рабочего класса к трудящимся массам Польши, а посему в видах предотвращения возможного дальнейшего распространения шовинистической отравы военно-научным журналом Рабоче-Крестьянской Красной Армии приказывается:

1. Издание “Военного дела” приостановить впредь до радикального изменения состава редакции.

2. Установить непосредственных виновников напечатания шовинистической статьи, дабы раз и навсегда отстранить их в дальнейшем от прикосновения к работе, имеющей своей целью просвещение и воспитание Красной Армии.

* РВС – Революционный Военный Совет.

** Так в тексте.

Революционному Военному Трибуналу Республики было предложено произвести расследование по п. 2 этого приказа.

При расследовании оказалось: журнал “Военное дело” был основан в мае 1918 г. С самого основания редактором его состоит ...Лебедев... Автором статьи “Первые боевые шаги Маршала Пильсудского” является Борис Шапошников*, начальник Оперативного управления Полевого Штаба РВСР, окончивший Академию Генерального штаба. По его показаниям, у него до окончания германской кампании литературных трудов не было. Впервые начал работать как журналист с 1918 г., помещая статьи в журнале “Военное дело”. Статьи были исторического и военно-теоретического характера, главным образом касающиеся действий конных масс. Политических статей он, Шапошников, никогда не писал, равным образом в статьях никаких политических тенденций не проводил, тем более шовинистического или националистического характера, так как таковыми взглядами не обладает. В 1914 г. в бытность в 14 кав(алерийской) дивизии ему, Шапошникову, пришлось три раза столкнуться с польскими соколами и убедиться в их коварстве и предательстве. Читая статьи Радека** о Пильсудском, он вспомнил обстоятельства столкновения с соколами и пожелал поделиться ими в статье в форме исторической справки... Умысла придать статье определенную окраску не было. Несколько шовинистический характер статьи произошел вследствие переживаний минувшего, приподнятого настроения от чтения газет и близкого участия в оперативных действиях Красной Армии, удачи и неудачи которой так сильно переживал...

Журнал “Военное дело”, как официальный орган Советского военного ведомства, не соответствует своей высокой задаче... Борис Шапошников, будучи знатоком военного дела и талантливым стратегом, политически мало развит, вследствие чего к занятию журналистикой может быть допущен лишь под руководством опытных политических деятелей...

Председатель Революционного Военного
Трибунала Республики

(подпись неразборчива)

Зав. следственной частью РВТР

Пузицкий

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 25. Л. 168–169об. Подлинник.

* Шапошников Борис Михайлович – будущий начальник Генерального штаба (1937 г.), будущий Маршал Советского Союза (1940 г.), заместитель наркома обороны СССР.

** Радек (Собельзон) Карл Бернгардович – в 1910–1924 гг. член ЦК РКП(б), член ИККИ.

№ 4

Из доклада начальника IV Управления* Штаба РККА Берзина

24 декабря 1928 г.

Москва

Совершенно секретно

...б) Контактирование разведывательной деятельности обеих армий против Польши, обмен разведывательными данными о Польше и встреча руководителей обеих разведок для совместного рассмотрения данных о мобилизации и развертывании польской армии ...**

... Полагаю целесообразным: ... предложение об обмене разведывательными данными по Польше и совместном обсуждении вопросов мобилизации и развертывании польской армии принять. Попытки установить организационные контакты между разведками отклонить.

Начальник IV Управления штаба РККА
Берзин

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 295. Л. 71–78

№ 5

Из доклада Берзина Ворошилову

29 января 1927 г.

Москва

Совершенно секретно

... Для оттяжки войны нашего Союза с капиталистическим миром и

улучшения военно-политического положения целесообразно и необходимо:

...б) Препятствовать разрешению польско-германских спорных вопросов (Данцигский коридор, Верхняя Силезия и т.д.); в) препятствовать заключению польско-балтийского союза; г) удержать Германию от окончательного перехода во враждебный нам лагерь; д) содействовать обострению франко-английских отношений...

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 128. Л. 26. Подлинник.

* Разведывательное управление.

** Предложение рейхсвера.

№ 6

Из записи, которую сделала немецкая сторона по итогам беседы Ворошилова и посла Германии в СССР фон Дирксена

1931 г.

... [12. XI.1931 г.] Ворошилов заявил, что генерал Адам* высказал опасения в том смысле, не отразятся ли переговоры Советского Союза с Францией и Польшей на советско-германских отношениях... Ворошилов снова подтвердил, что даже в случае подписания договора с Польшей ни в коем случае не последует какого-либо ухудшения или изменения в дружественных отношениях Советского Союза с Германией. Ворошилов сказал, что ни при каких обстоятельствах, разумеется, не может быть и речи о какой-либо гарантии польской западной границы. Советское правительство принципиальный противник Версальского договора, оно никогда не предпримет чего-либо такого, что могло бы каким-либо образом укрепить Данцигский коридор или Мемельскую границу. Что касается польской восточной границы, то ведь Советский Союз заключил с Польшей мирный договор и, таким образом, до известной степени признал границу ...

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 70. Л. 253–258.

№ 7

Из беседы Ворошилова с генералом Адамом

14 ноября 1931 г.
Совершенно секретно

В ответ на заявление генерала Адама о том, что мы никогда не примиримся с установленными с Польшей границами, Ворошилов сказал, что и Советский Союз также не примирится с нынешними границами Польши...

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 7. Л. 264–265.

---

* Начальник генерального штаба рейхсвера, генерал-майор.

Из донесения Б.Г. Бажанова в органы польской разведки*

12 января 1937 г.

Совершенно секретно

1. ...Несомненно, влияние РККА на советское правительство налицо, и в последние три года оно все усиливается. "Советское правительство" – термин довольно неясный. Чтобы не было недоразумений, скажем прямо, что вся власть в СССР принадлежит сейчас лично Сталину и отдельные, более или менее видные советские и партийные учреждения, только помогают ему ее осуществлять.

2. ...Сталинская власть осуществляется по двум линиям. Первая – укрепление его личного влияния и произвола. Здесь на него никто не может влиять, и ко всему, что относится к этому большому вопросу, Сталин относится необычайно ревниво и подозрительно. Вторая линия – проведение какой-то политики и в партии, и в Коминтерне, и в стране, и в экономике...

Очень интересно отдать себе отчет в том, какой именно механизм влияния военных. Надо сказать, что благодаря особому положению Военного ведомства, которое формально далеко не имеет таких прав, как партийные и советские учреждения, а с другой стороны, представляющее строго дисциплинированный и иерархический организм, влияние военных осуществляется очень своеобразными путями. Самый главный – это то влияние, которое имеет Ворошилов, напичканный и набитый всякими заключениями и уговорами своих помощников и крупных работников Военного ведомства, прямо на Сталина и на других членов Политбюро при обсуждении всех важнейших политических и экономических вопросов. Известно, что Ворошилов – человек недалекий. Но вся машина Военного ведомства так внимательно следит за всеми сторонами экономической и политической жизни страны, что к постановке каждого важного вопроса на Политбюро в недрах Военного ведомства подготавливается серьезное и хорошо проработанное мнение, которое и вдалбливается в голову Ворошилову. А Ворошилов и на заседаниях Политбюро, и в личных разговорах со Сталиным проводит эту точку зрения, и надо сказать почти всегда с успехом, так как она почти всегда

---

* Публикуемый документ попал в органы советской разведки в ходе действий Красной Армии в Западной Белоруссии и Западной Украине в 1939 г. В 1950 г. автор документа бывший секретарь Сталина Б. Бажанов органами МГБ СССР был объявлен государственным преступником и подлежал розыску и аресту советскими властями.

логически совпадает с общей военно-политической линией, о которой я говорил выше и которая является лейтмотивом всей работы партии и правительства.

Роль остальных крупных военных зависит главным образом от того, в какой мере они близки к Ворошилову...

ЦХИДК. Ф. 453. Оп. 1. Д. 54. Л. 25–33. Подлинник.

№ 9

Из воззвания всему летно-техническому составу ВВС РККА

7 декабря 1931 г

Летно-технический состав Советской Республики!

Мы, Ваши товарищи, не вынесли махровой эксплуатации, поврвали разбойничьи сталинские цепи и улетаем за границу. Там, под защитой, не боясь зловещих казней и пыток, мы перед народами всего мира раскроем ту зловещую завесу, за которой они воочию увидят, что творится в нашей огромной стране, как шайка международных, высшей марки, авантюристов-бандитов, засевших в центре страны, в Кремле, распяли крестьянство, пригвоздили к станкам рабочих и надели кандалы на Красную Армию, творят небывалые в истории грабежи и насилия над много-миллионными народами великой страны.

... За 7 лет мировой и гражданской войны от орудийных и ружейных залпов столько не погибло населения и так не разорена была страна, как за 3–4 года хозяйничанья шайки сталинских узурпаторов.

... Армия не является оплотом рабочих и крестьян, как говорят “кремлевские владыки”, а наоборот, является невольным оплотом кучки узурпаторов, которые заняли в Москве и других городах лучшие особняки и на награбленное кутят... Наши красные самолеты... разгонят это хищное воронье гнездо и освободят 150 милл. массы России от этих международных кровососов...*

Ваш бывший невольный раб – теперь свободный гражданин Тренин

Верно: Уполномоченный ОО** Рогов

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1049. Л. 266.

---

* Ворошилов написал на этом документе следующую резолюцию: “Дать мне личное дело этого хулигана”. Ему было доложено, что советские летчики улетели в Польшу.

** Особый отдел.

№ 10

Из польской газеты “Илюстрованы курьер подзены”*

11 июля 1937 г.

...По поручению Сталина приступлено к реорганизации заграничного отдела ГПУ... 500 агентов, прошедших с 15 по 22 июня специальную подготовку, переброшены за границу для занятия вверенных им заграничных постов. Выехал также за границу пользующийся доверием Сталина Субботин, который до последнего времени исполнял функции негласного контроля над членами правительства СССР... Территориально заграничная служба ГПУ поделена на 10 европейских и 4 внеевропейских центра. Европейские центры находятся в Париже, Стокгольме, Гельсингфорсе (объединяющий Балтийские государства), Салониках (объединяющий Балканские государства), Праге (охватывающий Чехословакию, Австрию, Польшу, Италию) и в Амстердаме... Очевидно важнейшим заданием этих центров является руководство заграничными коммунистическими партиями, чтобы сделать из них слепое оружие в руках всемогущей Москвы...

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1049. Л. 266.

№ 11

Похищение плана обороны западной границы СССР

(Из донесения агента польской разведки**)

23 ноября 1936 г.

Совершенно секретно

Появившееся в английской прессе сообщение о похищении плана обороны западной границы СССР по сведениям, имеющимся у хорошо осведомленных об СССР источников, базируется на следующих событиях. Совсем недавно был неожиданно отрешен от должности и перемещен на другую работу Бокис, начальник Организационного управления Штаба РККА. Вслед за его отрешением от должности в кабинете у маршала Егорова, начальника Штаба РККА, произошло очень секретное совещание с участием всех трех заместителей Егорова – 1-го Седякина; 2-го Меженинова и 3-го Левичева и начальников управлений – Оперативного – Обысова, Боевой подготовки – Богомякова, Военных сообщений – Аппога и Административно-мобилизаци-

* Этот материал был доложен в Секретариат наркома обороны.

** Этот документ, составленный агентом польской разведки, обнаружен НКВД в ходе “освободительного” похода Красной Армии в районы Западной Украины и Белоруссии.

онного – Вольпе. Вслед за этим совещанием имело место второе совещание Егорова с начальником Разведывательного управления Берзиным и его помощником полковником Брониславом Бортновским. Обратило на себя внимание присутствие на этом совещании также и Акулова – начальника военно-исторического отдела Штаба РККА...

В результате этих совещаний несколько офицеров из управления штаба были вызваны для опроса в кабинет Берзина, опрашивавшего их в присутствии Бортновского и представителя контрразведывательного отдела государственной безопасности, старшего майора Зиновия Воловича, временно прикомандированного к управлению Берзина. Вскоре сделалось известным, что имеются подозрения о злоумышленном копировании какого-то секретного документа, находившегося в распоряжении Организационного управления... Три офицера из управлений Оперативного и Военных сообщений были посажены в административном порядке под арест за упущение по службе, а один офицер штаба – майор Боков исчез без следа.

Дело это возбудило большой интерес в военных кругах Москвы, хотя о нем говорили очень мало и держали его в большом секрете, так как в высших военных советских кругах не привыкли к частому появлению дел, касающихся шпионажа, в которых были бы замешаны военные чины штаба... Военные круги Москвы в первое время отказывались верить в реальность обвинения... Однако исчезновение майора Бокова показало, что дело гораздо сложнее, чем простая провокация ГПУ: предположения, что Боков попросту арестован и посажен во внутреннюю тюрьму ГПУ, не оправдались. Выяснилось, что он бежал за границу, в Польшу. Это бегство вызвало самые разноречивые слухи, причем говорили, что похищен или вернее скопирован один из важнейших планов (последние слухи и вызвали появление в английской прессе сведений, что похищен вновь выработанный план обороны западной границы СССР). Однако вскоре сделалось известным, что дело хотя и крайне неприятно для Штаба РККА, поскольку советские офицеры штаба до сего времени не были замешаны в делах о шпионаже в пользу иностранных держав, тем не менее истинные размеры дела значительно скромнее.

Выяснилось, что был скопирован план расширения стратегических путей на западной границе СССР, постройки новых железнодорожных и шоссейных линий, расширения станций, устройства новых подъездных путей и пр. План этот был только недавно утвержден Штабом РККА и передан на обсуждение Высшего Военного Совета при Наркомобороне.... Боков решил всерьез передать скопированный план одной из иностранных разведок...

Передают, что высшие военные круги потребовали самого точного и детального расследования этого неприятного для Штаба РККА дела и наказания, в случае надобности, тех, кто задумал это дело...

ЦХИДК. Ф. 1. Оп. 50. Подлинник.

№ 12

Из материалов польской разведки,
перехваченных НКВД*

12 декабря 1936 г.

Совершенно секретно

Выясняется, что назначение Михаила Кагановича** в заместители наркома оборонной промышленности по вновь организованному наркомату, имеет в виду кроме тех целей, о которых сообщалось в нашем докладе, еще одну важнейшую цель: выполнение новой программы по авиационному строению, и следовательно по авиационному моторостроению. Каганович назначен первым заместителем наркома Рухимовича со специальным заданием по авиационному вопросу... [Каганович] исполнял также за последнее время обязанности начальника Главного управления авиационной промышленности при НКТП***, заменив на этом посту неудачливого Королева****. ГУАП было принято Кагановичем в состоянии полного распада, в разгар серии авиационных катастроф со вновь построенными авионами, во время которых погибла почти вся тогдашняя головка советского авиационного строительства и виднейшие партийные спецы по авиации: Абрам Гольцман, Зарзар и др. Каганович сумел поднять это управление, главным образом благодаря поддержке Политбюро ЦК ВКП, полученной им через брата Лазаря Моисеевича, и благодаря тому, что он захватил с собой виднейшие технические силы из Управления машиностроения, в котором он до того работал и где имелись виднейшие инженеры и техники. Последние охотно пошли работать к Михаилу Кагановичу, так как он славился среди советских спецов тем, что не дает их в “обиду” и отстаивает от

---

* Документ получен НКВД в ходе боевых действий в Западной Украине и Западной Белоруссии.

** Каганович Михаил Моисеевич (1888–1941) – с 1935 г. начальник Главного управления авиационной промышленности. С 1937 нарком оборонной промышленности СССР. В 1940 г. освобожден от занимаемой должности и предупрежден за невыполнение “решений партии”. По официальной версии покончил жизнь самоубийством.

*** Народный комиссариат тяжелой промышленности.

**** Королев Д.В. – начальник 18-го управления Наркомата оборонной промышленности.

арестов и суда в разных “показательных” процессах... Михаил Каганович находится в очень тесных отношениях со знаменитым советским авиастроителем инженером Туполевым* и с тем кружком молодых инженеров, который группируется вокруг Туполева и его детища Московского ЦАГИ...

ЦХИДК. Ф. 1. Оп. 50.

№ 13

Из записи беседы Ворошилова
с французским военным атташе полковником Паласом

15 января 1939 г.

...Палас. Не думаете ли Вы, что весной Италия попытается напасть на Францию, а Германия на Вас?

Тов. Ворошилов. Мы всегда готовы к этому и были готовы оказать помощь Чехословакии. Никаких осей мы не боимся и всегда готовы встретить врага, если он попытается на нас напасть. Это наша неизменная политика.

Палас. Я думаю, что было бы лучше, если между нашими генеральными штабами установилась более тесная связь, а Вы сейчас не имеете даже своего военного атташе во Франции. Ось действует совместно, а мы пока разрозненно. Говорят, что у Вас не совсем благополучно с заводами, вследствие чего появился Указ Верховного Совета.

Тов. Ворошилов. Военного атташе мы к Вам пошлем. Что же касается наших заводов, то там у нас положение хорошее. Вы сами знаете, что наша промышленность еще молодая, но она на своих заводах производит прекрасные станки и машины. Есть на наших заводах отдельные недоделки, но мы их устраним и на это нацеливаем наших рабочих...

Палас. Для упрочения мира было бы хорошо наладить более тесные взаимоотношения Франции с Вами и Польшей. Ваши отношения с Польшей, кажется, улучшились?

Тов. Ворошилов. Наши отношения с Польшей не улучшились и не ухудшились, а остались такими же, как были до сих пор. Что же касается Ваших отношений, то Польша от Вас ушла по Вашей вине, Румыния тоже уйдет, а совсем необязательно, чтобы Польша была с Германией...

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1242. Л. 7–8.

* 21 октября 1937 г. А.Н. Туполев, как “контрреволюционер и вредитель”, был обвинен в подрыве боевой мощи авиации и арестован. Пробыл в заключении 1367 дней.

Н.В. Васильева

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЕТЕ ИЗБРАННЫХ ДОКУМЕНТОВ АРХИВА МИД И ВОЕННЫХ АРХИВОВ РОССИИ

Новые возможности, появившиеся у российских историков в начале 90-х годов в связи с открытием ранее недоступных для исследователей архивов, позволили отойти от идеологизированных подходов к оценке роли СССР в международных событиях как полностью “безгрешной стороны”. Метод системного анализа помог сделать совершенно справедливый вывод о том, что Октябрьская революция в России, приход к власти большевиков с их идеей мировой революции заложили конфронтационные ориентиры во внешнеполитическую деятельность СССР. Естественно, что и Запад не мог не использовать “угрозу большевизма” в качестве международного фактора в отношениях с Советской Россией. Идеологизация международных отношений стала дымовой завесой для реализации тех или иных геополитических, геостратегических целей. Не остались в стороне от этого процесса и советско-польские отношения.

В последние годы российские ученые все больше внимания уделяют исследованию факторов, влиявших на разработку внешнеполитической стратегии СССР. Наименее доступными для исследователей и по сей день остаются материалы аппарата ЦК ВКП(б), специальных служб, прежде всего разведки, необходимые для того, чтобы определить, как формировались взгляды советского руководства на характер военной угрозы, что было при этом приоритетным: реальные военно-политические, стратегические и другие интересы или же доминировали идеологические мотивы – подозрительность “к классовому противнику”, боязнь расшатывания “коммунистических стержней” под влиянием углубления мирных отношений с капиталистическими странами.

В этом ключе значительный интерес представляет группа источников, не попавших в силу тех или иных причин в должной мере в поле зрения российских и польских исследователей.

Остановлюсь прежде всего на документах бывших царских дипломатов, входивших в так называемый Совет или совещание послов. Советским спецслужбам – ГПУ, Разведуправлению удалось скопировать эти документы и регулярно докладывать политическому и военному руководству СССР во главе со Сталиным. Сегодня можно лишь предполагать, каким образом советские разведчики добывали данные материалы. Они хранились в архивах Службы внешней разведки и МИДа. Эти материалы чрезвычайно ценны сами по себе тем, что их авторы – профессиональные дипломаты, в меньшей степени ангажированные Западом. Их менталитет складывался еще до 1917 г.

“Совет послов” был создан в Париже как неофициальный орган. Возглавлял его сначала русский дипломат М.Н. Гирс, а с 1932 г. видный политический деятель дореволюционной России Василий Алексеевич Маклаков. Бывшие царские дипломаты в 30-е годы продолжали собирать и анализировать информацию, приходившую как из большинства великих мировых держав, так и из малых стран. В Польше был аккредитован Сергей Львович Войцеховский. От него и от других дипломатов, в частности от Е.В. Саблина из Лондона, Е.П. Демидова из Афин, информация стекалась к В.А. Маклакову. Данные материалы отражали глубокое понимание царскими дипломатами необходимости защиты территориальной целостности России, их подходы к оценкам внешнеполитического курса СССР и иностранных государств с учетом национальных, религиозных факторов, психологии правящей элиты, настроения масс. Эта информация не могла оставаться незамеченной в соответствующих советских кругах и, конечно, учитывалась в отношениях с теми или иными странами.

Так, документы царских дипломатов свидетельствовали, что до 1933 г. Рим в стиле своей традиционной политики “комбинационе” и “конспирационе”, имевшей целью “ревизию и смуту”, пропагандировал необходимость осуществления так называемого католического блока против “ортодоксального славянства”. Причем в этой комбинации Польше отводилась роль католического заслона на Западе¹. Католические планы по сути были направлены на подрыв Версальской системы под эгидой Англии и Франции. В отношении Польши они, очевидно, строились в расчете на ее устремления, высказанные еще польским представителем на Парижской мирной конференции, о передаче Польше земель со всем католическим населением славянского происхождения, включая часть Белоруссии, Волынь, Восточную Галицию, часть Подолии².

Информация о “католическом блоке” была направлена Е.П. Демидовым из Афин 12 февраля 1934 г. В.А. Маклакову.

Тогда же он сообщал, что после провала замысла “католического блока” Рим выдвинул новую комбинацию: “Болгария, Румыния, Венгрия и Польша и вновь с отделением Словакии и выделением Хорватии с расчетом прельстить румын и разбить Малую Антанту”³.

После того как эта комбинация была разбита министром Титулеску, Рим сделал новый поворот, оставляя в стороне Польшу. Главным стало то, что Рим обещал Германии Данцигский коридор⁴. Несомненно, что эти факты учитывались советским руководством в плане германской угрозы Польше, германских устремлений к Балтийскому побережью, улучшения советско-польских отношений.

Об этом свидетельствует целая серия мероприятий НКВД, предпринятых после заключения советско-польского пакта о ненападении, по зондированию в 1933–1934 гг. перспектив дальнейшего сотрудничества с Польшей. Однако Германия опередила советскую сторону, пойдя на германо-польское сближение в 1934 г. В данном случае интересна переписка послов по вопросу пакта о ненападении между Германией и Польшей от 26 января 1934 г. Так, Е.В. Саблин, находившийся в Лондоне, рассматривал это событие в контексте возросшей угрозы для СССР со стороны Японии на Дальнем Востоке. Он писал: “На случай занятия Японией части российской территории на Дальнем Востоке Польша и Германия пожелают, вероятно, этим воспользоваться для того, чтобы уладить свои собственные разногласия за счет России. Польша могла бы отказаться от Данцигского коридора в обмен на некоторую часть российской территории и другой порт. Москва встревожена заключением германо-польского союза и подозревает, что германо-польский пакт о ненападении содержит секретные постановления”⁵.

Хотя сведения о существовании каких-либо секретных приложений в российской и польской историографии на сей день отсутствуют, тем не менее данный вопрос может быть предметом дальнейших исследований. Тем более, что Декларация о ненападении между Германией и Польшей предусматривала сохранение пакта в силе в случае вступления в войну с третьими государствами одной из договаривающихся сторон. Это могло означать оказание друг другу помощи в случае агрессии (например, участие Польши вместе с Германией в разделе Чехословакии).

К тому же Саблин уверял Маклакова о том, что “французское правительство осведомлено о секретных дополнениях польско-германского пакта”, и делал вывод: Германия, Япония и Польша желают территориального расчленения России⁶. В свою

очередь, Маклаков 27 апреля 1934 г. высказал мнение, что сговор Польши с Германией страшен для большевиков, они меньше боятся японской опасности, чем польско-германской⁷.

В письме Саблина от 30 апреля 1934 г. обращается внимание на отношение Великобритании к польской политике. Он пишет: “Надежды Англии возлагались на Францию и ее союзные отношения с Польшей. Польша за последний год стала освобождаться от французского влияния. Она, по-видимому, вступила на путь сближения с Германией, и весьма возможно, что ей придется получить более реальные преимущества и компенсации, чем в результате поддержания политики сотрудничества с Францией”⁸. В том же письме указывалось, что уклонение Пилсудского от разговоров с Барту об СССР весьма показательно и вызывает предположение, что и Польша желает сохранить за собой свободу рук.

Весьма примечателен прогноз Саблина относительно поведения Польши в случае рассмотрения договора о коллективной безопасности. Он отмечал, что в связи с планом Барту в Лондоне циркулируют слухи, что Польша заявит о своем несогласии допустить какие-либо иностранные военные операции на своей территории и не примет обязательства, которые могли бы потребовать от нее пропуска иностранных войск через ее территорию⁹.

26 июня 1934 г. Саблин обращает внимание Маклакова на то, что сотрудничество Германии и Советов подходит к концу. Советское правительство уже имеет одного открытого и весьма внушительного противника в лице Японии. Действительно, такая возможность сближения Японии, Германии и Польши реально учитывается Москвой, о чем писал И.М. Майский в НКВД 24 июля 1934 г. О том, что опасность такого варианта рассматривалась советским руководством и преломлялась в деятельности Коминтерна, свидетельствует и резолюция Политсекретариата ИККИ о положении в Польше и задачах компартии Польши от 29 февраля 1932 г. В ней намечалась организация борьбы против антисоветской войны, к которой, как говорилось в этом документе, “усиленно готовится польский фашизм в едином фронте с японским милитаризмом”¹⁰. Очевидно, чтобы разбить этот вариант, СССР с готовностью поддержал идею Восточного Локарно – договора о безопасности, который должны были подписать СССР, Германия, Польша, Балтийские страны и Чехословакия.

В тот же период Е.П. Демидов делал весьма верный вывод об общей ситуации в Европе, указывая на то, что многие условия Версальского трактата неосуществимы. Он писал: “Недо-

верие между странами, наряду с тяжкими ударами, нанесенными престижу Лиги наций, роковым образом приводят обратно к старым довоенным приемам, к образованию новых группировок и политических сочетаний под личиной экономического оздоровления, к заключению союзов, тайных договоров и военных коалиций. Пакты о дружбе теряют всякий смысл... Дальнейшее попустительство становится чуть ли не преступным”¹¹.

В год Мюнхена 28 марта 1938 г. в ЦК ВКП(б) из Главного управления государственной безопасности НКВД поступило очередное письмо Саблина, адресованное Маклакову, в котором содержалась информация относительно обсуждения в английской печати роли СССР в возможной войне. В документе приводится мнение одного английского журналиста о том, что Кремль думает лишь о собственных интересах. “В случае международного конфликта, – говорилось в нем, – единственной задачей СССР будет стремление отвлечь от себя опасность и переложить ее на других, в первую очередь на Англию. В новой борьбе уже не на жизнь, а на смерть с Германией Россия может спастись или во всяком случае получить передышку за счет Англии, Франции и других государств. Расчет на Россию – азартная игра, и ставка на нее, как заявлял журналист, будет бита”¹². Несомненно, что Москва, имевшая и другие источники информации о колебаниях западных стран по вопросу о перспективах военного союза с СССР, также не могла не сомневаться в надежности каких-либо гарантий безопасности со стороны западной демократии.

Вторая группа материалов, которая в силу их закрытости, также еще не в полной мере освоена отечественными историками, – это документы Российского государственного военного архива, прежде всего фонды наркомов обороны СССР и их заместителей, а также материалы Разведуправления Штаба РККА.

Известно, что к концу 20–30-х годов Разведывательное управление Штаба РККА имело в своем распоряжении сильный заграничный аппарат, работавший по легальной линии, и разветвленную нелегальную сеть. Весной 1930 г. в Европу была направлена группа сотрудников IV Разведуправления Штаба РККА во главе с болгариним И. Винаровым. Он получил назначение главного резидента в Австрии, откуда предстояло руководить работой в Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Югославии, Турции, Греции¹³. На “специальную работу” в 1929–1930 гг. управлению было выделено 150 тыс. американских долл. и 516 тыс. руб. В докладе о состоянии дел в разведке

начальника Разведуправления Я.К. Берзина и начальника информационно-статистического отдела А.М. Никонова в 1929 г. особое место отводилось Польше. В частности, отмечалось: “Наиболее важный противник СССР – Польша изучен во всех отношениях весьма с большой детальностью и большой степени достоверности. Нам документально известна вся существующая организация вооруженных сил Польши, имеются очень важные и крайне редкие документы, касающиеся мобилизации, предполагаемого стратегического развертывания польской армии, получается почти вся военная, географическая и статистическая польская литература, почти полностью изучен воздушный флот Польши”¹⁴.

Советские оценки Польши, как вероятного противника, стали меняться лишь в начале 30-х годов в свете поворота политики СССР в сторону “коллективной безопасности”. Например, 6 февраля 1931 г. военный атташе в Польше В.Г. Боговой сообщил К.Е. Ворошилову о том, что полпред СССР в Польше В.А. Антонов-Овсеенко в разное время и с разными представителями польского МИДа вел весьма осторожные и имеющие совершенно частный характер разговоры относительно “пакта о неагрессии” и торгового договора¹⁵.

Но уже в 1937 г. советская разведка чрезвычайно заинтересовалась материалами о польско-германском сближении. В январе того же года советская резидентура в Польше сообщала о польско-германских переговорах по вопросу Данцига и делала вывод, что Польша “плетется в фарватере германской политики”¹⁶.

16 февраля 1937 г. наркому Ворошилову поступила информация о переговорах Геринга с Рыдз-Смиглым, которые должны были предотвратить вступление Польши в блок нейтральных держав под эгидой Англии.

Возможности изучения названных в сообщении фондов и по сей день ограничены, так что многое все еще приходится читать между строк, о многом строить версии и предположения. Вероятно, что приведенные документы помогут дать более полную картину указанным выше источникам информации, которые, несомненно, влияли на формирование советской политики в отношении Польши. Вместе с тем они свидетельствуют о сложнейшей игре между великими и малыми державами, с помощью которой каждый стремился реализовать национальные интересы, как они понимались руководителями тех или иных стран: либо путем “умиротворения агрессора”, либо с помощью территориальных приобретений обеспечить “безопасность” границ своих стран.

Остается нерешенной проблема, воспринимал ли Сталин в 30-е годы идею “коллективной безопасности” в качестве долговременного подхода к решению вопроса о войне и мире или же надеялся использовать межимпериалистические противоречия в собственных интересах, в том числе для реализации концепции безопасности революционным путем. Во всяком случае присутствие коминтерновской линии свидетельствует, что последний вариант во внешней политике СССР даже в начале 30-х годов не исключался. Например, в директиве Политсекретариата ИККИ компартии Польши о работе в армии в 1934 г. снова ставились задачи подготовки условий для завоевания пролетариатом власти и активной обороны Советского Союза, о подготовке армии к переходу на сторону Красной Армии, превращения империалистической войны в гражданскую, разоблачения закулисных переговоров польского правительства с Германией¹⁷.

Даже если эти документы имели традиционный лозунговый характер, тем не менее они свидетельствуют о двойственности внешнеполитической линии советского руководства, что не могло не сказываться на международной политике СССР в отношении Польши в межвоенный период.

- 1 Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940: Сб. документов. В 2 книгах. Кн. 1. 1934–1937. М., 1998. С. 30–31.
- 2 *Савченко В.Н.* Плацдарм для борьбы с Советской Россией // Воен.-ист. журн. 1996. № 1. С. 54–57.
- 3 Чему свидетели мы были... Кн. 1. С. 31.
- 4 Там же.
- 5 Там же. Кн. 1. С. 47–54.
- 6 Там же.
- 7 Там же. С. 88.
- 8 Там же. С. 89–91.
- 9 Там же. С. 172–174.
- 10 Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998. С. 765–766.
- 11 Чему свидетели мы были... Кн. 1. С. 72.
- 12 Там же. С. 559–560.
- 13 *Кочик В.Я.* Советская военная разведка и кадры // Свободная мысль. 1998. № 8. С. 72.
- 14 Там же.
- 15 Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 204. Л. 6.
- 16 Там же. Д. 1036. Л. 27.
- 17 Коминтерн и идея мировой революции... С. 809–810.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Из доклада секретаря
военного атташе в Польше Демидова
наркомму обороны СССР

1931 г.
Секретно

...За последнее время вся польская печать продолжала уделять очень много внимания пакту о неагрессии. Газеты старались доказать, что переговоры начаты и ведутся по нашей, т.е. СССР инициативе, и что они ведутся, с одной стороны, с целью получить, свободные руки на Дальнем Востоке, с другой – оказать моральное и даже политическое давление на Германию с целью принудить последнюю быть более уступчивой в ведущихся сейчас наших переговорах в Берлине...*

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 202. Л. 126.

№ 2

Из записи беседы польского посла в США Ст. Патека
с заместителем секретаря США Г. Филлипсом**

17 августа 1933 г.
Совершенно секретно

(По мнению Патека) хотя в основном и неизменно он является противником коммунизма, но его опыт, полученный среди русского народа, убеждает его, что советская система при данном положении в стране является единственно возможной формой управления. Без фантастического самопожертвования и невиданной силы экономики советского режима было бы совершенно невозможно развернуть до нынешней высоты промышленность и сельское хозяйство этой страны, которая 15 лет тому назад жила средневековой техникой. Посол держится того мнения, что Советы рано или позд-

---

* Военный атташе в Польше Боговой сообщал Ворошилову 6 февраля 1931 г. о том, что в Варшаве полпред Антонов-Овсеенко в разное время и с разными представителями МИД вел весьма осторожные и имеющие совершенно частный характер разговоры относительно пакта о неагрессии и торгового договора (*Примеч. архива*).

** Документ получен агентурным путем, доложен Ворошилову.

но развернут своего рода госкапитализм, тенденции к которому уже ясно можно различить. Однако этот госкапитализм будет носить клеймо русского экономического развития и не будет похож ни на частный капитализм в его принятой форме, ни на основное понятие государственного коммунизма, хотя это понятие все еще является руководящим среди правящих кругов современной России...

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 486. Л. 55–59. Подлинник.

№ 3

Из донесения комкора Урицкого наркому обороны Ворошилову

15 мая 1936 г.
Секретно

...По данным, полученным 15.5.36 из Вены и требующим проверки, между Германией, Польшей и Венгрией 18.4.36 в Будапеште якобы состоялась секретная конференция, на которой между указанными странами достигнуто соглашение

а) о будущем разделе Чехословакии, по которому – Богемия, Моравия и Силезия отходят к Германии на правах автономной области; Словакия на тех же правах отходит к Венгрии и Прикарпатская Русь превращается в самостоятельное воеводство;

б) о строительстве венгерской армии при помощи Германии и Польши; причем Германия проводит техническую реорганизацию венгерской армии и для этой цели в июне м-це с.г. посылает в Венгрию специальную военную миссию;

в) о подготовке секретной военной конференции между этими странами, видимо, для обсуждения вопросов на случай войны с СССР и Чехословакией;

г) об урегулировании взаимных экономических отношений в целях согласованной экономической подготовки к войне и, наконец,

д) об урегулировании своих отношений к двум членам Малой Антанты – к Югославии и Румынии, с одной стороны, и к СССР, – с другой...

Начальник Разведывательного управления РККА комкор
Урицкий

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 864. Л. 391–392. Подлинник.

Из записи беседы
советского военного атташе в Париже Венцова
с генералом Гамеленом,
начальником французского генерального штаба

12 августа 1936 г.

Совершенно секретно

В связи со своим отъездом в Польшу генерал Гамелен выразил желание переговорить со мною 10 августа. Он начал разговор с указания на то, что целью его поездки является попытаться укрепить военно-политические связи с Польшей. За последнее время обстановка в Европе принесла столько крупных перемен, что вопрос о позиции Польши встал с максимальной остротой. Правда, ответил Гамелен, до последнего времени продолжались связи между двумя армиями. Однако наступает момент, когда необходимо уточнить позицию польской политики и сделать необходимые выводы в военном отношении. “Как видите, – прибавил Гамелен, – моя поездка ни в коей мере не направлена против Вас. Наоборот, моя единственная цель – привлечь Польшу к блоку тех государств, которые стоят за дело мира”.

Далее Гамелен объяснил, что он предполагал эту поездку сделать много раньше. У них было принято заблаговременно решение о том, что как только официально станет известным решение польского правительства послать во Францию с визитом генерала Рыдз-Смиглы, сразу же Гамелен отправится в Польшу для того, чтобы нанести ему первый визит. Только недавно в окончательном виде выяснилось решение польского правительства о том, что они намерены послать своего Главнокомандующего для визита во Францию. Именно отсюда и получилась поспешность с отъездом генерала Гамелена. Он предполагал пробыть в Варшаве до 14 августа включительно. Однако вчера получил телеграмму из Варшавы о том, что Президент Польской республики сможет его принять только 16 августа. Именно поэтому он вынужден будет остаться еще 2 дня на польской территории.

В ответ на поездку Гамелена в последних числах августа во Францию приедет генерал Рыдз-Смиглы для личного контакта и ознакомления с некоторыми частями французской армии...

Генерал Гамелен не предполагает принимать никакого участия в демонстрациях по поводу “чуда на Висле”. Мало того, Гамелен предполагает 15 числа не находиться в Варшаве, а выехать для посещения какого-либо гарнизона в провинции...

Со своей стороны я еще раз добавил, что мы считали бы более правильным, если бы к этому представилась возможность, чтобы генерал Гамелен закончил свое пребывание на территории Польши 14 августа...

Военный атташе в Париже
комдив Венцов

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 878. Л. 43–46. Подлинник.

№ 5

Из письма полномочного представителя
СССР в Германии Я.З. Сурица
заместителю наркома иностранных дел СССР
Н.Н. Крестинскому

4 марта 1937 г.
Секретно

...За истекший период активность германской дипломатии внешне главным образом проявилась в попытках консолидировать фронт стран, на которых Германия преимущественно строит свои расчеты в борьбе с фронтом коллективной безопасности. Под этим углом следует рассматривать поездку Нойрата в Вену и Геринга в Варшаву. Обе эти поездки преследовали одну и ту же цель – устранить текущие недоразумения и расчистить путь для более тесного сотрудничества в будущем. С обеими этими странами накопилось достаточно недоразумений с той, правда, разницей, что, если в отношении Польши счет претензий носил взаимный характер (положение германского меньшинства в Померании и Силезии, с одной стороны, и прибрание Данцига к рукам, с другой), то по австрийской линии жалобы носили уже чисто односторонний характер – со стороны одной только Австрии...

Неудача приписывалась и поездке Геринга. Отсутствие Бека многими интерпретировалось как преднамеренное умаление политического значения визита. Передавались, как верные слухи, что Герингу пришлось натолкнуться на твердое и категорическое заявление со стороны польских военных кругов, что они не допустят нарушения теперешнего статуса в Данциге и что Рыдз-Смиглы будто бы в самой твердой форме отклонил или отвел попытки Геринга более решительно втянуть Польшу в “идеологическую” борьбу с коммунизмом...

АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 3. Д. 23. Л. 35–45.

№ 6

Из дневника Георгия Димитрова*

16 сентября 1938 г.

Телеграмма Д.З. Мануильскому. В связи с Чехословакией необходимо принять спешные меры по отношению к Польше, Румынии, Венгрии. Особенно Польши. Следовало бы публиковать статьи, в которых раскрывать задачи рабочего класса и всех демократических сил... От имени польской инициативной группы** опубликовать обращение к рабочим и крестьянам, к демократическим организациям Польши против прогитлеровской политики польского правительства. Защита независимости и целостности Чехословацкой республики означает защиту независимости самой Польши...

№ 7

Из донесения Военного совета
Киевского Особого военного округа

Передано по прямому проводу
30 сентября 1938 г.

Народному комиссару обороны СССР
Маршалу Советского Союза
тов. Ворошилову

Из наблюдений пограничных и полевых войск, разведывательных данных авиации, из опроса перебежчиков, захваченных 26.9, и по агентурным данным о действиях войск польской армии перед фронтом КОВО*** можно сделать следующие выводы:

1. Создана группировка для активных действий против Чехословакии на границе южнее Краков.

2. До 20.9 в районе Луцк, Дубно, Ровно происходили засекреченные большие маневры. По агентурным данным в этих маневрах участвовали – 3, 9, 13, 11, 12, 30 и 27 п.д., ОКБ**** Ровно и 2 и 6 ОКБ, бронеприкрытие и до 80 самолетов...

3. Начиная с 24.9 поляки начали переброску полевых войск к госгранице СССР и по состоянию на 29.9 на всем фронте от Корец до устья р. Збруч имеются полевые войска, численность и состав их неизвестны...

* Димитров Георгий. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София. 1997. С. 136–137.

** 16 августа 1938 г. по линии Коминтерна была создана так называемая инициативная группа в составе: Я. Собеский, Х. Шрага, Л. Паки с задачей роспуска польской КП.

*** Киевский Особый военный округ.

**** Отдельная кавалерийская бригада.

5. Точных данных о наличии авиации в непосредственной близости госграницы нет. Нашими авиаразведчиками наблюдались 16 самолетов на посадочной площадке Ровно и 13 истребителей Волочинск, несмотря на наши полеты, польская авиация своего присутствия не показывала. Только 30.09.38 польские три истребителя над Волочинском и четыре разведчика, нарушившие границу в белокоровическом направлении.

6. Из всех этих данных, а также материалов НКВД, прихожу к следующим выводам:

а) Для поляков наш выход к госгранице явился неожиданным, и только этим можно объяснить поспешность выхода польских частей к границе небольшими подразделениями и сосредоточение их, в основном, против расположения наших войск.

б) Считаю, что поляки к границе выбросили только части прикрытия (погранчасти, усиленные полевыми войсками) для того, чтобы закрыть границу. Эти части производят оборонительные работы, роют окопы, строят препятствия, главные свои силы полевых войск имеют на линии старых немецких позиций Кременец, Тарнополь, Чортков. Одновременно поляками производится усиленное наблюдение офицерскими постами и рекогносцировка районов госграницы...

в) Поляки развивают активную деятельность по выявлению нашей группировки и проявляют особую активность в северном (коростеньском) направлении, засылая туда своих агентов...

7. Принимаю меры к установлению нумерации полевых войск и численности подошедших к границе частей, одновременно усиливаю наблюдение как по границе, так и за подходом из глубины.

Тимошенко, Поляков

РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 479. Л. 199–200. Заверенная копия.

№ 8

Из разведсводки № 2 Штаба Киевского Особого военного округа

Передано по прямому проводу
6.00 3.10.38 г.

1. На участке Новая Гута, Кобыла, Корец – 2.10 наблюдалось движение отдельных солдат и автомашин. Более оживленное движение было на шоссе Ровно, Корец, главным образом автомашин. [В] районе Богдановка, Брыков производились окопные работы. [В] районе Корец проводятся сборы осадников кавалеристов до 100 чел. В лесу западнее Головница – небольшие группы конницы...

2. 10.38 г. в Корец были вывешены национальные флаги и за-

мечалось движение вольных по городу. Вечером в Корец играла музыка и слышны были победные крики...

На участке Килиев, Острог наблюдалось:

- а) незначительное движение солдат и офицеров вдоль границы;
- б) заметно уменьшилось движение местного населения...
- в) 19 уланский полк ушел из Милятин неизвестно куда.

3. На участке Острог, Ямполь – незначительное движение групп солдат и одиночных машин. В период 8.00–11.00 летали самолеты группами по три, в общей сложности до 10 самолетов на участке Садки, Острог.

4. По данным погранотряда в 10.00 в Подчанки прошло 300 чел. в черном обмундировании с белыми повязками на рукавах...

Выводы: 1. Наличие прожекторов и аэродрома в Людвиполь, окопных работ в районе Богдановка, в присутствии конницы ю.-з. Корец и скопление войск в Людвиполь указывает на наличие в районе Людвиполь, Меджиричи, Черница, Корец какого-то соединения из всех родов войск, замаскированного в лесах и населенных пунктах и имеющего средства ПВО.

2. Наличие пехоты, артиллерии, конницы и авиации в районе Милятин, Острог, Болотковцы указывает на наличие в этом районе тоже какой-то группировки войск. Полеты самолетов имеют задачей по-видимому не только разведку войск, но и ПВО группировки.

3. Уменьшение хождения вольных лиц на участке Киликиев, Острог указывает на какие-то мероприятия, проводимые военными властями на этом участке границы.

Зам. начальника Штаба КОВО комбриг Ватутин
Военный комиссар Штаба КОВО ст. политрук Сергеев

РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 479. Л. 216–217. Заверенная копия.

№ 9

Прием английского посланника Хадсона
(Из дипломатического дневника М.М. Литвинова)

23 марта 1939 г.

...Я говорил, что мюнхенская политика уничтожила международное доверие, а также авторитет великих держав среди малых государств... Хадсон признал ошибки со стороны западных держав, но возражал против наших подозрений, будто Чемберлен и в сентябре хотел натравить Германию на нас... О маленьких странах он говорил в чрезвычайно пренебрежительном тоне. После визита в Польшу Хадсон вынес впечатление, что Польша будет драться, только если нападут на ее территорию, или даже на коридор, хотя Данциг она, вероятно, сдала бы без боя...

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1030. Л. 6–8.

В.В. Соколов

ПОЛЬСКИЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ УЗЕЛ В ПРЕДДВЕРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Политика открытости, проводимая в последние годы демократической Россией, особенно зримо ощущается в предоставлении самого широкого доступа исследователей к архивным богатствам России. Отрешившись от идеологических догм, связывавших историков и архивных работников, сотрудники Историко-документального департамента МИД России приступили в начале 90-х годов к широкому рассекречиванию документов и материалов Архива внешней политики Российской Федерации за период с 1917 г. до середины 60-х годов. Только по вопросам советско-польских отношений рассекречены десятки тысяч документов.

Многие, наиболее важные архивные документы Историко-документальный департамент сумел опубликовать, несмотря на большие финансовые трудности, которые переживает наша страна. В этом отношении особую ценность для историков, изучающих события кануна второй мировой войны, имеют документы, включенные в XXII и XXIII тома серийной публикации “Документы внешней политики”, охватывающие период 1939–1941 гг.

Опубликованные документы представляют богатейший материал для изучения истории во всей ее многогранности. Теперь мы можем, не оглядываясь на партийные инстанции, сами судить о предвоенной ситуации, опираясь на источники. Кроме того, историки располагают достаточным количеством документов других стран – основных участников событий кануна второй мировой войны по обе стороны дипломатического фронта. Это позволяет более объективно отразить картину прошлого.

Можно констатировать, что польский внешнеполитический узел противоречий возник в силу объективных и особенно субъективных причин, которые, как нередко бывает в истории, являлись определяющими. Конечно, творцы Версальской системы

договоров, стремясь ослабить побежденную кайзеровскую Германию, заложили такую конфигурацию тогдашнего польского государства и его границ, которая изначально несла в себе зародыш будущих межгосударственных противоречий.

Изучение документов показывает, что Германия не хотела иметь на своей восточной границе сильную Польшу, к тому же разделявшую ее так называемым польским коридором на две части. Поэтому германские правящие круги со смешанным чувством наблюдали за возрождением и усилением Польши, за успехами польской армии в 1920 г. в войне против советской России. В отличие от дипломатов и политиков представители германских военных кругов не скрывали своих намерений и высказывались более определенно. Так, начальник управления сухопутных сил рейхсвера генерал Ханс фон Сект в докладной записке на имя рейхканцлера Й. Вирта от 11 сентября 1922 г. отмечал, что существование Польши является “невыносимым и несовместимым с жизненными условиями Германии”. “Вместе с Польшей падет одна из сильнейших опор Версальского мира, господствующее положение Франции”. Для достижения этой цели, продолжал фон Сект, необходимо действовать “через Россию или с ее помощью”¹. Такие высказывания военных не определяли в то время политику демократической Германии, но, разумеется, они оказывали влияние на определенные националистические круги, группировавшиеся вокруг Гитлера и стремившиеся подорвать основы европейского мира.

К тому же великодержавная, шовинистическая внешняя политика Польши не способствовала установлению дружественных отношений со своими соседями. Война с советской Россией и захват Киева в 1920 г., а затем отторжение западных областей Белоруссии и Украины, оккупация Виленской области Литвы оставили определенный след в политических кругах в Москве.

Идеологическая нетерпимость польского правительства в отношении большевизма переносилась на межгосударственные отношения. Достаточно вспомнить, что руководитель польского государства Ю. Пилсудский даже не принял верительные грамоты у первых советских полпредов Л.М. Карахана и Л.Л. Оболенского. Отказ Пилсудского принять грамоты имел политическую подкладку: с одной стороны, он демонстрировал неравенство советского дипломата по отношению к дипломатам других стран, а с другой – стремился показать, что несмотря на Рижский мирный договор, “Польша не признает Россию де-юре”². Тем самым дипломатические отношения искусственно поддерживались на уровне поверенных в делах.

“Политика Ю. Пилсудского, ставшего во главе возрожденной Польши, как в польской, так и в западной историографии связы-

вается с так называемой Ягеллонской идеей, сутью которой являлся постулат, что будущее Польши зависит от ее экспансии на восток”, что, по словам польского историка Е. Кирхмайера, означало “в конечном итоге решительное оттеснение России на восток”³.

В этих условиях советская Россия, ослабленная первой мировой и гражданской войнами, голодом в Поволжье и на Украине, еще не признанная цивилизованной Европой, испытывала постоянный страх перед возможной интервенцией. Основания для этого были. До Москвы доходили сведения об антисоветских союзах Польши с Румынией и Францией, а обсуждение различных планов по созданию “Великой Польши” в границах 1772 г. или вассальной “Великой Украины” на началах так называемого федерализма вызывало определенную настороженность среди российских дипломатов.

Поэтому порой вызывает удивление, когда заключенный в 1922 г. советско-германский договор в Рапалло, знаменовавший дипломатический прорыв в Европу путем установления дипломатических и экономических отношений с одной из ведущих стран, пытаются трактовать чуть ли не как заговор против Польши и прообраз советско-германского договора 1939 г. о ненападении. Рапалльский договор со всеми его приложениями опубликован. В нем нет и намека в отношении угрозы третьим странам. Но он, безусловно, сыграл свою роль в укреплении позиций советской России и особенно демократической Германии, которая в отличие от России была побежденной страной. Не сразу устанавливалось доверие между двумя странами. Но когда Франция в январе 1923 г. при поддержке Бельгии незаконно оккупировала Рур, а Польша, воспользовавшись этим, предъявила претензии на часть Силезии, которая в тот период принадлежала Германии, советская Россия осудила франко-польскую акцию⁴. Такие действия польских правящих кругов порождали недоверие к польской политике.

Тем не менее к концу 20-х годов Польша заняла достойное место в международной политике. Она официально осудила преступление, связанное с убийством в Варшаве советского полпреда П.Л. Войкова, и не поддержала интриг английской дипломатии с целью разжечь советско-польский конфликт. Ни Германия, ни Франция не поддержали Великобританию, разорвавшую в 1927 г. дипломатические отношения с Советским Союзом. Встретившись с французским министром иностранных дел А. Брианом 24 мая 1927 г. нарком иностранных дел Г.В. Чичерин указал на особое для СССР значение Польши и на необходимость удержания ее от авантюры. Бриан ответил, что Франция сдерживала и будет сдерживать Польшу⁵.

9 февраля 1929 г. был подписан Московский протокол между СССР, Польшей, Эстонией, Румынией и Латвией, к которому позже присоединились и некоторые другие государства, о досрочном введении в действие пакта Бриана–Келлога от 27 августа 1928 г. об отказе от войны в качестве орудия национальной политики. Это был важный польский шаг к примирению с СССР.

Последовавшее подписание в 1932 г. советско-польского договора о ненападении⁶, а затем аналогичного договора СССР с Францией⁷ создали условия для укрепления политической стабильности в Европе.

Однако многое изменилось в позиции Польши с приходом Гитлера к власти в Германии. Польское правительство стало постепенно отходить от проведения политики, согласованной со своим французским союзником. Оно подписало с Германией в 1934 г. декларацию о ненападении, которую во всем мире расценили как пакт о ненападении. Одновременно польское правительство отказалось от участия в так называемом восточном пакте, инициированном Францией и поддержанным Советским Союзом в качестве основы будущей системы коллективной безопасности в Европе. Тем самым министр иностранных дел Польши Ю. Бек надолго похоронил саму идею коллективного отпора агрессору. Об этом Бек, как о своей заслуге, напомнил Гитлеру в беседе 5 января 1939 г. в Берхтесгадене. Одна из причин такой польской позиции – предполагавшееся участие в восточном пакте Советского Союза⁸.

Таким образом, польская дипломатия сменила ориентацию и стала проводить курс на сближение с Германией, Италией и Японией. Это выражалось и в том, что Польша взяла на себя защиту германских интересов в Лиге наций после демонстративного выхода из нее в 1933 г. гитлеровской Германии. Поэтому с трибуны Лиги наций польские представители часто оправдывали позицию тех, которых позже назовут государствами-агрессорами, касалось ли это нападения Японии на Китай или расчленения Чехословакии.

Я хотел бы обратить внимание лишь на некоторые аспекты, которые попадали в поле зрения Наркоминдела и которые ныне нашли отражение в упомянутых мною томах “Документов внешней политики”.

Прежде всего замечу, что польское правительство никогда в 30-е годы не придерживалось так называемого принципа равноудаленности от Москвы и Берлина, как иногда любят говорить некоторые историки. Достаточно вспомнить, сколько раз бывал Ю. Бек в Берлине и сколько раз принимал он высоких герман-

ских гостей в Варшаве. В то же время в Москве бывал он с визитом только один раз – в 1934 г., поскольку вся последующая его политика была направлена на изоляцию СССР и создание анти-советского союза. За этим постоянно с тревогой наблюдали в Москве, фиксируя каждый шаг Варшавы.

Так, информируя 4 июля 1934 г. полпреда СССР в Польше Я.Х. Давтяна по важнейшим международным вопросам, заместитель наркома Б.С. Стомоняков писал: “Весь курс польской политики на сотрудничество с Германией диктуется спекуляцией пилсудчиков на японо-советской войне, перспектива которой лежит в основе всех их политических расчетов”⁹.

Через несколько месяцев он вновь коснулся этого вопроса. “Сведения о растущей близости между Польшей и Японией, о подготовке заключения союзного договора или даже о состоявшемся заключении такового, – писал Стомоняков, – получают все большее распространение и принимают все более серьезный характер”¹⁰. Эти опасения имели определенное основание.

В письме советника полпредства СССР в Польше Б.Г. Подольского на имя Б.С. Стомонякова перечислялись факты японо-польского военного сотрудничества: здесь и стажировка японских офицеров в польской армии, и японский шпионаж из Польши против СССР, и японские военные заказы польской промышленности и многое другое¹¹. Не прошло незамеченным в Москве и посещение премьер-министром Польши Ю. Пилсудским японской миссии в Варшаве, поскольку в прошлом он бывал только в посольстве союзной Франции. Начавшиеся в 1938 г. переговоры о присоединении Польши к “Антикоминтерновскому пакту” привнесли для сталинского руководства новый раздражающий момент, так как на дальневосточных рубежах СССР постоянно происходили военные стычки с японцами, захватившими Маньчжурию (северо-восточные провинции Китая) и нарушавшими границы СССР и Монголии.

В Польше все более разрасталась кампания требований колоний. 12 января 1937 г., выступая в бюджетной комиссии сейма, министр иностранных дел Ю. Бек заявил, что считает необходимым поставить перед международным форумом вопрос о необходимости колоний для польского государства¹². Особенно помпезно был отмечен “день колоний” – 18 апреля 1938 г.

Б.С. Стомоняков еще 7 февраля 1936 г. писал полпреду в Варшаве: “Выступление Бека с заявкой на получения Польшей колоний и появившиеся вслед за этим в польской печати статьи о перенаселенности Польши, в частности польской деревни ... имеют также своей целью мобилизовать общественное мнение

Польши вокруг империалистических задач, т.е. под знаком прогерманской политики Польши”¹³.

Позицию польской дипломатии в отношении СССР и Чехословакии характеризует такой частный эпизод. В мае 1936 г. посланник Чехословакии в Румынии Ян Шеба опубликовал книгу “Россия и Малая Антанта в мировой политике”, в которой выступил в защиту советско-чехословацкого договора о взаимопомощи 1935 г. и идеи советско-румынского союза, а также подверг в этой связи критике внешнюю политику Польши. Это произведение, отмечал 9 февраля 1937 г. полпред в Румынии М.С. Островский, “сделало Шебу мишенью польской и немецкой миссий... Для своей работы поляки и немцы до последнего времени использовали (главным образом поляки, которые играли и играют роль немецких мальчиков) всякие гнусные анонимки”. “Поляки и немцы здесь, – писал полпред ранее, – соединенными усилиями поставили задачей свалить Шебу”. И они этого добились в феврале 1937 г. Шеба был отозван из Румынии¹⁴.

В том же контексте характеризовал политику Польши заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин в письме полпреду в Варшаве Я.Х. Давтяну. Он отмечал: апрельский 1937 г. “визит Бека в Бухарест является продолжением того ярко антисоветского и антифранцузского курса, который особо чувствуется после возвращения Бека из отпуска”, однако “линия Бека на изоляцию СССР” поддержки не встретила¹⁵.

В марте 1938 г. гитлеровская Германия захватила Австрию. И буквально в эти же дни, 16 марта, Польша предъявила ультиматум Литве, требуя официального признания польского захвата в 1920 г. Вильно (Вильнюса) и области и установления дипломатических отношений.

В этой связи нарком М.М. Литвинов вызвал польского посла В. Гжибовского и заявил ему, “что, не входя в оценку польско-литовского спора, мы заинтересованы в разрешении его исключительно мирным путем и что насильственные действия могут создать опасность на всем востоке Европы”¹⁶.

Информируя полпреда в Китае о европейских событиях, заместитель наркома Б.С. Стомоняков 17 апреля писал: “Польша все более и более открыто выступает как фактический участник блока агрессоров”. Касясь обострения вопроса вокруг Чехословакии, он заметил: “В германских планах разрешения чехословацкого вопроса Польша играет активную роль. Она открыто провоцирует обострение тешинского вопроса... поскольку Германии выгодно показать всему миру, что Чехословакия является нежизненным государственным организмом, который распадается на свои составные части”¹⁷.

Мюнхенская сделка правительств Великобритании и Франции с Гитлером и Муссолини 29–30 сентября 1938 г. создала новую геополитическую ситуацию в Европе и изменила соотношение сил не в пользу миролюбивых государств. К сожалению, в этой акции по расчленению Чехословакии приняла участие с согласия руководителей германского рейха и Польша, захватившая Тешинскую область. Тем самым был внесен раскол в единство славянских государств. Советский Союз осудил мюнхенскую сделку и участие Польши в агрессивных действиях против Чехословакии¹⁸. Польша заручилась обещанием германского правительства о поддержке в случае конфликта с СССР¹⁹, а Советский Союз, выполняя свои договорные обязательства с Чехословакией, придвинул свои войска к польской границе²⁰.

Только в конце ноября 1938 г. удалось договориться о нормализации советско-польских отношений²¹. Однако неприятный осадок остался у обеих сторон. Он усилился в Москве, когда стало известно сообщение отдела печати польского МИД германским журналистам: “Польша в своей внешней политике всегда придерживалась той точки зрения, что участие Советского Союза в европейской политике излишне”²². Это было выражением не только великодержавной политики в отношении близкого соседа, но и самонадеянность силы.

А гитлеровские сподручные очень скоро предъявили свой счет за благорасположение к Польше в период мюнхенского кризиса. 24 октября 1938 г. в беседе с польским послом Й. Липским германский министр иностранных дел И. Риббентроп выдвинул предложение об “общем урегулировании спорных проблем, существующих между Польшей и Германией”, которые предусматривали, в частности, присоединение к третьему рейху Данцига (Гданьска), строительство Германией экстерриториальной автострады и железнодорожной линии через польское Поморье и др.²³

В этот период были предприняты робкие попытки улучшить польско-советские отношения. В результате достигнутой в ноябре договоренности 16–19 декабря 1938 г. в Москве состоялись торговые переговоры о расширении товарооборота между двумя странами. Был парафирован соответствующий протокол, в котором предусматривалось доведение товарооборота до 140–160 млн, злотых в год²⁴. 19 февраля 1939 г. был подписан торговый договор между СССР и Польшей.

В беседе с польским послом В. Гжибовским 9 января 1939 г. М.М. Литвинов выразил удовлетворение исходом переговоров. Нарком высказал надежду, что атмосфера между Варшавой и Москвой не будет портиться, имея в виду попытки гитлеровской

Германии “сеять недоверие между обеими странами на почве мюнхенской встречи”²⁵. Определенную игру вели в Варшаве и французские дипломаты, пытаясь посеять недоверие к польской политике. Об этом сообщал в Наркоминдел временный поверенный в делах СССР в Польше П.П. Листопад²⁶.

М.М. Литвинов по традиции, оставшейся от Г.В. Чичерина, имел обыкновение писать личные письма полпредам, в которых делился своими соображениями, ставил конкретные задачи. Так, в письме полпреду СССР во Франции Я.З. Сурицу от 11 января 1939 г. он отмечал свою большую заинтересованность в получении сведений о переговорах Ю. Бека с Гитлером, состоявшихся 5 января. Нарком отдавал себе отчет в том, что у Гитлера достаточно “средств давления на Польшу”. “Конечно, спорных вопросов между Германией и Польшей накопилось очень много, – писал нарком, – и прочное длительное соглашение вряд ли возможно”.

Говоря о том, что Франция проявляет интерес к советско-польским отношениям, М.М. Литвинов обратил внимание на следующую деталь: французское посольство в Варшаве старается “усилить наше недоверие к Польше, рассказывая о ее вероломстве и ненадежности в сношениях с Францией”. Французский министр Ж. Бонне умышленно якобы уехал в Альпы на отдых, чтобы избежать встречи с Бекем и обеспечить ему встречу с Гитлером.

Такая позиция французского министра, по мнению Литвинова, объяснялась тем, что “сотрудничество Польши с СССР может дать новый сильный и неотразимый аргумент противникам нынешней политики Бонне и в пользу сохранения связей Франции с Востоком Европы”. “Вот почему Бонне хотел бы изолировать нас от Польши”, – заключает нарком²⁷.

Но Гитлер уже определился, и его не беспокоили мелкие дипломатические игры. Едва прошло две недели после встречи Ю. Бека с Гитлером и Риббентропом, где обе стороны заверяли друг друга в желании поддерживать добрососедские отношения, как на совещании генералитета третьего рейха 22 января 1939 г. тот же Риббентроп заявил о “следующем этапе германской программы разрешения польского вопроса”²⁸.

Более того, немцы пытались диктовать полякам, как им себя вести. Когда Ю. Бек после встречи с Гитлером в беседе с журналистами сделал намек на желательность для Польши сохранить хорошие отношения с СССР, заведующий отделом печати германского МИД Г. Ашман официально указал полякам на то, что “подобное заявление произведет неблагоприятное впечатление в Берлине”, и высказал пожелание, чтобы оно было в какой-либо форме сглажено²⁹.

15 марта 1939 г. Чехословакия перестала существовать. Европейский военно-политический кризис нарастал. После захвата Чехословакии многие польские политики и публицисты высказались против тех, кто “проповедовал польско-германский поход на СССР”. 18 марта газета “Варшавски дзенник народовы” писала: что касается идеи создания “Великой Украины”, то “она могла бы появиться только в результате победы над Москвой, но мы из истории знаем, чем кончались такие войны”.

Печать стала более трезво судить о создавшемся геополитическом положении Польши. Так, орган правооппозиционной партии газета “Зврот” писала 19 марта в передовой статье, требуя отставки Бека и коренного изменения польской внешней политики: “Мы идем от одного поражения к другому. Аннексия Чехословакии является событием, имеющим грозное историческое значение в первую очередь для Польши. Теперь Польша окружена Германией с севера, юга и запада. Мы очутились в пасти, аппетит которой безграничен”. Это было действительно так.

24 марта германское правительство публично потребовало от Польши согласиться на передачу Германии Данцига (Гданьска) и предоставление экстерриториальной автострады и железной дороги, перерезающих “польский коридор”. Ранее, 22 марта, Германия оккупировала Клайпеду и соответствующий округ, принадлежавший Литве.

Нарком Литвинов предложил срочно созвать конференцию заинтересованных государств. Однако Великобритания нашла это предложение “преждевременным”. В свою очередь она предложила подписать декларацию с осуждением гитлеровской агрессии. Но Польша отказалась подписать такую декларацию³⁰.

31 марта Великобритания предоставила односторонние гарантии Польше. А 6 апреля во время визита польского министра Ю. Бека в Лондон было подписано англо-польское коммюнике, в котором говорилось о предоставлении гарантий относительно взаимной помощи против агрессии³¹. И когда в соответствии с советским предложением от 17 апреля начались англо-франко-советские переговоры о заключении договора о взаимопомощи, польское правительство осталось глухо и не захотело способствовать их успешному завершению.

Москва предпринимала усилия, чтобы привлечь Польшу к переговорному процессу. В мае 1939 г. новый нарком В.М. Молотов направил в Варшаву своего первого заместителя В.П. Потемника для переговоров с Беком. В его указании отмечалось: “Можете намекнуть, что в случае, если поляки захотят, то СССР может им помочь”³².

Выполнив это указание, Потемкин, сообщая 10 мая о беседе с Беком, писал Молотову: “Путем подробного анализа соотношения сил в Европе и возможностей эффективной франко-английской помощи Польше привел Бека к прямому признанию, что без поддержки СССР полякам себя не отстоять... Со своей стороны я подчеркнул, что СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала”³³. Однако 11 мая польский посол в Москве В. Гжибовский заявил в беседе с Молотовым: “Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР”, так как она считает, что пакт можно заключать на условиях взаимности, а Польша не может оказать помощь Советскому Союзу³⁴.

В беседе с новым советским полпредом Н.И. Шароновым польский министр 2 июня 1939 г. пояснил свою позицию: “Польша не хочет быть инструментом в руках той или иной державы... Если думают, что мы не будем воевать, и считают, что мы держимся спокойно, то это ошибочное мнение, мы уже дали один небольшой отпор, второй будет серьезнее”³⁵. Откуда такая самоуверенность, сказать трудно. Но это была явно неадекватная реакция польского министра в той международной обстановке.

СССР был вынужден пойти 23 августа 1939 г. на подписание договора о ненападении с Германией. Обстоятельства его заключения хорошо известны. От первых конкретных бесед с германскими представителями до подписания договора и секретного протокола к нему прошла пара недель. Советская сторона не имела ни заранее подготовленных текстов соглашений, ни даже записей самих переговоров. Все делалось в спешке. Отсюда возникли многие недоразумения даже с точки зрения разграничения “сферы интересов”, когда был пропущен один из важных ориентиров, и пришлось подписывать еще один протокол.

В Москве, как и в Варшаве, было известно о надвигавшейся военной угрозе. Задача для кремлевских руководителей состояла в том, чтобы ограничить сферу продвижения гитлеровской агрессии. Польское правительство не захотело создания коллективной системы безопасности. Оно предпочло подписать 25 августа соглашение о взаимопомощи с Англией за несколько дней до предстоящего германского вторжения, о котором ему было известно. Но польское правительство, видимо, не предполагало, что начнется “странная война”. В Москве были дальновиднее. Об этом предупреждал Бека Потемкин.

СССР объявил о своем нейтралитете в начавшейся войне. Только когда Польша была почти разгромлена немцами, советские войска вступили 17 сентября на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии.

У советского правительства не было претензий на польскую территорию. Буквально через месяц оно возвратило Германии намеченные по секретному протоколу для передачи Советскому Союзу Люблинское и Варшавское воеводства и вернулось к так называемой линии Керзона, предложенной английским правительством еще в 1920 г. Эта позиция СССР встретила одобрение в Лондоне и Париже, поскольку там наиболее дальновидные деятели понимали, что СССР создает барьер против гитлеровской агрессии и будущий Восточный фронт.

Хотя военных столкновений с польскими войсками практически не было, сам факт вступления СССР в вынужденную сделку с Гитлером получил негативную оценку польского народа. Свою роль при этом сыграли и репрессии сталинского режима в отношении обоих народов и многолетняя антирусская пропаганда.

В то же время следует признать, что именно благодаря большим усилиям Москвы современная Польша возвратила пястовские земли и получила западную границу по Одру и Нейссе, была признана соучредителем Организации Объединенных Наций.

В истории отношений России и Польши в период между двумя мировыми войнами очень часто наши страны были в противоположных лагерях, что наносило колоссальный ущерб двум славянским народам. Только когда они жили в добрососедстве, как это имело место после второй мировой войны, в Европе более полувека царил мир.

Видимо, потребуется немало усилий ученых, средств массовой информации, политических деятелей и дипломатов, чтобы дать объективную оценку событиям предвоенного периода европейской политики со всеми ее противоречиями и сложностями.

¹ Соколов В., Фетисов И. Рапалло и довоенная Польша // Международная жизнь. 1993. 3. С. 135.

² Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1961. С. 670 (Далее: ДВП СССР).

³ Прибылов В.И. “Захват” или “воссоединение”? // Воен.-ист. журн. 1990. № 9. С. 15.

⁴ См.: Международная жизнь. 1993. № 3. С. 136–139.

⁵ ДВП СССР. М., 1965. Т. X.

⁶ ДВП СССР. М., 1969. Т. XV.

⁷ Там же. С. 637–640.

⁸ Год кризиса. 1938–1939: Документы и материалы. М., 1990. Т. I. С. 173.

⁹ ДВП СССР. М., 1971. Т. XVII. С. 443.

¹⁰ Там же. С. 665.

¹¹ Там же. С. 827–828.

¹² Год кризиса: Документы и материалы. М., 1990. Т. 2. С. 370.

- 13 ДВП СССР. М., 1974. Т. XIX. С. 65.
- 14 ДВП СССР. М., 1976. Т. XX. С. 706.
- 15 Там же. С. 205.
- 16 Там же. М., 1977. Т. XXI. С. 129.
- 17 Там же. С. 202.
- 18 Там же. С. 514.
- 19 Год кризиса. Т. 1. С. 38.
- 20 ДВП СССР. Т. XXI. С. 738.
- 21 Там же. С. 650.
- 22 Год кризиса. Т. I. С. 118–119.
- 23 Там же. С. 85.
- 24 ДВП СССР. 1939 год. М., 1992. Т. XXII. Кн. 2. С. 505.
- 25 Там же. Кн. 1. С. 26.
- 26 Там же. С. 18–19.
- 27 Там же. С. 34–35.
- 28 Там же. Кн. 2. С. 506.
- 29 Там же. Кн. I. С. 90–91.
- 30 *Соколов В.В.* В преддверии // Свободная мысль. 1999. № 9. С. 83
- 31 Там же. С. 85.
- 32 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. I. С. 352.
- 33 Год кризиса. Т. I. С. 444.
- 34 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. I. С. 357.
- 35 Там же. С. 418.

В. Матерски

(Варшава)

ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1932–1939). УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Во второй половине 20-х годов Польша, на наш взгляд, оказалась на втором плане советской политики на европейской арене. Отношение к ней было производной от берлинской политики Москвы, а затем от парижской и лондонской. С этой точки зрения, как следствие кризиса рапалльской линии и вызванного им изменения политики по отношению к Франции (Лиге наций), следует рассматривать подписание в июле 1932 г. польско-советского договора о ненападении, являющегося исходной точкой настоящих рассуждений. Министр иностранных дел Польской республики Ю. Бек в сфере восточной политики государства мог продлевать действие договора о ненападении, подписывать декларацию об определении агрессора, выступать вместе с наркомом иностранных дел СССР М. Литвиновым против концепции так называемого пакта четырех, но это не меняет того факта, что Польша отошла на задний план советской политики, ей отводилась роль разменной монеты в других двухсторонних и многосторонних отношениях Москвы.

В связи с этим встает вопрос: отдавали ли в Варшаве отчет в ограниченной роли Второй республики в международных отношениях и обуславливала ли эта предпосылка место СССР во внешней политике Польши?

Литература предмета, характеризуя 1932–1933 гг., подчеркивает, что в истории польско-советских отношений это был период наибольшего сближения и сотрудничества. Он считается чуть ли не модельным типом отношений между государствами двух различных общественно-экономических систем¹. Только немногие историки замечают, что это сближение было весьма поверхностное, основывалось на тактике, а не на стратегии, хотя и базировалось на естественном интересе к общественной жизни и культуре соседа.

Для обеих сторон сближение 1932–1933 гг. было удобно. Оно облегчало реализацию их основных политических концепций,

находящихся вне сферы двухсторонних связей. Подписанный в июле 1932 г. договор о ненападении в общем укреплял позицию Польши в европейской политике, если не говорить об отношениях с Румынией, которые подверглись ослаблению. Факт его заключения явился сигналом к возможности дальнейшего укрепления контактов с Москвой, вплоть до эвентуального политического союза с СССР, что представляло собой очень серьезное средство давления – прежде всего на Германию. Это, несомненно, облегчило подписание польско-германской декларации о неприменении насилия и тем самым достижение Варшавой состояния “равного удаления”, считавшегося оптимальным для польской политики безопасности.

В 1933 г. имелись и потенциальные шансы распространения политической разрядки на экономическую сферу. Вместе с так называемым выравниванием взаимных отношений возникли и более благоприятные условия для того, чтобы продолжать польскую политику солидарности с прибалтийским регионом, что до этого встречало острое сопротивление Москвы.

Подписание договора о ненападении с СССР можно, пожалуй, рассматривать как свидетельство понимания польской политической элитой необходимости извлечь выводы из изменения международных условий. Ярко проявившееся в Локарно ослабление польско-французского союза стало еще более заметным. Польша должна была самостоятельно и иначе, чем до сих пор, искать гарантии своей государственной безопасности. Даже если смотреть на польско-советский договор как на проекцию по отношению к СССР политической линии Парижа, следует признать, что он улучшал позицию польской дипломатии в дискуссиях. Это представлялось выгодным с точки зрения угроз, какие могли появиться в ходе работы предстоящей Женевской конференции по разоружению, однако не она стала для польской дипломатии самой важной в первой половине 30-х годов. С точки зрения борьбы за безопасность государства большее значение имели дипломатические баталии вокруг концепции так называемого пакта четырех, а затем так называемого восточного пакта. В этих обоих дипломатических розыгрышах важную роль сыграли позиция СССР, наличие или отсутствие возможности координации действий Варшавы и Москвы.

Именно польская дипломатия решительно выступила против итальянского предложения “концерта держав” – Франции, Великобритании, Италии и Германии, который должен был стать альтернативой международной безопасности в случае неудачи конференции по разоружению. Соглашение о создании такой директории держав в форме так называемого пакта четырех бы-

ло все-таки подписано. Тем не менее ввиду того, что Германия в октябре 1933 г. отказалась от участия в конференции по разоружению и вышла из Лиги наций, оно не было ратифицировано.

Пакт четырех являл собой угрозу также и СССР, был сигналом о возможности возврата к политике его изоляции. В этом смысле он явился сильным стимулятором сближения с Польшей на политической платформе. Тем временем неожиданно для Москвы польская дипломатия удовлетворилась совместной констатацией угрозы², но не была предложена никакая контракция – совместная, либо по согласованию с Малой Антантой, которая этого бы хотела. По-видимому, в МИД Польской Республики сочли, что такого типа демонстрация была бы не столько проявлением политики противодействия пакту четырех, сколько выражением антигерманской политики. Тем временем стояла задача “выравнивания” отношений с западными соседями, которые склонялись к подписанию договора о ненападении с СССР. Вероятно, именно это и предопределило тогда польскую сдержанность.

Параллельно проводилась другая важная европейская дипломатическая кампания, связанная с осуществлением идеи так называемого восточного пакта. Обсуждавшаяся между Парижем и Москвой еще в 1933 г. концепция этого пакта в окончательном виде оформилась в апреле 1934 г. Она предполагала создание в Центрально-Восточной Европе зоны безопасности, главным элементом которой была бы Германия, а рядом с ней – Чехословакия, Польша, Советский Союз и Прибалтийские республики. С этой системой была бы сопряжена Франция, а роль связующего звена исполнял бы советско-французский договор о взаимной помощи. Тем самым полному изменению подверглась бы французская система союзов, в которой СССР стал бы играть главную роль, а Польша только дополнительную, ограниченную исключительно обязательствами, направленными против Германии.

Казалось бы, что концепция восточного пакта была для Польши выгодной. Ведь с формальной точки зрения он давал гарантию, что в случае угрозы независимости Польши ей поспешат на помощь все государства региона – по принципу автоматизма обязательств. На практике, как оценили аналитики польского МИД, пакт ослаблял достигнутую с таким трудом разрядку в отношениях с СССР и Германией. Он создавал бы условия для превращения Польши в предмет международных отношений, для вмешательства сопредельных государств в ее внутренние дела. Особенно опасной была признана ситуация, при которой в случае пограничных беспорядков на востоке либо западе интервенцион-

ные силы Красной Армии либо “несущие помощь” немецкие войска вступили бы на территорию Польши, быть может, уже для постоянного пребывания.

Роль Польши как члена восточного пакта сошла бы на европейской арене на еще более далекий план. На случай конфликта с Германией прежние французские гарантии были бы сменены гарантиями СССР, которые на Вербной улице, где размещалось польское МИД, были оценены как скорее более опасные, чем полезные.

Польская кампания против восточного пакта была, пожалуй, последней дипломатической акцией МИД Польской Республики, имевшей значение в широком международном масштабе.

В контексте идеи восточного пакта появился вопрос вступления СССР в Лигу наций. Это вызвало обеспокоенность польской дипломатии. По оценке польского МИД, Москва, вступив в систему Лиги, потеряла бы интерес к корректным отношениям с Польшей, сочла бы свои прежние двухсторонние обязательства неактуальными. Лишь получив письменное заверение в том, что новый международный статус СССР не повлияет на состояние польско-советских взаимных обязательств, Польша решилась поддержать советскую кандидатуру³.

Несмотря на учреждение в апреле 1934 г. посольств и общее членство во всеобщей системе безопасности (Лига наций), именно с этого года легко заметить регресс во взаимных отношениях. Затухает оживление, столь характерное для периода после подписания договора о ненападении, а в советской печати появляется целая серия публикаций, обвиняющих Польшу в том, что, торпедируя идею восточного пакта, она способствовала ослаблению безопасности на континенте.

Последствием весьма сдержанного отношения Польши к СССР был также подрыв союзнических уз с Францией. В Париже министра Бека обвиняли в том, что, не поддерживая идею создания восточного пакта, он толкает Сталина к союзу с Гитлером.

Смерть маршала Ю. Пилсудского в мае 1935 г. немного изменила в вопросе места СССР в польской внешней политике. С его уходом стала другой вся неформальная система выработки восточной политики Польши, но ее главный девиз – позиция враждебной сдержанности к СССР – остался. Одно из ее ярких проявлений состояло в том, что Польша не поддержала начатой Литвиновым на форуме Лиги наций акции в пользу автоматизма санкций против агрессора.

Период после смерти Пилсудского в польско-советских взаимоотношениях (1935–1938 гг.) прошел под знаком нарастающе-

го недоверия, мелких столкновений и отсутствия какого-либо продолжения линии 1932 г. СССР не существовал во внешней политике Польши даже как жупел, как альтернатива, позволяющая вынуждать достижение текущих политических целей в контактах с другими государствами. Взаимоотношения базировались на договоре о ненападении, продленном в 1934 г. на 10 лет, а также на соглашении об определении агрессора, но из этого мало что следовало. Такое состояние формального минимума и спорадических контактов на уровне посольств продолжалось до 1938 г.

Своеобразная самоизоляция СССР в начавшийся в 1934 г. период внутренних коллизий, в особенности в годы так называемых чисток, привела к тому, что в польской внешней политике карта потенциального улучшения отношений с Москвой перестала разыгрываться. Министр Бек, практически единолично руководивший внешней политикой Польской Республики, пришел к выводу, что колоссальные потери, понесенные советскими военными и политическими кадрами в результате репрессий, на много лет отодвигают опасность удара СССР по Польше⁴. Из этого следовало, что можно счесть восточный фланг временно безопасным и сосредоточиться на работе, позволяющий сделать невозможным нападение со стороны Германии.

По мнению польских историков важной датой во взаимных отношениях двух стран 30-х годов остается осень 1938 г. Они были тогда исключительно плохими, а причина этого – отказ Польши от какого-либо взаимодействия с СССР в период так называемого чехословацкого кризиса⁵.

В Варшаве с большим недоверием отнеслись к советской кампании в защиту Чехословакии. Здесь решительно отказались вступать в какую-либо дискуссию на тему возможного пропуска через польскую территорию Красной Армии. По мнению МИД Польши, все эти инициативы были связаны с положенным в основу европейской политики СССР стремлением вызвать конфликт в центрально-европейском регионе, конфликт, ведущий к взаимному ослаблению государств, которые потенциально могли объединиться на антисоветской платформе⁶.

Мюнхен дезавуировал начатую в 1934 г. советскую политику, рассчитанную на многосторонние действия. Сформирование директории четырех держав означало отстранение СССР от ключевых решений. В подобной изоляции очутилась после Мюнхена и Польша, чего не мог прикрыть мнимый успех занятия территории за р. Ользой. Для Варшавы, с точки зрения имевшей тогда обязательную силу доктрины равновесия, возникла настоящая необходимость улучшения отношений с СССР, повышения

их до уровня, какого требовали усиление Германии и фактический распад польско-французского военного союза.

По инициативе Польши, а в большой мере по личной инициативе посла Польской Республики в Москве В. Гжибовского, была сделана удачная попытка выхода из этого тупика, неблагоприятно сказавшегося и на советской позиции на международной арене. В октябре и ноябре 1938 г. в ходе раунда переговоров между Гжибовским и Литвиновым было выяснено и вновь определено состояние взаимных отношений. В подписанном 26 ноября совместном коммюнике два государства информировали, что их базой остаются во всем объеме ранее подписанные соглашения, создающие стабильную основу их мирного характера, и декларировали волю компромиссного регулирования всяких конфликтных вопросов в будущем.

Выяснение и определение заново взаимных отношений, имевшее место в ноябре 1938 г., не создали в них перелома. Для обеих сторон улучшение контактов имело значение прежде всего как аргумент внешнего назначения, а не как более прочная альтернатива политике неблагоприятного, чтобы не сказать враждебного, недоверия⁷. Тем не менее вскоре по оглашении коммюнике удалось подписать двухсторонний общий торговый договор, завершивший рекордно продолжительные переговоры, проводившиеся с перерывами с 1921 г.⁸

Что же касается улучшения взаимных политических отношений, оно началось и окончилось ноябрьским коммюнике. И все же трудно не признать его значения с формально-правовой точки зрения.

Попытки отстранить СССР от влияния на ход событий в Европе, предпринимавшиеся министром Беком также и после ноябрьского коммюнике, усилия, прежде всего в Великобритании, исключить Москву из намечавшегося антигерманского соглашения, не приносили более значительных результатов. Они только подтвердили мнение, что СССР не уместается как творческая сила в польских концепциях повышения безопасности в центрально-европейском регионе.

Открывшаяся после распада Чехословакии перспектива расширения немецкой агрессии, если мыслить логически, должна была склонять Польшу к поиску платформы сотрудничества с СССР, также находившимся под такой потенциальной угрозой. Однако не следует забывать, что в оценке Бека вступление в союзнические отношения с восточным соседом было бы явной антигерманской демонстрацией, положило бы конец политике равноудаления, которая была признана оптимальной для безопасности Польши. В то же время, если бы Польша оказалась

связанной антигерманским союзом, это было бы равнозначно вышеупомянутому открытию польской территории для Красной Армии. Подобные аргументы говорили впрочем против того, чтобы связываться с Германией; этим и определялась вся безнадежность положения Польши.

Анализируя польскую политику в 1939 г., необходимо принимать во внимание, что министр Бек оказался под влиянием агрессивной антикоммунистической риторики политиков третьего рейха и не допускал и мысли о возможности возникновения советско-германского соглашения, направленного против Польши.

Вопрос обеспечения помощи или по крайней мере нейтралитета СССР на случай агрессии третьего рейха стал в апреле 1939 г. одной из центральных проблем для английской и французской дипломатии. Позиция Польши, а также Румынии, которые приняли английские гарантии, но не желали принять их со стороны СССР, несомненно, серьезно осложняла эту линию европейской политики.

Смену М.М. Литвинова В.М. Молотовым на посту наркома иностранных дел СССР, последовавшую в начале мая 1939 г., министр Бек счел, по крайней мере в первый момент, благоприятной для безопасности восточного фланга на случай польско-германского конфликта⁹. Первые действия нового комиссара – ускоренная ликвидация накопившихся спорных дел, в том числе ратификация торгового договора, явились для польского МИД стимулом к тому, чтобы выступить с инициативой дальнейшего улучшения отношений. Это нашло выражение в приглашении на переговоры заместителя наркома иностранных дел СССР В. Потемкина, возвращавшегося из дипломатической поездки в Турцию, Болгарию и Румынию. Тур его переговоров в столицах балканских государств был признан попыткой координации антигерманской политики этих государств¹⁰, что для министра Бека делало из него исключительно интересного собеседника.

Как переговоры Бека с Потемкиным (10 мая) и с вновь назначенным послом Н. Шароновым, так и первые контакты посла Гжибовского с Молотовым (11 мая) проходили в исключительно хорошей атмосфере. Казалось, они свидетельствовали о том, что между двумя государствами “нет спорных вопросов”, а взаимные контакты наконец достигли фазы “полной ясности”¹¹. И так, в мае 1939 г. лишенные международного контекста польско-советские отношения производили впечатление лучших в масштабе всего межвоенного двадцатилетия. Министр Бек не понимал только того, что Польша является предметом в дипломатической игре, проводимой Москвой, что все дело вращается в сфере види-

мости. Приближался решающий момент жестокой игры, которая ускользала из поля зрения польского МИД.

Почти до самого конца, даже после 23 августа 1939 г. – дня заключения советско-германского договора о ненападении, польская дипломатия не считалась с так называемым вариантом “Г + Р”, т.е. общим ударом обеих соседей¹². Результатом такой логики было направление всех оперативных войск к границе с Германией, с оставлением на востоке одних только мобилизационных центров и сокращенных подразделений Корпуса пограничной охраны. Более того, даже после 1 сентября, в условиях войны, ожидалась скорее советская помощь, и послу Гжибовскому было поручено сориентироваться относительно ее объема¹³. Трудно, однако, упрекать кого-либо в плохом прогнозировании, так как, предполагая вариант “Г + Р”, нельзя было даже и думать о какой-либо реальной обороне, даже если бы западные союзники действительно, а не только вербально приступили к войне.

Несомненно, для того чтобы уловить изменения международной позиции польского государства в межвоенный период, ключевое значение имеет ее анализ в контексте отношений между Москвой и Берлином, равно как и между Москвой и Парижем. В этих двух треугольниках необходимо, особенно когда дело касается 30-х годов, рассматривать уменьшение роли Польши как субъекта международных отношений и безуспешную борьбу польской дипломатии за ее восстановление, и в этом плане определять место СССР в польской политике этого периода. Это место было на протяжении всего периода очень важным, но не в силу позитивных моментов, не из-за того, что это мог быть потенциально ценный партнер, которого стоило привлечь на свою сторону с точки зрения польской политики безопасности, но ввиду негативного аспекта: угрозы со стороны СССР польской независимости. Для того чтобы предохранить страну от этой потенциальной угрозы, польская дипломатия – при всех ошибках, совершенных на многих других направлениях внешней политики – сделала очень много. Можно ли было с формально-правовой точки зрения, в аспекте реализации классического принципа *pacta sunt servanda*, добиться большего, чем подписание договора о ненападении, совместной декларации об определении агрессора, московского протокола и, наконец, подтвердившего все взаимные обязательства о ненападении и территориальный статус-кво коммюнике от 26 ноября 1938 г.? Несомненно, нет.

Обвинения в адрес министра Бека в том, что он не решился на союз с СССР на антигерманской платформе, являются недоразумением. После оглашения стольких секретных документов из постсоветских фондов ныне уже нет, пожалуй, необходимости

никого в этом убеждать. Польской политике равных расстояний, при всей ее теоретичности, бумажном характере, на практике не было альтернативы, тем более, что Польша 30-х годов была уже только предметом, а не субъектом международного розыгрыша. Иначе не осталось бы камня на камне от основного положения польской внешней политики, каким было сохранение независимого государственного существования, а страна разделила бы судьбу Чехословакии или участь, постигшую вскоре Прибалтийские республики.

- ¹ См.: *Матерски В.* К вопросу о периодизации польско-советских отношений в межвоенный период // Вестник Московского университета. 1995. № 4. С. 73.
- ² Наиболее определенно об этой угрозе речь шла в ходе бесед посла Ю. Лукасевича с Литвиновым 23 марта 1933 г. и министра Бека с советским посланником в Варшаве В. Антоновым-Овсеенко четыре дня спустя. См.: Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. XVI. Док. № 906. С. 181–183.
- ³ *Dokumenty i materialy do historii stosunków polsko-radzieckich.* Warszawa, 1967. Т. VI. Dok. № 145. С. 248–249.
- ⁴ По оценке Бека, после больших московских процессов СССР “слишком слаб, чтобы начать военные действия. Ни одно государство не выдержит такого, чтобы раз в несколько лет расстреливать военные и политические кадры”. Цит. по: *Historia dyplomacji polskiej.* Warszawa, 1995. Т. IV. 1918–1939. S. 542.
- ⁵ Посол Ю. Лукасевич вручил 26 мая 1938 г. на Кэ д’Орсе польский Меморандум, содержащий перечень причин, по которым такое сотрудничество невозможно. См.: *Historia dyplomacji polskiej.* Т. IV. S. 559.
- ⁶ *Monachium 1938. Polskie dokumenty dyplomatyczne / Oprac. Z. Landau i J. Tomaszewski.* Warszawa, 1985. Dok. № 83. S. 141.
- ⁷ См. запись беседы посла Гжибовского с заместителем министра Я. Шембеком // *Dokumenty i materialy...* Т. VI. Dok. № 268. S. 424; *Diariusz i Teki Jana Szembeka (1935–1945).* Т. IV: *Diariusz i dokumentacja za rok 1938. Diariusz i dokumentacja za rok 1939 / Oprac. J. Zarański.* L. 1972. S. 379–380.
- ⁸ *Dziennik Urzędowy RP.* 1939. 27.III. № 24. Poz. 153. S. 426–431.
- ⁹ См.: *Beck J.* Ostatni raport. Warszawa, 1987. S. 171.
- ¹⁰ *Gafencu G.* Ostatnie dni Europy. Podróż dyplomatyczna w 1939 roku. Warszawa, 1984. S. 108.
- ¹¹ *Beck J.* Op cit. S. 172.
- ¹² См. репликацию генерала Яна Ляховича // *Liszewski K.* [R. Szawłowski]. *Wojna polsko-sowiecka 1939 r.* L. 1986. S. 245–246.
- ¹³ *Beck J.* Op cit. S. 185.

Л.Н. Нежинский

СССР И ПОЛЬША в 1934–1935 годах: УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ?

Как известно, в отличие от начала и даже середины 20-х годов, к концу 20-х и в начале 30-х годов отношения между СССР и Польшей (по крайней мере по межгосударственной линии) характеризовались значительной степенью нормализации. Об этом свидетельствуют такие акции, как подписание в феврале 1929 г. Советским Союзом с рядом европейских стран, в том числе и с Польшей, Московского протокола о досрочном введении в действие Парижского договора (более известного как “пакт Бриана–Келлога”), участники которого брали на себя обязательства отказываться от войны, как средства разрешения возникающих международных проблем, и добиваться урегулирования таковых только мирными средствами¹; как договор о ненападении между СССР и Польшей, подписанный 25 июля 1932 г., по которому обе стороны обязывались взаимно воздерживаться от всяких агрессивных действий или нападения одна на другую, как отдельно, так и совместно с другими державами². 3 июля 1933 г. СССР и ряд сопредельных стран, в том числе и Польша, подписали в Лондоне конвенцию об определении агрессии. Наряду со всесторонним разъяснением самого понятия “агрессия” одним из центральных пунктов этого документа явилась констатация того, что все государства имеют равные права на независимость, безопасность, защиту их территорий и на свободное развитие своего государственного строя³.

При таких обстоятельствах ответственные представители советского руководства не уставали повторять о том большом значении, которое они придают отношениям Советского Союза с его ближайшими соседями, в особенности с крупнейшим из них – Польшей. Выступая в конце декабря 1933 г. на IV сессии ЦИК СССР, глава советского правительства В. Молотов и наркоминдел СССР М. Литвинов отметили значительный прогресс в советско-польских отношениях⁴. Но дальнейший разворот событий в

этой сфере пошел по другому руслу. И тому было несколько причин.

Главная из них определялась приходом к власти в Германии фашистской партии А. Гитлера, не скрывавшего своих исключительно агрессивных внешнеполитических замыслов и устремлений в отношении соседних стран и народов и вообще европейского миропорядка. Ответом на это явилось обращение в октябре 1933 г. французского министра иностранных дел Ж. Поль-Бонкура к М. Литвинову подумать о возможности заключения соглашения о взаимной помощи в связи с открытым вооружением Германии и подготовкой ее к войне. Москва ответила согласием, результатом чего стало принятое в декабре 1933 г. советским руководством известное решение о развертывании борьбы за создание эффективной системы коллективной безопасности в Европе в целях сохранения мира и предотвращения агрессии⁵. Замысел состоял в подключении к этой системе целого ряда европейских государств, но с обязательным участием Франции и Польши.

Однако гитлеровская дипломатия, осознавая, чем может обернуться для Германии появление такой системы, опередила и Париж и Москву. 26 января 1934 г. в Берлине была подписана германо-польская декларация о ненападении. При всей благостно-лучезарной тональности декларации относительно дальнейших перспектив германо-польских отношений и их места в общей системе межгосударственных связей в Европе объективным наблюдателям того времени было ясно, что подписание этого документа было началом “оттягивания”, если не устранения Польши из предполагаемой системы коллективной безопасности в Европе. Зарубежные дипломаты и аналитики отмечали, что декларация оставляла открытым вопрос, возникший еще со времени Локарнского соглашения, а именно: признает ли Германия неизменность своих границ с Польшей? Обращало на себя внимание и то обстоятельство, что в отличие от двусторонних пактов о ненападении, которые заключил Советский Союз в предшествовавшие годы с рядом стран, в том числе и с Польшей, польско-германская декларация предусматривала сохранение зафиксированных в ней договоренностей и в том случае, если бы одна из договаривающихся сторон вступила в войну с третьим государством. И здесь возникал новый вопрос: не означало ли это фактическое согласие сторон помогать друг другу в случае военных действий какой-либо из них против третьей страны?

Тем не менее официальная реакция и Москвы, и Парижа на подписание германо-польской декларации в общем была пока сдержанной. Более того, новый министр иностранных дел Фран-

ции Луи Барту весной 1934 г. выдвинул идею заключения группой европейских стран так называемого восточного пакта с учетом пожеланий, сформулированных советским руководством в декабре 1933 г. Предлагалось, чтобы эвентуальные участники пакта взяли на себя обязательство взаимно гарантировать нерушимость границ и оказывать помощь тому государству – участнику пакта, которое подвергнется нападению, и не оказывать никакой помощи агрессору. При этом во избежание упреков со стороны Германии в том, что планируемый пакт якобы имеет целью “окружение Германии”, Л. Барту предложил включить и Германию в число участников пакта наряду с присоединением к нему Польши, Чехословакии, Советского Союза, Прибалтийских государств и Финляндии. После нескольких раундов активных дипломатических переговоров и согласований Советский Союз согласился включить Германию в восточный пакт, о чем был поставлен в известность и Берлин. Однако германское правительство, ссылаясь на то, что Германия все еще продолжает оставаться ущемленной в области вооружений, 8 сентября 1934 г. заявило о своем отказе участвовать в восточном пакте. А вскоре, 27 сентября последовал польский меморандум в Париже, в котором говорилось, что Польша может присоединиться к восточному пакту лишь при условии, если к нему присоединится и Германия⁶.

Здесь хотелось бы немного отступить и заметить следующее. Почему Германия отказалась участвовать в восточном пакте – понятно. Участие в пакте никак не вписывалось и не сочеталось с теми агрессивными намерениями и вожделениями, которые в нарастающей степени вынашивал и оформлял в это время гитлеровский рейх в отношении соседних стран и народов. А вот почему Варшава так озаботилась проблемой недопущения “международного окружения” германского соседа, думается, исследователи не проанализировали и не выяснили в полной мере и по сей день. И что послужило главной причиной (или причинами), определившими именно такую позицию польского руководства того времени? Расчет на то, что польская дипломатия сумеет по крупному счету быстрее договориться, притом на выгодных для себя условиях, с Берлином, чем с Парижем, и особенно с Москвой? Колебания в выборе стратегического курса: на кого выгоднее дальше в большей мере ориентироваться – на Германию или на СССР? (А о том, что такие колебания были, свидетельствует следующий факт: в апреле 1934 г. Ю. Пилсудский собрал у себя совещание высших военных и дипломатов и потребовал от них представить в течение месяца в письменном виде ответ на вопрос, “кто является в обозримом будущем потенциально наиболее опасным для Польши – Германия или СССР”⁷.) Или же стремле-

ние любой ценой выиграть время, как об этом говорил в марте 1935 г. польский премьер-министр Л. Козловский в ходе беседы с советским полпредом Я. Давтяном, с тем, чтобы постараться как можно больше укрепить военный потенциал Польши?⁸ Или вместе все сказанное выше?

В порядке гипотезы можно высказать и следующее предположение. Не исключено, что на формирование той или иной позиции польского и советского руководства в международных делах в немалой степени оказывала влияние и та острая идеологическая конфронтация, в состоянии которой пребывали в 20–30-е годы Москва и Варшава. Известно, что ставший у кормила государственной власти Польши в 1926 г. маршал Ю. Пилсудский не скрывал своего отрицательного отношения к “большевистскому режиму” в СССР. Еще более резко отвечала Москва, именовавшая “санационный режим” Пилсудского как “фашистский” и т.п. Но дело было не только в идеолого-пропагандистских баталиях между обеими сторонами (хотя и они, несомненно, оказывали свое воздействие на характер советско-польских отношений). Главное было в практических действиях обеих сторон. И вот здесь выясняется кое-что любопытное.

В 1998 г. в Москве в издательстве “Наука” вышел в свет фундаментальный сборник документов “Коминтерн и идея мировой революции”. Из этой публикации мы узнаем следующее. В первой половине 30-х годов при Исполкоме Коминтерна, который, как известно, был полностью подчинен Москве и являлся прямым проводником международной деятельности ВКП(б), функционировали так называемые военные курсы, имевшие своей задачей обучать представителей зарубежных компартий теории и практике вооруженных восстаний, методам разложения “вооруженных сил буржуазии”, подрывному делу, тактике уличных и партизанских боев и т.п. После учебы, которая продолжалась примерно полгода, выпускники этих курсов переправлялись в определенные страны. Например, в 1931–1932 гг. через такие спецкурсы прошло 194 человека, из них 72 немца, 56 поляков⁹ и т.д. Основная масса выпускников тут же была направлена в свои страны для соответствующей, а если называть вещи своими именами – диверсионной деятельности. Но этим дело не ограничивалось.

27 февраля 1934 г. (т.е. как раз, когда разворачивались сложные перипетии советско-польских отношений по межгосударственной и дипломатической линии) компартия Польши получила директивы Политсекретариата ИККИ о работе в армии, в которых констатировалось неудовлетворительное, по мнению ИККИ, состояние партийной работы в армии. В связи с этим ИККИ при-

зывал польских коммунистов подвести солдат к активным выступлениям солидарности с борющимися рабочими и крестьянами, к массовому отказу от выполнения штрейкбрехерских и карательных функций во время рабочих и крестьянских выступлений, к срыву казарменной дисциплины. В директиве говорилось также о необходимости мобилизации солдатских масс на борьбу против империалистической, и в особенности антисоветской войны, подготовки их к выполнению задач, которые встанут перед ними во время войны: активная оборона Советского Союза, переход на сторону Красной Армии, превращение войны империалистической в войну гражданскую, массовая борьба против войны и ее организаторов. Наконец, особо подчеркивалась важность всемерного продвижения в широкие солдатские массы центрального лозунга коммунистов – установление Советской власти¹⁰. Т.е. по существу ИККИ давал польским коммунистам директиву активно готовить армию на борьбу за свержение существовавшего в Польше государственного строя, что принципиально расходилось с польско-советскими двусторонними соглашениями и договоренностями, достигнутыми по межгосударственной линии.

Есть основания полагать, что Ю. Пилсудскому и его окружению было известно об этих тайных инструкциях Коминтерна, что, естественно, накладывало определенный отпечаток на формирование позиции Варшавы по отношению к Москве. Кроме того, не трудно догадаться, какова могла бы быть, скажем, реакция советского правительства, если бы польское руководство стало на путь аналогичных действий (естественно, со своих позиций) по отношению к Советскому Союзу.

Все это привело к тому, что начиная, примерно, с 1935 г., основной вектор советско-польских отношений стал формироваться в направлении постепенного их охлаждения и ухудшения. Это позволяет, на наш взгляд, говорить об упущенных возможностях и для Польши, и для СССР, особенно, если учесть, как дальше развивались международные события и какую дорогую цену пришлось заплатить в конце 30-х – начале 40-х годов народам Польши и Советского Союза за промахи их правителей в предшествовавшие годы.

Все сказанное, на наш взгляд, позволяет сделать следующие выводы. История советско-польских отношений рассмотренного периода демонстрирует, как важно лидерам той или иной страны, если они не только декларируют, но и действительно заботятся о создании благоприятных внутренних и внешних условий для ее свободного и демократического развития, руководствоваться в политике вообще и во внешней особенно не иллюзорными схемами и концепциями, а сугубо реалистичными методами и подхода-

ми к оценке действительного места и положения своей страны в окружающем мире и ее практическими возможностями. И не менее важно другое: создание основательно налаженной и хорошо поставленной службы прогнозирования и предвидения развития событий в том или ином направлении. Т.е. принимающим внешнеполитические решения деятелям следует с достаточной определенностью знать, какие последствия выполнения данного решения могут быть не только сегодня, но и завтра, послезавтра и т.д.

¹ Документы внешней политики СССР. М., 1967. Т. XII. С. 9–30, 40–43.

² Там же. М., 1969. Т. XV. С. 436–439.

³ Там же. М., 1970. Т. XVI. С. 388–392.

⁴ Там же. С. 779, 789.

⁵ История внешней политики СССР. М., 1986. Т. 1. 1917–1945 гг. С. 297–298.

⁶ См.: История дипломатии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1965. Т. III. С. 601–603.

⁷ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1969. Т. VI. 1933–1938 гг. С. 123–124.

⁸ Там же. С. 259–260.

⁹ Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998. С. 787.

¹⁰ Там же. С. 809–812.

М. Лечик

(Варшава)

ВО ФРАНЦУЗСКО-ПОЛЬСКО-РОССИЙСКОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ.

1922–1934

Важным компонентом стабилизации ситуации в Восточной Европе в двадцатилетний период между первой и второй мировыми войнами было состояние отношений на линии Париж – Варшава – Москва. В течение двенадцати лет (1922–1934) в этих трех столицах делались попытки обеспечить внешнюю безопасность своих стран на почве преодоления охватившей всю Европу немецкой дилеммы.

“Теснота” европейского континента была причиной того, что интересы Франции были переплетены с интересами России (а позже СССР) как в экономическом, так и военно-политическом плане. Например, до первой мировой войны степень участия французского капитала в экономике России была выше, чем иностранного капитала других стран, а частная задолженность России по отношению к Франции составляла 11 млрд фр. золотом – это была стоимость российских ценных бумаг, приобретенных полутора миллионами французов.

Экономическое участие Франции в экономической жизни России обернулось после первой мировой войны драматическим финансовым клубком. Неплатежеспособность России легла тяжелым бременем на сотни тысяч (1,5 млн) французских акционеров, все личные сбережения которых были вложены в российскую экономику. Забота о возврате российской задолженности, как государству, так и частным лицам, была в течение многих лет одной из основных целей французской политики в отношениях с Россией.

Французское общественное мнение указывало на два фактора, которые вынуждали Францию признать Россию и установить с ней нормальные отношения на государственном уровне: во-первых, огромный потенциал этой страны, в которой проживало 160 млн человек, во-вторых, существующие уже в Москве представительства Англии, Италии и Германии. Польша также урегу-

лировала свои отношения с Россией, хотя развивающееся сближение Берлина и Москвы вызывало беспокойство. “Если позволим, – писала “Le Matin”, – опередить нас в эксплуатации огромных богатств этой страны”, то “потеряем также возможность вернуть миллиарды, вложенные в Россию”.

С политической точки зрения нормализация отношений с Россией также была признана срочной необходимостью. Подобный подход к Франции начинал преобладать и в Москве. Как для французской, так и для российской дипломатии немецкая проблема в середине 20-х годов приобретала первоочередное значение. Для Парижа это означало необходимость получения гарантий реализации Версальского договора, а в более широком смысле – обеспечение себе безопасности перед лицом возрождающегося немецкого милитаризма и получение максимума военных репараций. Для Москвы немецкая проблема означала установление непосредственного контакта с Германией, которая, как и Россия, была исключена из группы великих держав, а также предотвращение втягивания Германии в антисоветский блок¹. Этим стремлениям Москвы благоприятствовала позиция министра иностранных дел Германии Густава Штресеманна, выраженная формулой: сохранить хорошие отношения с Москвой, выигрывая поддержку Англии, и заслониться от французской экспансии на Рейн. Москва, стараясь учитывать эту формулу, играла на два фронта. Своеобразную политику “кнута и пряника” пытались применять как к Германии, так и к Франции. “Кнутом” для Германии было сближение с Францией и Польшей, а для Франции и Польши – дальнейшее укрепление рапальской политики; “пряником” для Германии была перспектива совместных действий в пользу изменения территориального статус-кво в Восточной Европе, а для Франции и Польши – принятие версальского статус-кво в территориальном вопросе².

Франция довольно рано думала о создании моста между Россией и Францией с целью восстановить прежние отношения, а затем и прежний союз. Однако за союз необходимо было платить. Если не дать России денег (кредитов), то он не будет иметь никакого значения, писала “Le Matin”. Но ведь Россия все еще оставалась должником Франции, и перспектива взыскания прежних задолженностей была неясной.

Французскую склонность к договоренности с Россией по этим вопросам выражала, в первую очередь радикальная и левая пресса. Редакционная статья “La Victoire” от 2 февраля 1922 г. начиналась словами: “Мы желаем России, чтобы она никогда больше не была изолированной”. С кем, однако, эта “*rauvre Russie*” может заключить союз, спрашивала газета. Указывая на Францию, газе-

та констатировала, что натура хотя и разместила Францию и Россию на двух концах Европы, тем не менее француско-российский союз является натуральной вещью. Подчеркивая появившиеся симптомы сближения, газета замечает: “Мы удивлены, что наступает оно (сближение) столь поздно”. Однако, с другой стороны, подчеркивалось, что союз станет возможным только тогда, когда ситуация в России стабилизируется³.

Иную точку зрения представляла правая пресса. По ее мнению, посылка торговой делегации в Россию не имеет смысла, ибо и французскому правительству, и правительствам других стран известно, что российские экономические возможности равны нулю⁴.

Эволюция взглядов официальной Франции на послереволюционную Россию, как и на отношение к ней, проходила медленно, осторожно, с трудом. Гораздо быстрее проходила она в Англии и в Италии, что явно вызывало недовольство Москвы.

Во Франции отдавали отчет в важной роли Польши в процессе прокладывания пути в Россию. Польша, по убеждению хорошо ориентировавшихся французских экономистов, располагала многими преимуществами, которые могли облегчить Франции реализацию этих замыслов. “Она может подготовить почву для активности (экономической. – М.Л.) Франции в России”, может быть “отправной точкой” для проникновения на рынок этой страны французских предпринимателей. Понимание Польшей российских экономических проблем имеет решающее значение, ибо эта страна является естественной транзитной территорией между западом и востоком Европы, писала одна из французских газет⁵.

Имелись и другие обстоятельства, содействовавшие тому, что Франция видела Польшу как одну из сторон треугольника, который она пыталась создать в Восточной Европе. Среди этих обстоятельств два были самыми существенными. Во-первых, Польша была главным и непосредственным соседом России с запада. Именно поэтому правительство в Москве было особенно чувствительно к ситуации в Польше, к ее международной ориентации, принимая в первую очередь во внимание опыт 1919–1920 гг. Наследие этого периода должно было быть, согласно французскому общественному мнению, преодолено, реальной предпосылкой для чего была всеобщая опасность со стороны Германии. Во-вторых, Польша являлась союзницей Франции, что должно было побуждать Москву к сближению с этими двумя государствами и к устранению опасности повторения ситуации 1919–1920 гг.⁶

Первый зондаж, проведенный непосредственно в России, произошел при правительстве Раймона Пуанкаре (1922–1924),

который одновременно был и министром иностранных дел. Это был визит в Москву и некоторые другие города России выдающегося французского политика, лидера французской партии радикалов, депутата парламента и мэра Лиона Эдуара Эррио. Визит начался в сентябре 1922 г. и продолжался три недели. Он проходил по приглашению российского правительства. Приглашен был также и Эдуард Даладьё, но он не принял участия в поездке. По мнению французов, такого рода поездка выдающегося политика в большевистскую Россию была чрезвычайно смелым шагом (“une audace politique”). Во французском политическом мире это нарушение “санитарного кордона” считалось в то время политическим скандалом⁷, который отзывался громким эхом.

Сам Эррио подчеркивал, что его визит носит частный характер, цель которого – ознакомление с новой Россией. Он посетил Москву, Ленинград, Нижний Новгород и Харьков. Эррио встречался и беседовал с важными лицами: Алексеем Рыковым, Феликсом Дзержинским, Львом Каменевым, Львом Троцким, Леонидом Красиным, Анатолием Луначарским. Он ознакомился с состоянием российской экономики, с возрастающими финансовыми трудностями и с концепцией выхода России из кризиса при помощи новой экономической политики, ибо как раз нэп достиг в то время своих вершин. Эррио были представлены потребности российского рынка и обрисованы пути улучшения экономических взаимоотношений.

В общем и целом визит Эррио имел две цели: во-первых, устранить недоверие между французскими радикалами и российскими коммунистами и улучшить общую атмосферу на линии Париж–Москва, что должно было, во-вторых, проложить путь для установления формальных и официальных отношений между двумя странами. Часть наиболее прогрессивного французского общества (особенно левые) считала, что договоренность между французским и российским правительствами необходима не только для реализации экономических задач, но и для более широких и перспективных – для “реорганизации Европы”⁸. Можно предположить, что эта реорганизация должна была означать “поправку” версальской системы при помощи ее восполнения и одновременно исключения из нее имеющихся слабых пунктов на пути получения дополнительных внешних гарантий. С этой явно ощутимой неудовлетворенностью в области внешней безопасности Франция пыталась справиться при помощи зондажа возможностей реконструкции – *mutatis mutandis* – старого довоенного соотношения сил, когда ее гарантом безопасности с востока являлась Антанта с царской Россией. Считалось, что союз с начи-

нающей возрождаться Польшей является только суррогатом довоенного состояния в этом регионе Европы⁹.

Следует заметить, что переломным моментом в отношении Франции к России была осень 1922 г. Весной же этого года, на апрельской экономической конференции в Генуе, Франция была в числе государств, которые категорически отклоняли экономические предложения России, в то время как Англия проявляла большую уступчивость в этом вопросе. Такое состояние вещей вскоре изменилось противоположным образом. Причины такого поворота следует усматривать в желании Франции присоединиться к соглашениям России с другими государствами, в частности с Турцией. Французское правительство вышло из войны против Турции, а в октябре 1921 г. признало правительство Кемаль-Паши. К концу этого же года обозначилось сближение в треугольнике Москва–Анкара–Париж.

Российское правительство побуждало активность Франции в этом направлении при помощи попыток подорвать ее доверие к Англии, играло на англофобии, появившейся во французском обществе, разочарованном в позиции Лондона, который защищал Германию от французского “хотения”¹⁰.

В середине июня 1924 г. французское правительство возглавил (будучи одновременно министром иностранных дел) Эдуард Эррио. Этот французский политик, хорошо знающий Европу в результате многочисленных довоенных поездок (например, в Галицию в 1912 г.) и исследований – человек с широким политическим кругозором, имел большой государственный и муниципальный опыт¹¹. Он был сторонником как признания России (СССР), так и сотрудничества с этим государством. В своих публичных высказываниях Эррио подчеркивал, что Францию и Россию объединяет много общего в вопросе видения ситуации в Европе. К сближению обеих стран относился как к укреплению безопасности Франции перед Германией, в которой, по его мнению, изменилась не только форма правления, но и демократия носила весьма поверхностный характер¹². Во франко-русских отношениях огромное значение придавал экономическим вопросам, принимая за чистую монету заверения российского правительства о готовности погасить довоенные задолженности при условии предоставления России нового займа¹³.

После того как Эррио стал во главе правительства, признание СССР было уже только вопросом недель, что и произошло 28 октября 1924 г. В этом вопросе Францию опередили Италия и Англия, признавшие СССР в начале того же года. Для французского общественного мнения такой шаг правительства Эррио не был неожиданностью. Еще перед поездкой в Россию в 1922 г. он

выступал против политики “санитарного кордона”, после же возвращения приобретал для этой идеи все новых сторонников, особенно среди политиков левых группировок. Но не только левое крыло выражало свою поддержку. Среди правых наблюдалась эволюция в подходе к этому вопросу со стороны некоторых политиков, которых аргументы Эррио убеждали в том, что экономические интересы Франции требуют ее присутствия в России. Эту идею поддерживали политики и публицисты иногда весьма разных политических ориентаций, такие, как П. Панлеве, Ж. Поль-Бонкур, Ж. Бартеlemi, и другие, считавшие ее благоразумным актом¹⁴.

Следует однако подчеркнуть, что французское правительство, признавая СССР, оставляло за собой право для своих граждан на возврат кредитов, вложенных в Россию в виде ценных бумаг. Французская нота ссылалась на принципы соблюдения международного права. “Эти оговорки относятся к обязательствам, которые Россия приняла на себя... по отношению к французскому государству и его подданным”. Французское правительство выражало надежду, что его “доверие” найдет справедливое удовлетворение и практическое решение¹⁵.

Событием, имевшим значительные последствия в треугольнике Франция–Польша–СССР, стала конференция в Локарно в октябре 1925 г. Принятые на ней решения не предвещали ничего хорошего будущему Восточной Европы, хотя подписанные на ней договоры должны были, согласно намерениям их составителей, создать условия безопасности для всей Европы. Конференция в Локарно многое изменила в треугольнике Франция–Польша–СССР. Произошло неожиданное сближение позиций Польши и России, а отношения этих двух стран с Парижем ухудшились.

Общественное мнение в СССР и Польше подобным образом оценивало новую ситуацию. Критика же Локарно в этих странах исходила с разных позиций. Еще перед конференцией в Локарно с заявлениями выступила советская пресса. Газета “Известия” утверждала, что правительство СССР не замечает в локарновских договорах никакого инструмента, гарантирующего мир в Европе. Критика была направлена на исключение Германии (являющейся до сих пор союзником Москвы) из нового соотношения сил, которое Локарно создавало в Европе. Достигнуть этой цели было чрезвычайно трудно, поскольку Германию и Россию объединял договор в Рапалло.

Российская дипломатия пыталась выполнить небывало сложное задание: нейтрализовать невыгодные для Восточной Европы последствия соглашений в Локарно. Этому должно было способствовать сохранение хороших (связанных с Рапалло) отношений

с Германией и улучшение контактов с Польшей. Такова была цель сентябрьского визита Чичерина в Варшаву и Берлин.

Два месяца спустя Г. Чичерин прибыл с визитом в Париж. Это произошло уже после подписания Рейнского пакта. Оба визита – в Варшаву и в Париж газета “Echo de Paris” объединяла в единое целое, ибо и в Варшаве, и в Париже Чичерин подчеркивал, что Локарновские соглашения, по мнению его правительства, являются фундаментом новой коалиции, создаваемой Англией против СССР, и что эта коалиция может быть направлена против Польши – союзницы Франции и Советского Союза, который заинтересован в хороших отношениях с Францией¹⁶.

Визит же Чичерина в Берлин своеобразно представила “Le Temps”. Чичерин должен был предупредить Берлин, что если СССР потеряет имевшуюся до сих пор поддержку в Германии (вследствие Локарно), то российское правительство без труда найдет иные пункты поддержки. Польско-российское сближение станет в этом случае угрозой для всей немецкой политики, а надежды Германии на пересмотр границ с Польшей будут похоронены¹⁷. Здесь весьма четко вырисовывается факт, что польский вопрос стал элементом шантажа. Упомянутый Чичериным “иной пункт поддержки” мог быть понят шире, чем сближение на линии Варшава–Москва. По всей вероятности, принималось во внимание трехстороннее сближение: СССР–Польша–Франция, о котором в Москве уже думали предварительно. К сожалению, мы не располагаем документами, однозначно свидетельствующими о замысле создания такого треугольника. Имеется, однако, упоминание о такой концепции в беседе Чичерина с министром Александром Скшиньским в Варшаве в сентябре 1925 г. Автором этой идеи был, по всей вероятности, французский посол в Москве Ж. Эрбетт¹⁸. Здесь можно также сослаться на рапорт в центральное управление в Берлин немецкого посла в Москве Ульриха Брокдорф-Ранцау, в котором он с тревогой сообщал о вырисовывающейся опасности прогрессирующего российско-французского сближения, “на котором Польша может сколотить капитал”¹⁹.

Упомянутый вскользь Чичериным вопрос француско-польско-российского треугольника обеспокоил Скшиньского, хотя дальнейшего развития этот вопрос не получил.

Для Кремля Локарновские соглашения нарушали на самом деле российско-немецкий договор в Рапалло. Российская политика пыталась найти новое противодействие последствиям соглашений в Локарно и искала его среди своих западных соседей, для которых указанные соглашения являлись возможной угрозой²⁰.

На линии Париж–Москва велись переговоры в юридическо-дипломатическом ключе, который определил бы форму сближе-

ния и сотрудничества. Это должен был быть пакт о ненападении. Переговоры со стороны СССР проводил посол Христиан Раковский. Возникло, однако, препятствие, в результате которого переговоры на некоторое время были приостановлены. В августе 1927 г. Раковский, будучи членом Центрального Комитета партии большевиков, подписал манифест (по сути обращение Коминтерна к международному пролетариату) подрывного характера, в котором пропагандировалось пораженчество в международном масштабе. Французское правительство сочло, что этот шаг направлен против целостности Республики, на снижение боевого духа французской армии. От Москвы потребовали отстранения Раковского. Дипломатические отношения не были разорваны, однако на Кэ д'Орсе было принято решение внимательно следить за лояльностью российского правительства, чтобы иметь уверенность в его невмешательстве во внутренние дела Франции. Переговоры о пакте о ненападении и российской задолженности продолжались.

Не входя в подробности, напомним только, что в марте 1927 г. произошло подписание предварительного соглашения о выплате Советским Союзом задолженности Франции. Объем статьи не позволяет мне подробнее остановиться на реализации этого соглашения, скажу только, что Литвинов обусловил выполнение погашения задолженности хорошими экономическими отношениями между Парижем и Москвой, а эти отношения в 1928–1931 гг., т.е. в период всемирного экономического кризиса, складывались не лучшим образом.

В начале 30-х годов происходит переоценка в постлокарновской политике Франции. В основе этого лежало несколько причин: все более ощущаемый французской экономикой всемирный экономический кризис, усиливающийся рост реваншизма Германии и ослабление международной позиции Франции. Не дала положительных результатов политика Бриана (локарновская), направленная на сближение с Германией. Наоборот, она привела к завершению французской оккупации на Рейне за пять лет до срока с ущербом для Франции. В начале 30-х годов окончательно исчезла возможность получить немецкие репарации, приближался момент возвращения Саарского угольного бассейна Германии. Французской дипломатии не удалось заключить с Англией и Соединенными Штатами договоры, гарантирующие ее международную безопасность. Ухудшались отношения с Италией, которая начала соперничать с Францией на Балканах и в районе Средиземного моря. Вышеуказанные обстоятельства могли угрожать Франции изоляцией в Европе. Одной из попыток улучшить такое положение вещей должно было быть сближение с СССР. В этом

определенную роль сыграло французское общественное мнение. Под его нажимом весной 1931 г. 120 депутатов и сенаторов выступили против премьера Пьера Лавала; они выдвинули требование ликвидировать барьеры в торговле с СССР, приводившие к значительным потерям в торговом балансе государства²¹. В результате был заключен новый торговый договор с СССР, а вслед за тем 24 апреля советскому послу в Париже Валерияну Довгалевскому представили предложение о заключении пакта о ненападении.

Начались переговоры, которые оказали влияние на длившиеся с 1927 г. подобные переговоры на линии Варшава–Москва. Французско-советские переговоры даже опередили на данном этапе польско-советские, и 10 августа 1931 г. пакт о ненападении между Францией и СССР был парафирован. Это стимулировало польскую дипломатию, и после трудных, а порой и драматических переговоров 25 января 1932 г. был парафирован договор между Польшей и СССР. Путь к его подписанию был трудным и ухабистым. Его начало следует усматривать в Локарно, и, не опасаясь большого упрощения, можно сказать, что Локарно было отдаленным виновником этого договора.

Важным фактором, стабилизирующим ситуацию в Восточной Европе, могли стать нормальные отношения между Польшей и СССР, на которые дополнительно накладывались отношения обоих этих государств с Францией, заинтересованной в создании политической базы в этом регионе. Локарно ощутимо положило начало фактическому ослаблению польско-французского союза и одновременно послужило толчком для роста скрытых немецких, явно реваншистских дипломатических и пропагандистских действий, направленных против Польши. Необходимость противодействия последствиям Локарно требовала урегулирования отношения с восточным соседом. Считалось, что нормализация ситуации на Востоке повысит престиж Польши, выдвинет ее в число первых государств в этом регионе Европы. Огромные различия и взаимное недоверие между двумя странами не облегчали решение поставленной задачи.

Также на линии Москва–Париж в период после Локарно произошло постепенное изменение обстановки и освобождение от пацифистского локарновского угара. Тенденция к сближению с СССР, пропагандируемая в середине 20-х годов Эррио после его визита в Россию, приобретает конкретный характер по мере того, как начинает терпеть крах бриановская политика сотрудничества с Германией, как ослабляется позиция Франции, как не оправдываются надежды на двухстороннее гарантийное соглашение с Соединенными Штатами.

Думается, что будет обоснованным тезис, что ухудшение вследствие Локарно внешнего положения Польши и ее безопасности, как и отрицательные последствия Локарно для самой Франции (хотя ожидалось обратное), лежат в основе двух пактов о ненападении: между Польшей и СССР, а также между Францией и СССР. Взаимозависимость обоих пактов становилась объективно ясной, что было замечено неофициальным органом польского министерства иностранных дел – “Политическим обозрением” (“Przegląd Polityczny”). В нем констатировалось, что путь к договору между Францией и СССР лежит через Польшу²².

Приближался также подходящий момент для подписания этих договоров, обусловленный ходом событий. В польском министерстве иностранных дел было обращено внимание на то, что положение, в котором оказались СССР и Польша, создает, как никогда раньше, условия для соглашения путем подписания гарантийного договора (пакта о ненападении). Сложившаяся ситуация угрожает конфликтом на Дальнем Востоке (японско-китайский и японская оккупация Маньчжурии), который представлял опасность для российской Сибири. Польша же с тревогой следила за ростом антипольской пропаганды в Германии, что заставило ее обратить особое внимание на безопасность тылов вдоль восточной границы²³.

На развитие польско-российских переговоров на тему пакта о ненападении оказывало влияние отношение к ним Франции, как и сами француско-российские переговоры о подобном договоре, проводимые в это же время. Франция подчеркивала и озвучивала тесную, по ее мнению, связь между переговорами, которые проводились на линии Варшава–Москва и Париж–Москва. Французская дипломатия стремилась создать впечатление, что вопрос касается договора о союзе трех стран, направленного против Германии. Польская дипломатия такой союз отрицала²⁴.

Выражалось мнение, что переговоры с Москвой следует ускорить и опередить Францию в подписании договора с СССР. Твердо подчеркивалось, что переговоры Польши с Россией не являются какой-либо “прицепкой” к француско-советскому договору²⁵. Совершенно иначе подходила к этому вопросу оппозиционная пресса, где преобладал профранцузский подход. Здесь следует указать на национально-демократическую “Варшавскую газету”, а также на “Полонию” – газету христианской демократии. Они пробовали доказать, что переговоры о польско-российском договоре тесно связаны с аналогичными француско-российскими. Подчеркивалась ведущая роль француской политики в регулировании отношений между СССР и его западными соседями²⁶. Открыто констатировалось, что “пакт о ненападении яв-

ляется французской инициативой. Франция предложила его нам и другим странам на востоке”²⁷.

Оба пакта были заключены в короткий промежуток времени – “польский” был подписан 25 июля 1932 г., а “французский” – 29 ноября того же года.

О заключении пакта с Польшей в Москве писали в общем доброжелательно, хотя со страниц некоторых газет не исчезли старые высказывания о Польше как о плацдарме для нападения на СССР²⁸. Советская пресса тщательно скрывала от Германии свое удовлетворение в связи с подписанием договора. Четкая позиция по этому вопросу была выражена в интервью Сталина, которое он дал еще в июне 1932 г. немецкому писателю Эмилю Людвигу. В интервью констатировалось, что советская сторона заботится о том, чтобы пакт не входил в противоречие с обязующими соглашениями между СССР и Германией и что его нельзя считать акцептом со стороны СССР ни условий Версальского договора, ни гарантом польских границ²⁹.

Характерной была точка зрения французской прессы. Общая оценка польско-советского договора была положительной, но в то же время французские газеты стремились ослабить сильное впечатление, создавшееся в международном мнении после подписания договора. Самостоятельность польской политики принималась холодно. Согласно “Le Temps” польза, вытекающая из договора, носила односторонний характер. Договор не обеспечит безопасность западных границ Польши, ни в чем также не помешает немецко-советскому союзу, давая, однако, Польше определенные гарантии на востоке, и самое большее, в какой-то степени может уменьшить опасность с запада (со стороны Германии)³⁰.

Очередным важным моментом во французо-российско-польских отношениях был уже упомянутый выше пакт о ненападении, заключенный в ноябре 1932 г. между Францией и СССР. Идея французо-российского сближения не была во Франции чем-то новым. Союз с Россией был эффективен в период первой мировой войны. Слабеющая позиция Франции в Европе выявила необходимость возобновления отношений с прежним союзником. Это, несомненно, означало одобрение политической системы СССР. Возобновление отношений было продиктовано потребностью улучшить международную позицию Франции за счет обретения опорного пункта на востоке Европы.

Тенденции к сближению с СССР возрастали по мере того, как терпела поражение, о чем уже говорилось, бриановская политика сотрудничества с Германией, по мере роста осложнения международной ситуации и ухудшения положения Франции. Возмож-

ный договор с СССР должен был стать основой будущего трехстороннего французско-польско-советского соглашения³¹.

Проект французско-советского договора 23 августа 1931 г. предварительно был парафирован. Польская пресса не уделяла слишком много внимания переговорам Парижа с Москвой. По-видимому, в соответствии с вышеупомянутыми фактами пресса не хотела внушать польскому читателю, что существует какая-либо зависимость между польско-советскими и французско-советскими переговорами. Наоборот, польская пресса подчеркивала, что удельный вес польско-советских переговоров настолько велик, что от их результатов зависит завершение французско-польских переговоров.

Тем временем основной преградой, замедляющей завершение переговоров на линии Париж–Москва, были активность многочисленных центров российской белой эмиграции во Франции и российская задолженность. Получение российской стороной удовлетворяющих ее заверений и гарантий по этим двум вопросам во второй половине 20-х годов открыли путь к подписанию договора 29 ноября 1932 г.

Ходом переговоров о подписании договора весьма активно интересовались французская печать и значительная часть французского общества. От того, как сложатся двухсторонние отношения между этими странами, зависела реализация договора о погашении Советским Союзом государственной задолженности и выплаты за приобретенные в довоенный период по российским ценным бумагам и другим финансовым документам. Из сообщений прессы, поступавших в Польшу, вытекало, что французское общественное мнение относилось неоднозначно к вопросу о заключении договора с СССР. В противовес левым французские правые не проявляли энтузиазма в связи с договором. Правые (“L’Echo de Paris”, “Figaro”, “Journal des Debats”) выражали мнение, что подобный договор Франции не нужен, что это “абсурдная пактомания”, что интересы СССР противоречат французским государственным интересам.

Последовательным сторонником и защитником пакта был Эдуар Эррио, который, отметим, во время подписания договора уже являлся одновременно премьер-министром и министром иностранных дел. По его мнению, истинно республиканская и пацифистская внешняя политика Франции не должна заниматься политическим строем тех стран, с которыми Франция хочет поддерживать отношения во имя мирного сосуществования. Такая концепция, с его точки зрения, является основой французско-советских отношений.

В итоге большая часть французской общественности приняла подписание с СССР пакта о ненападении с одобрением, хотя в

некоторых публикациях, посвященных этому событию, обращалось внимание на определенные, не до конца ясные вопросы. Беспокойство проявлял прежде всего французский генеральный штаб. Оно вытекало из вопроса, каково взаимное соотношение секретной части российско-немецкого соглашения в Рапалло о совместных действиях обоих государств³², а также статья 3 франко-советского пакта о ненападении, предусматривающая, что данный пакт не может ограничить либо изменить наложенные на каждую сторону обязательства на основании ранее подписанных договоров.

Французский генеральный штаб настаивал на том, чтобы СССР представил публичное заявление, что это государство не связано никакими обязательствами по отношению к Германии. Генерал Максим Вейган даже намекал, что следует вызвать идеологический конфликт между Гитлером и Сталиным, чтобы уничтожить призрак Рапалло, т.е. немецко-российский союз за спиной Франции³³.

После подписания с СССР пакта о ненападении правительство “национального блока”, которое пришло к власти во Франции в последний день января 1933 г., решило продолжать курс на сближение с СССР. По мнению выдающейся французской журналистки Женевиэны Табуи, такая необходимость была вызвана “слаженностью карт”, бывших до сих пор в употреблении. Американская карта в тогдашней ситуации не была актуальна. Президент Франклин Рузвельт был целиком поглощен выведением страны из экономического кризиса и реализацией программы “нового курса”. Английская карта служила всегда и прежде всего самой Англии, итальянскую карту против Франции начинал выигрывать Бенито Муссолини, польская карта в условиях реализуемого Пилсудским и Беком курса была ненадежной³⁴.

Существовала еще российская карта, которую видели такие военные, как Жан Латр де Тассиньи и Максим Вейган, и такие политики, как Жюль Камбон, которые, по мнению Табуи, должны были повторять Эдуару Эррио и Пьеру Коту, отправлявшимся в 1933 г. в Москву: для того чтобы противостоять Германии, Франция должна опереться на Россию³⁵. Сама же Табуи писала: “Дипломатия – это прежде всего вопрос географии. Здесь действуют известные законы. Если Франция хочет сражаться с сильной Германией, то союз с Востоком неизбежен”³⁶.

В августе 1933 г. Эррио вторично нанес визит в СССР. Это был период первого правления Эдуарда Даладьё. Несмотря на то что делегация не носила официального характера, секретные переговоры на высшем уровне были предусмотрены. Эррио вез с собой подготовленный министром иностранных дел Франции

Подем Бонкуром весьма важный рукописный документ, дающий ему возможность неформально, тайно и в определенных рамках обсуждать вопросы первостепенного значения с представителями советского правительства³⁷. Что это был за документ, известно из признания, которое Эррио сделал сопровождавшей его Женевиене Табуи: “Эта бумага является проектом военного союза”³⁸. Советская сторона не ограничилась, однако, идеей двухстороннего союза. Эррио вспоминает, что Литвинов не скрывал своих усилий, чтобы сблизить Францию, Польшу и Россию³⁹.

В Москве Эррио ждал горячий прием. Во время представления в одном из театров была организована манифестация в честь французской делегации. Вслед за делегацией Эррио в Москву прибыл, уже с чисто формальным визитом, французский министр авиации Пьер Кот, который вел переговоры с М. Литвиновым и М. Тухачевским. По свидетельству Табуи, Тухачевский предложил проект военного пакта, “который носил более весомый характер, чем тот, который был заключен Францией с царской Россией”⁴⁰.

Французские визиты в СССР подтверждают, что именно там искали военно-политического союза, который держал бы Гитлера в повиновении⁴¹. Французская дипломатия понимала, что отсутствие дипломатических отношений с СССР может означать сближение Сталина с Гитлером. Считалось также, что наряду с непосредственным союзом с СССР эффективным методом поместить СССР по другую сторону барьера будет привлечение Советского Союза в Лигу наций. Эти вопросы обсуждались в ускоренном темпе Бонкуром с Довгалеvским в сентябре и с Литвиновым в октябре 1933 г. Французы, опасаясь тайных обязательств России по отношению к Германии, упорно требовали подтвердить соответствие существующих обязательств тем, которые примет на себя СССР с момента вступления в Лигу наций.

После того как министром иностранных дел стал Луи Барту, концепция более тесного союза обеих стран стала развиваться в сторону военного пакта. Возникает аналогия с ситуацией, имевшей место за шесть лет до этого, когда Аристид Бриан выдвинул предложение создать с Соединенными Штатами билатеральный гарантийный пакт, преобразованный затем американским государственным секретарем Фрэнком Келлогом во всеобщий пакт, исключаящий войну как инструмент решения международных конфликтов. Теперь это делала Франция по отношению к СССР. Согласно разрабатываемой на Кэ д’Орсе концепции, будущий пакт должен был носить всеобщий открытый (в том числе и для Германии) характер и быть связан с Лигой наций (т.е. имелось в виду вступление СССР в эту организацию). Москве предлагалось

выразить согласие на союз Франции с ее союзниками, пакт предусматривалось создать в определенной степени по принципу Локарно (Франция предоставит России гарантию по отношению к Германии, а Германия по отношению к России). Такой характер пакта означал бы включение СССР в европейскую политическую систему⁴².

Февральские события во Франции в 1934 г. (попытка фашистского переворота) приостановили переговоры на линии Москва–Париж. Их новый этап связан с занятием поста министра иностранных дел Луи Барту, который выражал антинемецкие настроения и продолжал политику Раймона Пуанкаре. Решимость Барту в вопросах создания восточного пакта и образования при его помощи гарантийной системы в Восточной Европе была непоколебимой. Образование восточного Локарно – так стали называть восточный пакт – с участием СССР было целью его политики в середине 30-х годов, сначала даже без Польши и Германии из-за отказа этих стран присоединиться к нему. Однако Москва верила, что Варшава не воспротивится, поскольку это означало бы, по ее мнению, переход Польши на сторону Германии, чего Польша не осмелится сделать, так как действовала бы против самой себя. В своих публичных выступлениях Барту утверждал, что необходимо переубедить в первую очередь Румынию и Чехословакию, чтобы они смотрели на Россию как на опору против Германии, и Польша пойдет за ними вслед⁴³.

Эти далеко идущие планы Барту прервала его трагическая смерть в октябре 1934 г. Своеобразным политическим завещанием Барту был двухсторонний пакт о взаимопомощи между Францией и СССР, подписанный 2 мая 1935 г.

¹ *Schramm S.* Christian Rakovskij et la premier rapprochement franco-sovietique. Cahier du Monde Russe et Sovietique. Vol. 1–2. Janvier–mars. P., 1960. P. 206.

² *Ibid.* P. 227.

³ *La Victoire.* 1922. 2.XI.

⁴ *Journal des Debats.* 1922. 19.VIII. На конференциях в Генуе и Гааге в 1922 г. российская делегация уклонилась от погашения долгов предшествующих российских правительств. В качестве условия их частного погашения (довоенных долгов) она выдвинула получение новых кредитов от западных государств.

⁵ “Le Longue experience acquise par La Pologne en Russie et son chiffre d'affaires sont les meilleurs garanties qu'une collaboration franco-polonaise peut être efficace, car celle-ci trouverait son expression dans le developpement du commerce de transit et de commissions dans le creations d'entrepôt speciaux et l'amangement de points d'echange”. *Informations.* 1922. 6.III.

⁶ *Schramm S.* Op. cit. P. 210.

- ⁷ Soulié M. La vie politique d' Édouard Herriot. P., 1962. S. 102. Масштаб происходящей эволюции виден в поставленном автором этой книги вопросе: “Неужели двумя годами раньше партия радикалов не была враждебно настроена по отношению к варварскому большевизму?”.
- ⁸ Le Peuple. 1922. 20.II. (“... il nous est facile de dir que ce rapprochement est indispensable a la reorganisation de l' Europe, nécessaire á la France comme á la Russie”).
- ⁹ Leczyk M. Polska i sąsiedzi. Stosunki wojskowe 1921–1939. Białystok, 1997. S. 28–29.
- ¹⁰ В этом контексте “Le Peuple” от 20.II.1922 г. напоминает одно из интервью К. Радека для французской прессы, которое “не соответствовало программе возрождения истинного интернационализма”.
- ¹¹ Jadis E.H. Avant la première guerre mondiale. P., 1948. P. 172–190, 210–237; см. также P. 210–237. Soulié M. Op. cit. P. 31 и далее.
- ¹² Накануне. 1922. 7 окт.
- ¹³ Там же. 22 окт.; Journal des Débats. 1922. 23.IX.
- ¹⁴ Soulié M. Op. cit. P. 189.
- ¹⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. VII. С. 515.
- ¹⁶ Echo de Paris. 1925. 28.XI.
- ¹⁷ Le Temps. 1925. 3.X.
- ¹⁸ Leczyk M. Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSRR w latach 1925–1934. Warszawa, 1976. S. 62.
- ¹⁹ Донесение от 28.X.1925 г. // Leczyk M. Op. cit.
- ²⁰ Le Temps. 1925. 28.XII.
- ²¹ См. Leczyk M. Polityka II Rzeczypospolitej... S. 298.
- ²² Rok 1931 w polityce międzynarodowej // Przegląd Polityczny. 1932. T. XVII. S. 5.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ См. также замечания З. Вроняка по этому вопросу: Polityka polska wobec Francji w latach 1925–1932. Poznań, 1987. S. 165.
- ²⁵ Ilustrowany Kurier Codzienny. 1932. 28.I.
- ²⁶ Gazeta Warszawska. 1932. 3.I.
- ²⁷ Цит. по: Polonia. 1932. 13.I.
- ²⁸ Цит. по: Gazeta Polska. 1932. 29.XI.
- ²⁹ Wiadomości Literackie. 1932. 12.VI.
- ³⁰ Цит. по: Gazeta Polska. 1932. 28.I.
- ³¹ Wroniak Z. Polska–Francja. 1926–1932. Poznań, 1971. S. 149.
- ³² Leczyk M. Polska i sąsiedzi... S. 100 и далее.
- ³³ Areau H. Le pacte franco-sovietique 2 mai 1935. P., 1969. S. 90.
- ³⁴ Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы / Пер. с фр. М., 1966. С. 200. “Пакт четырех” также, согласно этому изданию, сильно подорвал позиции Франции на Балканах и в Центральной Европе.
- ³⁵ Там же. С. 201.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Areau H. Op. cit. P. 94.
- ³⁸ Эррио сказал: “Ma chère nous sommes assez liés, je sais que je peux compter sur votre confiance et que vous saves garder un secret quand on

vous demandes de le faire: ce papier, c' était un projet d' alliance militaire!" (Ibid. P. 96).

³⁹ *Jadis E.H. D une guerre a l' autre 1914–1936. P., 1952.* Эррио и Литвинов оставались в последующие месяцы в близких отношениях и вели дружескую переписку. Ibid. P. 373.

⁴⁰ *Табуи Ж.* Указ. соч. С. 202.

⁴¹ *Areau H.* Op. cit. P. 99.

⁴² Таким был, по мнению Ж. Табуи, ход мыслей французской дипломатии в отношении будущего пакта о коллективной безопасности. *Табуи Ж.* Указ. соч. С. 216–217.

⁴³ *Табуи Ж.* Указ. соч. С. 227.

А. Каспаравичюс

(Вильнюс)

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ. 1925–1935

Международная конференция, состоявшаяся в октябре 1925 г. в швейцарском городе Локарно, значительно изменила политическую ситуацию Европы. Хотя Локарнская конференция в первую очередь решала проблемы безопасности и пацификации Западной Европы, но ее результаты повлияли и на Восточную Европу.

Можно утверждать, что решения в Локарно поделили Европу на две части: западные державы подписали Рейнский пакт и тем самым получили международные гарантии своей безопасности; а страны Восточной Европы практически были оставлены в политической неизвестности. Их безопасность, с точки зрения международных гарантий, находилась в политическом тупике. Правда, Великобритания, главный инициатор Локарнской конференции, надеялась, что пацифистский дух Локарно со временем утвердится и в Восточной Европе и здесь будет образовано Восточное Локарно.

Но как показала история, эти надежды не оправдались. Идею Восточного Локарно, которую превратить в жизнь в первую очередь старалась Польша, очень удачно блокировали СССР и Германия – страны, заинтересованные разрушить Версальский порядок в Европе и изменить существующие границы Польши¹. Вместе с тем провалу идей Восточного Локарно в немалой степени содействовал и территориальный литовско-польский конфликт по поводу Вильнюса. Как показывают разные документы, этот конфликт был в определенной мере выгоден внешней политике СССР. Более того, можно утверждать, что в нем Советский Союз имел свои специфические интересы.

СССР не был приглашен на Локарнскую конференцию. Можно догадаться, что организаторы конференции – Великобритания и Франция опасались, чтобы не повторилась печальная история Генуэзской конференции (1922 г.), где Советская Россия

и Веймарская Германия подписали так называемый Рапалльский договор, который положил основу широкому экономическому, политическому и тайному военному сотрудничеству этих стран².

Наоборот, одной из главных целей Локарнской конференции была попытка сломать политическую ось Москва–Берлин и приблизить Веймарскую республику к политическому блоку Антанты. Вместе с тем западные державы старались изолировать Страну Советов от Европы и таким образом заставить ее либерализовать свою экономику и политику³.

Не желая менять свой политический курс и остаться в изоляции, СССР в середине 20-х годов активизировал зарубежную политику на Западе и решил воспользоваться литовско-польским конфликтом по поводу Вильнюса. Сразу надо отметить, что еще до Локарнской конференции в отношении вильнюсской проблемы СССР занимал двойственную позицию. Мирным договором с Литвой от 12 июля 1920 г. Россия признала Вильнюсский край за Литвой⁴. Но 12 марта 1921 г., подписывая в Риге мирный договор с Польшей, изменила эту позицию. Рижским договором Вильнюсский край был признан объектом спора между Литвой и Польшей⁵. Другими словами, первым договором Россия признала в Вильнюсе суверенитет Литвы, а вторым – объявила ее суверенитет спорным.

Таким образом, узел литовско-польского конфликта был связан очень крепко и надежно: литовцы, претендуя на Вильнюс, могли апеллировать к Московскому договору (тем более, что советская дипломатия несколькими нотами заверила, что этот договор сохранил юридическую силу)⁶, а польская сторона с таким же успехом могла опираться на Рижский договор. Здесь необходимо признать несомненный успех советской дипломатии, и особенно А. Иоффе, благодаря которому положение в литовско-польском конфликте стало благоприятным для Москвы, так как Россия получила возможность стать главным арбитром данного конфликта.

Вильнюсская проблема оказалась в руках советской дипломатии козырной картой еще накануне Локарнской конференции, когда стало очевидным, что СССР на нее приглашен не будет, а Польша не получит международных гарантий своей территориальной неприкосновенности и целостности.

В 1924–1925 гг. уполномоченный представитель СССР в Литве И. Лоренц в сообщениях в Москву не раз подчеркивал, что задача советской дипломатии – не Вильнюс вернуть Литве, а заботиться, чтобы вильнюсская проблема не была решена, так как она создает благоприятную почву для России расширять свое влияние в Прибалтике; осложняет стабильность восточных гра-

ниц Польши и дает возможность проектировать присоединение Западной Белоруссии и Западной Украины к СССР. Лоренц также указал, что ключом отношений между СССР и Литвой является именно “вильнюсский вопрос”⁷. Поэтому, пишет дипломат, важная задача советской дипломатии – бороться против влияния Польши в Литве, “следить за полонофилами и националистами”, чтобы они не договорились с Польшей, поддерживать антипольскую оппозицию в Литве и вообще использовать Литву как таран против Польши⁸.

Стремясь поддерживать напряженные отношения между Литвой и Польшей и нерешенную вильнюсскую проблему, советская дипломатия даже оказывала финансовую помощь антипольской печати в Литве. Например, в 1923–1926 гг. советские дипломаты в Каунасе нерегулярно финансировали партийную печать националистов (таутиников). Суммы большими не были – на издание одного номера газеты “Вайрас” или “Летувис” выделялось 50 долл. США⁹. После одной такой удачной финансовой инъекции советский дипломат в докладе в Москву с удовлетворением отметил, что редакционная статья этой газеты мало чем отличается от такого рода статей в “Известиях”¹⁰. Вместе с тем Лоренц не слишком доверял националистам Литвы, поэтому каждый номер их газеты финансировал поштучно¹¹.

Для поддержания антипольских настроений в Литве советская дипломатия старалась использовать не только печать таутиников, но и других партий, например, левой партии – ляудиников (народники). Финансовая помощь их печати не оказывалась. Однако с редакторами их газеты “Летувос жиниос” (“Новости Литвы”) обычно имелись хорошие связи, благодаря которым газета не раз публиковала антипольские статьи¹².

Летом 1925 г. И. Лоренц констатировал: “... нам, как и прежде, важно не поддержать Литву, но не допустить укрепление позиций Польши в Литве. Действовать против тенденции правящих кругов Литвы идти на компромисс с Польшей”¹³. В другом докладе – члену коллегии Народного комиссариата иностранных дел В. Коппу – И. Лоренц писал: “В вильнюсском вопросе надо запомнить две вещи: а) наши конечные цели и б) нашу тактику в данный момент. Наши конечные цели, разумеется, были ясны всегда.... Хотя за последние годы мы своей национальной политикой проделали огромную работу, чтобы могли в будущем выдвинуть вильнюсскую проблему, я все же думаю, что и сейчас должна идти осторожная подготовка и что сейчас на переговорах с Польшей выдвинуть вильнюсский вопрос как белорусский вопрос было бы рискованно. Польша сейчас на такие разговоры не пойдет... Я думаю, было бы наиболее правильным полностью не

связываясь с Литвой, дальше вести антипольскую политику в Виленщине, не вызывая преждевременных подозрений Литвы”¹⁴.

Этот доклад Лоренца позволяет сделать предположение, что дипломатия СССР раздумывала и о том, что Вильнюс можно было бы присоединить к Белоруссии.

Необходимо подчеркнуть и тот факт, что советская дипломатия использовала вильнюсскую проблему и для того, чтобы не был образован единый политический блок Балтийских стран – Литвы, Латвии, Эстонии. Советские дипломаты в Каунасе, Риге и Таллине не раз констатировали, что “вильнюсский вопрос является самым серьезным препятствием в создании Балтийского союза”¹⁵.

Поощряя литовско-польский конфликт, препятствуя политической консолидации Балтийских стран, советская дипломатия часто действовала заодно с германскими дипломатами. Реваншистской политике Германии литовско-польский конфликт и несогласованная политика Балтийских стран тоже были полезны. В середине 20-х и начале 30-х годов германские и советские дипломаты очень тесно сотрудничали в Каунасе, Риге, Таллине и Варшаве.

И. Лоренц, И. Кожевников, С. Александровский, П. Войков, С. Аралов неоднократно в своих докладах и дипломатических дневниках писали, что СССР и Германия в Прибалтике успешно придерживаются “антипольской линии”¹⁶. Иногда даже поговаривали, что якобы в будущем может быть придется вместе воевать против третьих стран.

Локарнские соглашения всерьез расшатали вопрос о стабильности и безопасности Восточной Европы. В европейских дипломатических сферах начали обсуждать разные проекты, как удовлетворить реваншизм Германии на востоке¹⁷. Дипломаты СССР сразу реагировали на эти обсуждения.

Новый представитель СССР в Литве С. Александровский, в ноябре 1925 г. оценив политические изменения на Западе, дважды поднимал вопрос перед коллегией Народного комиссариата иностранных дел о том, стоит ли советскому правительству дальше придерживаться Рижского мирного договора с Польшей¹⁸. Дипломат предлагал границу СССР с Польшей изменить так, чтобы Советский Союз имел общую границу с Литвой. Однако народный комиссар по иностранным делам Г. Чичерин такой замысел не одобрил. По мнению Чичерина, пока что из-за Литвы не стоит портить отношения с Польшей.

Весной 1926 г. Чичерин, апеллируя к своим тайным беседам с французским политическим деятелем А. Монзе, предложил идею, как окончательно урегулировать советско-польские отно-

шения. Суть этой идеи такова: СССР окончательно признает права Польши на Вильнюс и разрешает ей занять Литву, а Польша с Францией отдадут Советскому Союзу Галицию, расторгают политический и военный договор с Румынией и не мешают СССР присоединить Бессарабию¹⁹. В своем письме комиссар отметил, что в Польше в 1926 или 1927 гг. может появиться “толковый политик”, который согласился бы с таким планом.

В середине июля 1926 г. Александровский модифицировал идею Чичерина. В одном докладе он писал, что за отказ Литвы Москва должна бы получить не только Галицию и Бессарабию, но и свободные руки в Латвии и Эстонии²⁰. Но тут же сам признал, что такой план обречен: Польша на это не пойдет. Потому, по мнению Александровского, реальнее, играя вильнюсским вопросом, ждать, пока Польша сама ослабеет и с ней можно будет не считаться²¹.

Следует признать, что Александровский был прозорливым дипломатом. Он указал, что дела в Европе могут повернуться так, что Германия, желая вернуть свои территории на востоке, может по-дружески предложить СССР оккупировать Латвию и Эстонию²². По мнению Александровского, если дело дойдет до того, Москва вряд ли сможет отказаться от такого предложения. По-моему, Александровский еще летом 1926 г. в определенной мере предвидел ситуацию августа 1939 г. (имеется в виду первый тайный протокол Молотова–Риббентропа от 23 августа 1939 г.).

Правда, сам Александровский не очень доверял Германии. Он предостерег коллегия НКВД, что, проглотив Польшу, Германия с помощью Англии может нанести удар и Советскому Союзу²³.

После прихода к власти И. Пилсудского, идея Чичерина достичь “генерального мира” с Польшей практически стала невозможна. 28 сентября 1926 г. СССР с Литвой подписали договор о ненападении, в котором по вопросу Вильнюса Москва придерживалась ранней, двойственной позиции. В ноте Чичерина, которая прилагалась к договору о ненападении, по вильнюсскому вопросу сказано: “... Союзное Правительство заявляет, что фактическое нарушение литовских границ, имевшее место против воли литовского народа, не поколебало его отношения к территориальному суверенитету” Литвы, определенному мирным договором между Россией и Литвой 12 июля 1920 г.²⁴

Итак, из ноты Чичерина неясно, кто подтверждает свою неизменную позицию по поводу суверенитета Литвы в Вильнюсе: советское правительство или литовский народ. В разных обстоятельствах, в зависимости от интересов, эту ноту можно объяснить по-разному. Скорее всего такую цель и преследовал Чичерин.

Заключение договора о ненападении с Литвой заместитель Г. Чичерина М. Литвинов оценил, как “одно из величайших происшествий и достижений советской дипломатии”, которое выбило одно кольцо в цепи Балтийских стран²⁵.

Кстати, такую высокую оценку этот договор заслужил и потому, что при его подписании было подтверждено и так называемое Джентельменское соглашение между Литвой и СССР, по которому страны договорились обмениваться всей тайной информацией, касающейся Польши и Латвии²⁶.

Вильнюсский козырь остался важным и в конце 20-х годов. В 1927–1929 гг. особенно удачно советские дипломаты поработали с литовской оппозицией. Например, референт Народного комиссариата иностранных дел Левкович несколько раз подчеркнул, что им необходимо иметь связи и работать с оппозицией, так как “оппозиция, как и раньше, не позволит литовскому правительству договориться с Польшей”²⁷.

Вместе с тем нельзя не отметить, что советская дипломатия заботилась, чтобы литовско-польский конфликт слишком не разгорелся и не перерос в открытую войну между Литвой и Польшей. В этом случае победа, несомненно, была бы за Польшей, так как СССР не собирался военной силой помочь Литве²⁸. Следствием такой войны было бы укрепление Польши и утверждение ее в Прибалтике, что не входило в расчеты СССР. Так что советские дипломаты в литовско-польском конфликте действовали словно провизор, который дозировал конфликт в зависимости от обстоятельств.

В первой половине 30-х годов позиция Советского Союза по отношению к литовско-польскому конфликту по сути своей осталась прежней. В июле 1931 г. было усовершенствовано и продлено “Джентельменское соглашение” между Литвой и СССР²⁹. Как и в предыдущие годы, дипломатия СССР очень внимательно следила за отношениями между Литвой и Польшей и по возможности делала все, чтобы конфликт не угас. В это время большое внимание уделялось персоналиям. Советские дипломаты в Каунасе старались, чтобы полонофилы в Литве не занимали высоких постов: не стали дипломатами, министрами иностранных дел или главнокомандующими литовской армии. Уполномоченный представитель СССР в Литве М. Карский не раз убеждал президента Литвы А. Сметону не назначать то или иное лицо на ответственную должность или освободить от занимаемой должности.

Например, Карский был очень недоволен действиями молодого литовского дипломата С. Лозорайтиса, который придерживался западной политической ориентации, высказывался за скорейшее устранение конфликта между Литвой и Польшей, твердо

стоял за создание единого политического блока между Литвой, Латвией и Эстонией³⁰. Летом 1932 г. С. Лозорайтис стал директором Политического департамента МИДа Литвы. По этому поводу Карский в своем дипломатическом дневнике и в докладе в Москву констатировал, что “этот человек не нашей линии”³¹. В другом докладе в Москву он писал: “В лице нового директора Политического департамента МИДа Лозорайтиса мы имеем мало симпатичную для нас фигуру”³².

Еще большее неудовольствие Карского вызвало назначение Лозорайтиса летом 1934 г. министром иностранных дел Литвы. Свои соображения по этому поводу он осторожно высказал президенту Литвы Сметоне и премьеру Ю. Тубелису³³. Но дипломатический нажим на Литву успеха не имел. Лозорайтис остался на этом посту. Насколько важно было для СССР, кто возглавляет МИД Литвы, показывает тот факт, что “вопрос Лозорайтиса” летом 1934 г. дважды обсуждался в политбюро ЦК ВКП(б)³⁴. Чтобы вызвать у Лозорайтиса симпатии в пользу СССР и завоевать его доверие, политбюро ЦК ВКП(б) сочло целесообразным расширить экономические отношения с Литвой и таким образом помочь Литве отчасти справиться с кризисом³⁵. Вместе с тем летом 1935 г., когда выяснилось, что министр иностранных дел интенсивно ищет компромиссного решения литовско-польского конфликта, Карский пробовал уговорить президента Литвы отстранить Лозорайтиса от должности. Но скоро выяснилось, что затея не удастся, и советская дипломатия от этой идеи отказалась³⁶. Тем более, в скором времени стало ясно, что усилий одного Лозорайтиса не хватает, чтобы склонить министра иностранных дел Польши полковника Ю. Бека к компромиссному согласию³⁷.

Надо отметить и то, что, стремясь расширить свое политическое влияние в Литве и не допустить разрешения литовско-польского конфликта, советская дипломатия в 1930–1936 гг. очень активно действовала среди литовских военных, особенно высших рангов³⁸. Член коллегии Народного комиссариата иностранных дел СССР Б. Стомоняков в 1936 г. дважды обращал внимание подчиненных на необходимость расширить связи с литовскими военными, приглашать их с дружескими визитами в Советский Союз³⁹.

В значительной мере проведению политики СССР в Литве способствовала позиция ее посла Ю. Балтрушайтиса, пробывшего на этом посту с 1920 до 1939 г. Он был убежден, что Литве следует вести нейтральную внешнюю политику, а с Советским Союзом поддерживать очень тесные отношения. Вместе с тем по отношению к Польше литовский дипломат держался враждебно, не доверял ее дипломатам⁴⁰. Такая позиция была выгодна Москве, и она старалась, чтобы Балтрушайтис оставался на своем посту⁴¹.

После прихода к власти Гитлера в Германии литовско-польский конфликт заметно ослаб. Литва и Польша почувствовали прямую угрозу Германии. В первой половине 30-х годов участились тайные контакты литовских и польских дипломатов⁴². Однако они не дали результатов, так как обе страны уже по инерции держались враждебных позиций, которые сформировались в предыдущие годы.

В заключение можно сделать следующий вывод. Советская дипломатия кровно была заинтересована не в разрешении литовско-польского конфликта, а в его существовании, так как он содействовал советским целям не допустить создания восточного Локарно, разрушать Версальскую систему и продвигать свои границы и политическое влияние на запад. В определенной мере эти задачи были реализованы. Литва и Польша сами, без посредников, не сумели решить вильнюсскую проблему и начать конструктивный диалог и сотрудничество. Поэтому осенью 1939 г. эта проблема была решена не по воле литовцев и поляков, а по сценарию, который долгие годы писали соседние державы.

- ¹ *Von Riekhoff H.* German-polish Relation. 1918–1933. Baltimore; L., 1971. P. 226, 235–238; *Kasparavičius A.* Didysis X Lietuvos užsienio politikoje. 1926 m. Lietuvos ir Sąjungos Neapuolimo sutarties sudarymo analizė, Vilnius, 1996. P. 63–65.
- ² *Rosenbaum K.* Community of Fate. German-Soviet Diplomatic Relations. 1922–1928. N.Y. P. 220–241.
- ³ *Von Riekhoff H.* Op. cit. P. 109, 111.
- ⁴ *Laurinavičius Č.* Lietuvos-Sovietu Rusijos Taikos sutartis. Vilnius, 1992. P. 164–165.
- ⁵ *Ibid.*
- ⁶ *Žepkaite R.* Lietuva ir Didžiosios valstybes. 1918–1939. Kaunas, 1986. P. 60, 64, 85.
- ⁷ Сообщение И. Лоренца от 13.10.1923 в коллегия НКВД // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0151. Оп. 9. Д. 2. Л. 266 (Далее: АВП РФ); Сообщение И. Лоренца от 04.02.1924 в коллегия НКВД // Там же. Ф. 04. Оп. 27. П. 183. Д. 64. Л. 24.
- ⁸ Сообщение И. Лоренца от 15.09.1923 в коллегия НКВД // Там же. Ф. 0151. Оп. 9. П. 9. Д. 2. Л. 396.
- ⁹ *Butkus Z.* Jei opozicija gauna paramą iš svetur... // Kultūros barai. 1995. № 8/9. P. 82–83.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Дипломатический дневник С. Александровского, ноябрь 1925 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 27. П. 185. Д. 90. Л. 129.
- ¹³ Сообщение И. Лоренца от 16.06.1925 в коллегия НКВД // Там же. П. 184. Д. 80. Л. 192.

- 14 Сообщение И. Лоренца от 24.09.1924 в коллегияу НКИД // Там же. П. 183. Д. 67. Л. 59, 62.
- 15 Сообщение И. Лоренца от 08.08.1924 в коллегияу НКИД // Там же. Д. 65. Л. 94.
- 16 Сообщение И. Лоренца от 07.03.1925 в коллегияу НКИД // Там же. П. 184. Д. 81. Л. 92; Дипломатический дневник И. Кожевникова. Запись от 23.03.1923 // Там же. Ф. 0151. Оп. 9. П. 99. Д. 6. Л. 70.
- 17 *Von Riekhoff H.* Op. cit. P. 250–255; *Kasparavičius A.* Op. cit. P. 151–163.
- 18 Сообщение С. Александровского от 10.11.1925 в коллегияу НКИД // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 27. П. 185. Д. 85. Л. 16; Сообщение С. Александровского от 20.11.1925 в коллегияу НКИД // Там же. Л. 45.
- 19 Письмо Г. Чичерина в Каунас С. Александровскому от 02.05.1926 // Там же. Ф. 0151. Оп. 13. П. 25. Д. 2661. Л. 38–40.
- 20 Сообщение С. Александровского от 13.07.1926 в коллегияу НКИД // Там же. Ф. 04. Оп. 27. П. 186. Д. 102. Л. 3.
- 21 Там же. Л. 2.
- 22 Там же. Л. 6.
- 23 Там же.
- 24 *Kasparavičius A.* Op. cit. P. 337.
- 25 Письмо М. Литвинова в Париж уполномоченному представителю СССР Х. Раковскому от 02.10.1926 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 27. П. 187. Д. 119. Л. 30.
- 26 *Kasparavičius A.* Op. cit. P. 246.
- 27 “Памятная записка” Левковича от 15.03.1927 в коллегияу НКИД // АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 15. П. 23. Д. 2700. Л. 18; “Памятная записка” Левковича от 30.03.1927 в коллегияу НКИД // Там же. Л. 20.
- 28 *Kasparavičius A.* Op. cit. P. 278–281.
- 29 Письмо М. Литвинова из Женевы в Москву в коллегияу НКИД от 26.05.1931 // АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 20. П. 42. Д. 10. Л. 59.
- 30 *Eidintas A., Žalys V., Senn A.E.* Lithuania in European Politics. The Years of First Republic, 1918–1940. N.Y. 1997. P. 164.
- 31 Сообщение М. Карского от 15.06.1932 в коллегияу НКИД // АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 21. П. 44. Д. 3. Л. 149.
- 32 Сообщение М. Карского от 04.12.1932 в коллегияу НКИД // Там же. П. 45. Д. 14. Л. 95.
- 33 Сообщение М. Карского от 04.07.1934 в коллегияу НКИД // Там же. Ф. 0150. Оп. 24. П. 48. Д. 7. Л. 77–90; Сообщение М. Карского от 06.07.1934 в коллегияу НКИД // Там же. Ф. 0151. Оп. 24. П. 48. Д. 7. Л. 84–85.
- 34 Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 01.07.1934 и Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25.07.1934 // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 112, 141.
- 35 Там же.
- 36 Сообщение М. Карского от 16.07.1935 в коллегияу НКИД // АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 26. П. 50. Д. 8. Л. 48–49; Запись беседы Б. Стомонякова

- от 14.06.1935 с посланником Литвы Ю. Балтрушайтисом // Там же. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 62. Л. 131–133.
- ³⁷ *Eidintas A., Žalys V., Senn A.E.* Op. cit. P. 171.
- ³⁸ *Kasparavičius A.* Lietuvos kariuomenė Maskvos politinėse ir diplomatinėse spekuliacijose (1920–1936) // Lietuvos nepriklausomybei – 80. Vilnius, 1999. P. 35–42.
- ³⁹ *Ibid.* P. 38–39.
- ⁴⁰ Письмо Б. Стомонякова наркому внешней торговли СССР А.П. Розенгольцу от 21.12.1936 // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 86. Л. 18; Запись беседы Б. Стомонякова от 14.06.1935 с посланником Литвы Ю. Балтрушайтисом // Там же. Оп. 15. П. 109. Д. 62. Л. 131–132.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Запись беседы Б. Стомонякова от 02.09.1930 с посланником Литвы Ю. Балтрушайтисом // Там же. Ф. 0150. Оп. 19. П. 39. Д. 5. Л. 81; Сообщение М. Карского от 06.07.1934 в коллегия НКВД // Там же. Ф. 0151. Оп. 24. П. 48. Д. 7. Л. 85; *Vaišnys A.* Упatingoji žurnalistu misija iki Lenkijos ultimatumo Lietuvai 1938 m. // Kultūros barai. 1997. № 3. P. 67–70.

Т.С. Бушуева

СССР – ГЕРМАНИЯ:
ТАЙНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
(20–30-е годы).
МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ
АРХИВОВ РОССИИ

Русский писатель Николай Гумилев, расстрелянный большевиками, как-то философски заметил: “Крестьянин пашет, каменщик строит, священник молится и судит судья”. Что же остается историку? Видимо, одно – искать истину или хотя бы стремиться к ней.

В течение последних десяти лет стали известны многие документы о секретном советско-германском военном альянсе 20–30-х годов. Они свидетельствуют о том, как Советская Россия распорядилась своим геополитическим пространством. “Гостеприимная” советская власть с ведома В.И. Ленина предоставила территорию России, ее стратегическое сырье, природные ресурсы, дешевую рабочую силу германским фирмам: “Юнкерс” и “Хейнкель”, “Крупп” и “Рейнметалл”, “Телефункен” и “Герц”, “Гольдсмит” и “Цепеллин”.

В русском небе стали обучать германских военных летчиков, на волжских просторах устроили немецкий танковый полигон, а школу химической войны, созданную немцами в Поволжье, сделали самым секретным объектом¹.

Сегодня исследователи добились того, чтобы документы об этом сотрудничестве стали доступны, многое уже удалось опубликовать. Но неожиданно возник следующий феномен. Историки диаметрально разошлись в оценке и осмыслении этих документов. Часть из них считает военный альянс бедой и для России, и для Германии, и для Европы. Другая часть, кстати, более многочисленная, рассматривает его как позитивный, якобы не нарушавший международных норм, вполне “заурядный” и, более того, “выгодный” как СССР, так и Германии².

“Тайная подготовка в СССР почти 500 немецких летчиков-асов, составлявших ядро военно-воздушного штаба Геринга, с военной точки зрения представляется выгодной”, – констатирует “Военно-исторический журнал”. Следуя этой логике, получается,

что можно считать за благо, когда германские ВВС, в составе которых были летчики, прошедшие обучение в Липецке, а также те, кого, в свою очередь, подготовили и они, в 1939 г. будут бомбить Варшаву, в 1940 г. – Лондон, а в 1941-м – Москву.

Чего же больше в подобном осмыслении темы? Парадоксов? Невидения исторического источника? Или это идеологическая привычка защиты правившей в СССР системы, загубившей десятки миллионов жизней наших соотечественников.

Архивы свидетельствуют, что в 1940 г. в ходе контакта советских военнослужащих с уже участвовавшими в бомбардировках городов Европы немецкими летчиками, последние спрашивали советских коллег, нет ли среди них тех, с кем они обучались в Липецке. Германская сторона предлагала использовать советских летчиков для защиты Германии, для создания с этой целью из них специальных эскадрилий, а также для участия “в прямых бомбардировочных налетах против Англии”³.

Обнаружить реакцию на эти предложения советской стороны в архиве не удалось. Но хорошо известно, что Геринг, тот самый, для которого в СССР было подготовлено 500 асов, заявлял, что он “выбомбит Англию из войны”. Только в ночь на 15 сентября 1940 г. Лондон бомбили 1000 немецких самолетов⁴. На них были и обученные в русском небе летчики⁵.

21 мая 1940 г. начальник советской разведки комдив Проскуров с пометкой “секретно” представил доклад наркому обороны СССР С.К. Тимошенко о беседе германского военного атташе в СССР полковника Ашенбреннера с начальником отдела внешних сношений Осетровым. Ашенбреннер говорил: «Успех германских войск на западе обеспечен нашей с Вами дружбой... Этого... мы никогда не забудем. Я был у Гитлера, который мне сказал: “Помни, что Сталин для нас сделал великое дело, о чем мы никогда и ни при каких обстоятельствах не должны забывать. Помня об этом, не превращайся в торговца, а будь достойным представителем нашей армии в дружественной нам стране»⁶.

Гитлер, очевидно, благодарил Сталина и за принятые на вооружение германскими ВВС испытанные в Липецке самолеты-разведчики и истребители, за то, что фирма “Хейнкель” испытывала в СССР самолеты с моторами БМВ для дальней разведки и дневного бомбометания, за испытание моторов большой мощности, в том числе и на тяжелом топливе. Здесь, в авиацентре “Липецк” отрабатывали бомбардирование с больших высот и стрельбы из тяжелых пулеметов, а также фотопулеметы и оптические прицелы⁷. Здесь немцы испытывали самолеты с герметической кабиной для полетов в зимних условиях. Но это, очевидно, уже не для Варшавы, и не для Лондона, а для России.

15 сентября 1939 г. немецкие войска захватили Люблин, а спустя несколько дней под Влодавой передовые дивизии 10-й армии соединились с танковой группой генерала Г. Гудериана, наступавшего с севера. Им удалось расчлениить польские войска, заблокировать их в районе Кутно, Варшава, Люблин, Перемышль. Архивы хранят не только письменные источники, но и фотодокументы тех лет. На них запечатлен Гудериан, который вместе с советскими офицерами уточняет общую демаркационную линию; на другом снимке – Гудериан вместе с советскими офицерами приветствует немецкие и советские войска в Бресте⁸. Но мало кто знал, что еще в 1939 г. генерал Гудериан проходил стажировку в танковой школе “Кама” на Волге близ г. Казани.

По мнению немецких историков, подготовленная в Казани группа танкистов позднее способствовала быстрому созданию германских танковых войск⁹. В подписанном в 1939 г. Гудерианом соглашении с советской стороной говорилось: “Если немецкие представители потребуют помощь для уничтожения польских банд, командование Красной Армии предоставит необходимые силы”.

Русский философ, мыслитель И.А. Ильин учил: “Любовь к родине должна быть осмысленной, как творческий акт духовного самоопределения...”¹⁰. Не понимали этого или просто не ведали, что творили, те, кто разрешил немцам в 1926 г. на волжской земле строить тайную школу химической войны. Здесь испытывались новые приборы и методы применения отравляющих веществ в артиллерии, авиации при помощи приборов-газометов. Здесь отрабатывались образцы дистанционных химических бомб, установки для наливки иприта, химические фугасы, рвущиеся в воздухе, приборы для электролитического определения иприта, средства лечения и профилактики ипритных поражений, а также боевая химическая машина крупновского образца¹¹.

Во второй мировой войне отравляющие химические вещества не применяли. Правда, в немецких лагерях ставились опыты над пленными. После войны на месте “Томки” устроили склад химических веществ. Земля и люди здесь, отравленные смертоносными веществами, стали заложниками тайного советско-германского военного альянса 20-х годов.

Говоря о советско-германском союзе, нельзя не сказать и о людях, осуществлявших его. Судьбы большинства из них сложатся трагически. Высшие командиры Красной Армии, прошедшие обучение в Германии, будут практически все расстреляны, как немецкие шпионы¹². А Маршал Советского Союза А.М. Василевский, размышляя о случившемся, позднее скажет: “Если бы не было 1937-го года, не было бы и 1941-го”.

В ходе советско-германского секретного военного сотрудничества страшным образом переплелись еще две судьбы. Одним из главных организаторов совместного альянса был Лев Троцкий (Бронштейн). Особенно активно он продвигал в СССР работу фирмы “Юнкерс”. В 30-е годы он скажет: “Без Сталина не было бы Гитлера, не было бы гестапо”. В 1940 г. Троцкого выследит и проведет операцию по его уничтожению сотрудник 4-го управления НКВД, возглавлявшегося генералом П.А. Судоплатовым, разведчик Наум Эйтингон. Этот человек, выполняя указания Троцкого, в конце 20-х годов активно участвовал в тайном советско-германском союзе, изучал немецкие военные предприятия, активно налаживал контакты с немцами. Его знали тогда под именами Котов, Лаврентьев, Наумов. Именно ему Сталин поручит убить Троцкого. Осуществит эту акцию завербованный Эйтингоном испанец-коммунист Р. Меркадер, за что получит от советского руководства высокое звание Героя Советского Союза, а Н.И. Эйтингона негласно назовут террористом № 1 в СССР. Судьба его сложится драматично: вначале Сталин посадит его в тюрьму на 10 лет, а затем 10 лет к сроку добавит ему Н.С. Хрущев¹³.

В отечественной, да и в зарубежной историографии темы высказывалась точка зрения о том, что сотрудничество СССР и Германии закончилось с приходом к власти Гитлера¹⁴. Однако существует огромный массив еще не в полной мере изученных документов, свидетельствующих о продолжавшемся разностороннем сотрудничестве СССР и Германии в военной, экономической, торговой, разведывательной и других областях¹⁵.

Германия будет требовать от СССР стратегическое сырье: зерно, нефтепродукты, цветные металлы. Советский Союз потребует от Германии средства химического нападения и защиты, электролитные бомбы, иприт, пеленгаторы, аппараты связи¹⁶. Это очень похоже на химический ассортимент школы в “Томке”. Руководитель экспорта по военным товарам Германии Эльтце по поводу поставок в Россию говорил: “От этих людей всего можно ожидать. Они узнают наши военные тайны, а потом сдавят нам горло”¹⁷.

Представляется, что в будущем в архивах нас ждут не очень радужные открытия. Все вышеизложенное высвечивает еще один, возможно, ключевой аспект проблемы. В чем же причина и где корни секретного советско-германского военного альянса начала XX столетия? На этот счет высказывается несколько точек зрения. Одни историки считают, что СССР и Германия объединились главным образом потому, что оказались на позициях “париев Версаля” или, по образному выражению Г.В. Чичерина,

“международных козлов отпущения”. Но возникает вопрос: где же эти разоренные, задолжавшие всем и вся страны взяли такие огромные средства, какие потребовал военный альянс? Ведь недаром Л.Б. Красин (казначей большевистской партии), обращаясь в 1920 г. к В.И. Ленину, писал ему: “Владимир Ильич!.. тут надо щедро сыпать деньги... для получения пороха, патронов, снарядов, пушек...”¹⁸

Другую точку зрения высказывают отечественные историки Г.А. Космач, Н.В. Фарбман, А.Б. Цфасман, И.Я. Биск, Л.И. Гинцберг, Л.М. Шнеерсон и другие¹⁹. Они считают, что все это сотрудничество складывалось на антипольской основе. А историки А.А. Ахтамзян и С.Г. Горлов полагают, что враждебное отношение Польши сыграло роль катализатора в становлении советско-германского совместного союза. Но логично возникает вопрос: зачем для сокрушения Польши накапливать столь огромное вооружение и боеприпасы, боевую технику, зачем ставить под ружье многомиллионные армии, зачем для покорения Польши использовать иприт, превращать СССР и Германию в интегрально милитаризованные государства? Если Польша столь страшна для СССР и Германии и она считается главным врагом, зачем во всех документах, на встречах, переговорах, явных и тайных, все время об этом говорить, называть Польшу главным врагом, а значит – объектом будущего нападения? Вся эта возня становится, конечно, известной правителям Польши. Они начинают метаться, но уже в жестких рамках, созданных Москвой и Берлином. В 1939 г. Польша, несмотря на героическое сопротивление ее народа, будет разбита в короткие сроки. Нет, очевидно, все это вооружение не против Польши, не из-за нее.

Есть и еще одна точка зрения. Ее высказала всегда хорошо осведомленная враждебная Германии “Новая Цюрихская газета”. Еще 24 ноября 1921 г. она писала: “Англия допустила неспроста немецко-большевистскую дружбу”. Этот же сюжет затронут и в письме Л. Троцкого представителю России в Германии Виктору Коппу. Копп сообщал Троцкому, что генерал Ганс фон Сект якобы состоит в сговоре с англичанами. В ответ Троцкий совершенно секретно сообщал ему: “Очень сомневаюсь, чтобы генерал Сект находился действительно в заговоре с англичанами. Если что-либо подобное есть, то это скорее всего провокация со стороны клики Черчилля. Эти подлецы хотят во что бы то ни стало втянуть нас в новую войну”²⁰. В этой последней фразе Троцкого, очевидно, и ключ к причинам будущего тайного советско-германского альянса, безусловно, ставшего возможным только при вложении в него значительных финансовых средств международным банковским капиталом с целью в будущем втянуть обе стра-

ны в новую мировую войну. В пользу этого аргумента говорит и факт участия в советско-германском союзе такой фигуры, как Вальтер Ратенау, человека, входившего в число богатейших и влиятельнейших людей мира.

Сегодня не представляется возможным в полной мере изучить финансовые связи в 20-е годы советского государственного банка во главе с Ароном Шейманом, наркома финансов СССР А. Розенгольца с министром финансов Германии А. Гермесом²¹, а также с международными банкирами²². Еще предстоит изучить роль в этом союзе и такой личности, как Парвус-Гельфанд²³.

Именно силы мирового финансового капитала, вскормившего это сотрудничество, через 20 лет столкнут обе страны, чтобы, как и в первую мировую войну, переделить мир, перекроить территории, захватить ресурсы и сырье, нажиться за счет народов. И уже неважно, кто будет стрелять первым – Сталин или Гитлер. А потому спор сегодня между Виктором Суворовым и Габриэлем Городецким не столь уже важен.

22 июня 1941 г. обе страны сойдутся в кровавом единоборстве. Одна, одурманенная идеей мировой революции, другая – идея реванша. Итоги будут подводить на пепелище.

Немецкий публицист Берг еще в 20-е годы предупреждал: “Пока в Москве верховодит Троцкий, Германия никогда не найдет умиротворения”, и добавлял, что наступит время, когда канцлера Вирта и его товарищей по Рапалло предадут анафеме.

В 1939 г. Красная Армия гигантскими потоками устремится к западным границам. Через два года линия их соприкосновения, оговоренная в соглашениях августа и сентября 1939 г., станет кровавым рубежом борьбы Красной Армии и вермахта. Но это уже другая страница истории, не менее загадочная и трагическая.

История России в XX столетии подобна гоголевскому образу дороги, летящей невесть куда в пропадающую даль. Трагедия минувшего века видна в переплетении добра и зла. Но никто не проходит свой путь в одиночку. И то, что мы вносим в жизнь других людей, то же и вернется в нашу собственную. Для того чтобы зажечь свой светильник, не надо задуть светильник соседа.

1 См.: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933: Незвестные документы. М., 1992.

2 Так полагают А. Ахтамзян, С. Горлов, С. Ермаченков, Н. Елисева и другие.

3 Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1305. Л. 356 (Далее: РГВА).

- 4 Вторая мировая война: Краткая история. М., 1984. С. 66.
- 5 «Английской добычи хватит на всех, и Германии не придется ссориться со своими “друзьями”... Англия пожила довольно. Мир должен принадлежать Германии, СССР, Италии и Испании», – так говорили в 1940 г. немецкие летчики своим советским коллегам (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1305. Л. 356).
- 6 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1305. Л. 374–375.
- 7 Там же. Д. 78. Л. 93–96.
- 8 В апреле 1940 г. начальник 5-го (разведывательного управления) Красной Армии комдив Проскуров докладывал Ворошилову: “Полковник Ашенбреннер привез в Москву звуковой фильм о действиях германской авиации в польской войне. Этот фильм он предполагает показать, в его и генерала Кестринга присутствии, командирам нашего Генерального Штаба”. Нарком обороны Ворошилов написал резолюцию: “т. Сталину. Прошу указаний. К. Ворошилов. 26.4.40 г.” (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1305. Л. 301).
- 9 Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Указ. соч. С. 19–20.
- 10 Ильин И.А. О сущности правого знания. М., 1993. С. 93.
- 11 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 295. Л. 375. Д. 504.
- 12 Будут подвергнуты репрессиям и уничтожены ездившие в Германию на маневры и обучение командиры Красной Армии: Тухачевский, Уборевич, Якир, Триандафиллов, Егоров, Корк, Федько, Белов, Баранов, Дыбенко, Уншлихт, Урицкий, Меженинов, Катков, Зомберг, Даненберг, Степанов, Венцов, Калмыков, Дубовой, Примаков, Левандовский, Левичев, Лацис, Лонгва и другие.
- 13 Капчинский О., Малеванный В. Генерал особого назначения. К-100-летию разведчика Наума Эйтингона // Независимое военное обозрение. 2000. № 3.
- 14 См. статью С. Грегоровича “Место и роль СССР в политике Польши в 30-е годы” в настоящем сборнике.
- 15 25 апреля 1939 г. полпред СССР в Германии Герасимов напишет Ворошилову о том, что “возможность коллективных действий против фашизма... проблематична” (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1237. Л. 239–243). В 1940 г. во время встречи с Муссолини на Бреннере Гитлер сказал, что сближение Германии с Советским Союзом “стало возможным благодаря мудрой прозорливости Сталина”. Он также подчеркнул, что “между Германией и СССР не только нет никаких противоречий, но что обе страны дополняют друг друга политически и экономически” (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1305. Л. 222–223).
- 16 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1237. Л. 239–243.
- 17 Там же. Д. 1305. Л. 87–93.
- 18 Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998. С. 313.
- 19 См.: Российская провинция в годы революций и гражданской войны. 1917–1922. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 27–28 ноября 1997. Нижний Новгород, 1998. С. 101.
- 20 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 52. Л. 759.
- 21 Летом 1923 г. участники совещания в Берлине – министр иностранных дел барон фон Розенберг, министр финансов А. Гермес, совет-

- ник металлургической фирмы “Гутехофф – нунгсхютте” П. Ройш, начальник отдела вооружений штаба сухопутных сил подполковник В. Менцель и другие согласовали сумму для финансирования военных расходов в России в размере 75 млн марок. Однако на неофициальной встрече канцлера В. Куно и посла Брокдорф-Ранцау с наркомом финансов СССР А. Розенгольцем и заместителем наркома иностранных дел Н. Крестинским, которая проходила на частной квартире в Берлине 30 июля 1923 г., канцлер подтвердил выделение лишь 35 млн марок, оставляя, таким образом, резерв в 40 млн для дальнейших переговоров.
- 22 Публицист Э. Берг констатирует, что “отныне Германия и Россия вовлечены в круг европейских банковских сцеплений” (См.: *Берг Э. Движущая сила современной мировой политики..* Мюнхен, Б. г.).
- 23 Исторический архив. 1999. № 1.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Письмо К.Е. Ворошилова в Политбюро ЦК ВКП(б)

28 декабря 1928 г.

Совершенно секретно

Прошу поставить на ближайшем заседании Политбюро следующие вопросы:

1. О приезде в СССР полковника Миттельбергера, ближайшего сотрудника начальника рейхсвера генерала Хайе по русским вопросам;

2. О взаимной командировке командиров РККА и рейхсвера в Германию и СССР на военные занятия и маневры в 1928 г.

По существу этих вопросов сообщая:

Рейхсвер желает командировать полковника Миттельбергера в СССР для ознакомления с имеющимися у нас немецкими учреждениями в Липецке и Казани и некоторыми учебными заведениями РККА.

Полагаю, что, поскольку немцы дали возможность прибыть в Германию на учебу соответствующим работникам РККА – гг. Уборевичу, Эйдеману, Аппоге, – мы не имеем формального повода не удовлетворить просьбу немцев.

Вопрос о взаимном обмене командирами для участия на полевых занятиях и маневрах РККА и рейхсвера поднят одновременно немцами и нами. Опыт прошлого года (на наших маневрах и тактических занятиях участвовало 7 офицеров рейхсвера и нами было командировано в Германию для этой же цели 11 командиров РККА) дал для РККА весьма ценные результаты.

Полагал бы целесообразным и в этом году организовать взаимную поездку командиров в размере 1927 года.

С коммунистическим приветом
Ворошилов

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 87. Л. 123.

№ 2

Из данных IV управления* Штаба РККА по оценке вероятных противников СССР**

В случае возникновения большой войны против СССР мы, что можно считать уже несомненным, будем иметь следующих непосредственных военных противников:

а) главное направление – Западный театр: Польша, Румыния, Эстония, Финляндия, Латвия при организационном и материальном содействии “великих” и помощи некоторых “малых” держав;

б) вспомогательные операции. 1) В бассейне Черного моря – Англия, Франция. 2) В Балтике и Белом море – Англия, возможно, Франция. 3) Против Баку со стороны Персии и Ирака – Англия. 4) Против Среднеазиатских республик – Англия со стороны Индии, Афганистана, возможно, со стороны Персии.

Вероятные операции на нашем Дальнем Востоке – Япония, Китай. Несомненно, захват КВЖД. Масштаб и формы вспомогательных операций будут зависеть от конкретной обстановки в период войны.

Указанный перечень наших военных противников в случае, если война вспыхнет в ближайшие годы, следует считать скорее как минимум, нежели как максимум.

Главным кулаком против нас явится блок западных соседей, прежде всего Польша и Румыния. Основным “физическим” противником явится Польша.

Общая численность армий мирного времени пяти западных соседей примерно равна численности РККА и составляет 592 000 чел. Общая численность этих же пяти армий для военного времени в настоящее время исчисляется в 3 166 000 чел.

...В лимитрофах, а особенно в Польше и Румынии, созданы большие запасы обученного людского состава, значительно усиливаются кадры армий (в Польше и Румынии за последние годы наблюдается огромный призыв резервистов и на переобучение)...

---

* Разведывательное.

** Документ без даты.

С каждым годом (а сейчас особенно) усиливается конкретная помощь иностранных государств Польше и Румынии в укреплении их вооруженных сил, разрабатываются и улучшаются перспективы обеспечения этих армий на случай войны с СССР...

Штерн*

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 332. Л. 112–116.

№ 3

Из материалов военной игры на 3-м курсе основного факультета Военной академии РККА имени Фрунзе

1926 г.

Кризис плана Дауэса в Германии, особенно обострившийся общим кризисом капиталистического хозяйства, получившим толчок из Соединенных Штатов Северной Америки, привел Германию на край гибели и вызвал в ней новое обострение классово-борьбы. Крах внешней (недопущение в Лигу наций) и внутренней политики германского правительства, поддерживаемого социал-демократами, дал возможность германской компартии объединить вокруг своих лозунгов (рабоче-крестьянское правительство, конфискация помещичьих земель, национализация промышленности, союз с СССР) большинство рабочего класса и значительную часть крестьянства, повести их на решительный бой против реакционного правительства и захватить власть в решающих пунктах страны (Саксония, Тюрингия, Верхняя Силезия, Пруссия с Берлином, Гамбург, Вестфалия, Рурская область). Реакционные силы укрепились в Баварии; Англия и Франция организовали уже экономическую блокаду Германии и готовятся к вооруженному вмешательству в ее внутреннюю борьбу.

Польша, переживающая острый финансово-экономический кризис, опасаясь, что революция из Верхней Силезии перебросится и в нее, стянула крупные силы к границам Германии, выжидая начала общей интервенции в Германии.

Правительство СССР, поддержанное широкими трудящимися массами Союза, взяло на себя инициативу поддержания мира в Европе на основе полного как экономического, так и вооруженного невмешательства европейских государств в дела Германии. В соответствии с этим оно потребовало от Польши допущения транзита продовольствия в Германию на основе заключенных

---

* Штерн Г.М. – ответственный работник аппарата Штаба РККА.

ранее с нею договоров, а также прекращения стягивания польских войск к германской границе.

Ввиду отказа Польши и исчерпания всех попыток договориться о мире, СССР 1 мая 192... г. объявил Польше войну. Румыния немедленно присоединилась к Польше, начав военные действия на Днестре... Литва, мобилизовав свою армию, сохраняет дружественный по отношению к нам нейтралитет. Революционное правительство Германии за этот период продолжало стойко отбивать все контрреволюционные попытки и сделало значительные успехи в создании германской Красной Армии...

Кафедра политработы Военной академии РККА имени Фрунзе

РГВА. Ф. 33987. Он. 3. Д. 148. Л. 3–20.

№ 4

Из рукописи книги “Экономика войны”*

1928 г., Москва
Секретно

...Итак, война для нас неизбежна. Она решит вопрос о дальнейшем существовании Советского Союза и, следовательно, вопрос о путях развития мировой революции. Особенно важно то обстоятельство, что в будущей борьбе пролетариат, как исторически передовой класс, имеет все шансы на победу, если только он докажет “это также своей военной организацией”... Наша война по своему характеру будет классовою... В современных условиях страна, вступившая в войну, достигнет вершины своей военной мощи не ранее 12–16 месяцев, т.е. к моменту, когда окончатся реконструктивные процессы... когда экономические силы страны будут напряжены полностью. Если сюда добавить не менее 6–8 месяцев на развитие крупных операций и такой же срок на за-

* Рукопись книги подготовлена в 1928 г. преподавателями Военной академии РККА имени Фрунзе: Н. Васильевым, В. Левиным, Ф. Данцигером, Н. Мовчиным.

Эту рукопись “совершенно секретно”, “лично”, “срочно” 14 мая 1928 г. начальник Штаба РККА Б.М. Шапошников докладывал наркомку по военным и морским делам, председателю РВС СССР Ворошилову. Шапошников указывал, что авторы проявили “совершенно легкомысленный подход... к совершенно секретным сведениям, неправильный и вредный метод изложения секретно предмета.... На основании этого прошу, в качестве предварительных мер, изъять все экземпляры оттисков и передать их на хранение во II управление Штаба РККА, произвести обследование наличия отобранных экземпляров, порядка их печатания и хранения, причем все следы оттисков уничтожить, сдачу зачетов по этому курсу отменить...”

вершительный этап войны, то ее общую продолжительность мы должны принять от 2,5 до 3 лет. За длительность войны говорит также то обстоятельство, что нам придется вести войну прямо или косвенно против всего капиталистического мира, т.е. против противников, обладающих огромными материальными ресурсами. Классовая война неизбежно должна принять ожесточенный длительный характер...

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 148. Л. 148–165, 243.

№ 5

Из беседы де Кериллиса* с Хрипиным и Уншлихтом**

18 октября 1934 г.

В настоящее время русские далеко обогнали нас во всех типах авиации: истребительной, бомбардировочной, разведывательной – во всех деталях оборудования, во вспомогательной технике, в оснащении. Особенно разительно их превосходство в области тяжелых самолетов. Наши серийные типы находятся в стадии двухмоторных машин; их серийные типы – четырехмоторные... Хрипин сказал мне: “Мы стремимся к децентрализации авиационной промышленности, чтобы сделать ее менее уязвимой. Раньше наше авиационное производство находилось слишком близко от Москвы. Мы строим теперь новые заводы около Урала и в Сибири”.

Де Кериллис: Японские города, Берлин, промышленные центры восточной части Германии – находятся ли они теперь в пределах действия вашей бомбардировочной авиации?

Хрипин: Да. Мы отделены от Европы только морем...

Де Кериллис: Считаете ли Вы возможным химическую воздушную войну?

Хрипин: Да, мы работаем над этим... С другой стороны мы приучаем наше население к обороне... На заводах приучают рабочих носить противогазы.

[Далее мнение де Кериллиса]... В Париже официальная доктрина учит, что противогазовая (химическая) оборона является чистым вымыслом капиталистических фабрикантов противогазов... В Москве коммунизм учит, что эта оборона является эффективной, необходимой, неизбежной и что нужно

---

* Де Кериллис – французский журналист, издатель.

** Хрипин В.В. – начальник военной авиации; Уншлихт И.С. – начальник Главного управления ГВФ.

особенно старательно популяризировать ее в промышленных центрах... Авиация является триумфом советской власти... Русская авиация находится в положении, позволяющем ей напасть на всех своих врагов, не подвергаясь риску нападения с их стороны. Эти выводы вызывают тревожные размышления, так как, возможно, недалек тот день, когда Россия сможет осуществить нечто вроде воздушного господства над всей Европой и использовать его в своих моральных и национальных интересах.

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 506. Л. 181–188.

№ 6

Из записок доктора Клейста*

Апрель 1939 г.**

Германский посол в Варшаве 18.3.1939 г. заявил: “Польша никогда не капитулирует. Поляков нельзя сравнить с чехами. Поляки чувствуют себя в военном отношении очень сильными и готовыми на все, если дело примет серьезный оборот. На сегодняшний день мне кажется, что присоединение Данцига к Германии без германо-польской войны невозможно. Если у Польши возьмут хоть метр ее территории, она возьмется за оружие. Они будут бороться даже в том случае, если будут знать, что их борьба не принесет положительных для них результатов. Я больше не вижу никакой возможности поддержания германо-польского курса на соглашение... Но сегодня, смеясь, нельзя знать, что будет завтра”.

Д-р Клейст: “Война против Советского Союза остается последней и решительной задачей германской политики... Очевидно, что прежде чем вести войну с Россией при помощи Польши и через Польшу, ее сперва разделят территориально и реорганизуют в политическом отношении”.

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1237. Л. 213–222.

---

* Клейст – заведующий Восточным отделом Канцелярии германского министра иностранных дел фон Риббентропа. Клейст приводит слова германского посла в Варшаве. Из материалов советской разведки о военно-политическом положении в Европе.

** Дата получения документа.

Из записи беседы А.И. Микояна*
с представителями германской экономической делегации**

17 октября 1939 г.
г. Москва
Секретно

...Тов. Микоян заявил, что советская сторона, идя навстречу Германии, согласна увеличить размеры своих поставок против максимальных цифр в предыдущие годы, доведя их до 500 млн марок в год. По списку советских поставок советская сторона дает согласие поставить Германии, включая обязательства по поставке по соглашению о дрогобычской нефти, следующее количество нефтепродуктов: авиабензина – 100 тыс. т, автобензина – 200 тыс. т, газolina – 300 тыс. т, мазута – 200 тыс. т, смазочных масел и парафина – 100 тыс. т. Хлопка СССР согласен дать 100 тыс. т вместо предназначенных германской стороне 200 тыс. т.

Тов. Микоян заявил, что по вопросу о закупке металлов для Германии СССР, идя навстречу германской стороне, согласен взять на себя 30% расходов в долларах и гульденах с тем, чтобы остальные 70% за приобретение металлов оплатила Германия. Г-н Риттер благодарил за сообщение и просил решения по этим цифрам сегодня не высказывать до следующей встречи. Затем г-н Риттер спросил в отношении поставок руд, леса и масляничных культур***. Тов. Микоян ответил, что касается леса, то хотя цифры не установлены окончательно, но особых трудностей не

* Микоян Анастас Иванович – занимал посты наркома внешней торговли и заместителя председателя СНК СССР.

** На беседе кроме руководителей делегаций Микояна и Риттера присутствовали торгпред СССР в Германии Бабарин, заместитель торгпреда Будяков, члены обеих делегаций.

*** Германия хотела получить от СССР: платина – 1200 кг, содержащие золото остатки – на сумму 12 млн герм. марок, железная руда 4 млн т, хромовая руда – 180 тыс. т, марганцевая руда – 25 тыс. т, фосфаты – 2 млн т, металлический лом – 500 тыс. т, шерсть – 20 тыс. т, хлопок – 200 тыс. т, лен – 40 тыс. т, конопля – 40 тыс. т, шкуры и кожи – на 12 млн герм. марок, меха – на 8 млн герм. марок, дубильные вещества – на 1 млн герм. марок, сланцевый асбест – на 2 млн герм. марок, химические и фармацевтические изделия и целебные травы – на 4 млн 500 тыс. герм. марок, горная смола – 20 тыс. т, касторовое масло – 5000 т, льняное масло – 5000 т, резиновые отбросы, старая резина и дикий каучук – на 1 млн герм. марок, столярный клей (из костей и кожи) – 500 т, табак – на 4 млн герм. марок, минеральное масло и его производные – от 1,5 до 1,7 млн т, зерновые (по возможности кормовые) – 2 млн т, жмыхи – 500 тыс. т, отруби – 100 тыс. т, рыбная мука – 30 тыс. т, масляные культуры – 500 тыс. т, растительные масла – 25 тыс. т, масло – 20 тыс. т, бобовые –

встретится при их определении. Марганца мы можем дать в достаточном количестве. Поставка других руд, ввиду возросших потребностей внутри страны, встретит большие трудности, и этот вопрос еще выясняется. Что же касается масляничных культур, мы не можем ничего обещать. Нам неясно, почему германская сторона придает такое большое значение вопросу поставок масляничных культур, имея возможность провоза сои из Маньчжурии через СССР....

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1243. Л. 41–47, 3–4.

№ 8

Из Актовой записки о беседе Геринга* с Тевосяном**

29 марта 1940 г.

Берлин

Совершенно секретно

Беседа 1–1/2 часа без переводчика по предложению Геринга.

...Геринг усиленно подчеркивал исключительную дружбу Германии к Советскому Союзу, всячески старался показать это нам.... Неоднократно подчеркивал, что отношения должны быть основаны на взаимном доверии... Геринг сообщил нам – он накануне дал распоряжение по срокам поставки самолетов, именно: все самолеты должны быть поставлены в апреле–мае, за исключением “Ю-88” и “Дорнье 215”, которые будут поставлены в июне... Что касается самолетов, то он лично, как командующий воздушным флотом, дает слово, что все будет в порядке. “Самолеты получите в самый короткий срок. Еще не было случая, где я, Геринг, не сдержал бы своего слова... Вы можете быть уверены в том, что Германия сделает все, что она обязана сделать по договору”. Он считает, что интересы обеих стран требуют, чтобы Германия и СССР должны быть вместе. Это мнение фюрера. Это он решил твердо и бесповоротно. Об этом фюрер все время твердит нам. Это желание Гитлера известно дуче, об этом знают Англия и Франция.

Если бы не мирный договор с Финляндией, СССР пришлось бы воевать с Англией и Францией. Он лично все время говорил

---

90 тыс. т, яйца – 100 млн шт., кишки и желудки – 6000 т, лесоматериалы – на 120 млн герм. марок.

* Геринг Герман – министр авиации Германии.

** Тевосян Иван Федорович – с 1936 г. начальник Главка, с 1939 г. – народный комиссар судостроительной промышленности СССР.

финнам, что бессмысленно воевать маленькому государству с такой большой страной, и предлагал принять условия СССР. Он ежедневно следит за французской печатью, усиливающей травлю СССР, и видит, что французы хотят расширить фронт войны. Германия заинтересована в усилении Красной Армии, точно так же, [как] СССР заинтересован в усилении Германии. Он лично убежден в том, что Германия при всех условиях выйдет из этой войны победителем... Геринг обращается также к нам передать тов. Сталину следующие три просьбы: первая – об ускорении отгрузки зерна, вторая – об ускорении отгрузки нефтепродуктов, третья – об ускорении отгрузки металлов, в частности никеля...

Тов. Тевосян начал с того, что о дружественных отношениях Советского Союза к Германии Герингу достаточно известно. Об этом авторитетно сказано нашим руководством в выступлениях тов. Молотова, в беседах с тов. Сталиным. Эта дружба подтверждена хозяйственным соглашением от 11.2.1940 г., по которому мы взяли на себя серьезные обязательства помочь Германии дефицитным сырьем, металлом. Это доказано тем, что мы тут же после заключения договора начали грузить зерно, нефть. Больше того, мы грузили ежесуточно бензин и газойль, не дожидаясь заключения фирменного договора... Тов. Тевосян сказал далее, что же касается германских поставок, то до сих пор по договору Германия ничего не отгрузила в СССР, ни одной заклепки... Геринг перебил т. Тевосяна и заявил, что он о таком отношении не был никем информирован, очень сожалеет о замедлении с немецкой стороны, возмущен этим... Далее Геринг заявил, что с этого разговора все пойдет по-иному. “Даю честное слово, я этому гарантирую”.

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1305. Л. 210–211.

№ 9

Из сообщения фон Шуленбурга Молотову

8 апреля 1940 г.

г. Москва

Весьма секретно

По просьбе германского правительства бухта Западная Лица* 10 октября 1939 г. была представлена Правительством СССР в распоряжение германского военного флота для нижеследующих нужд: починка и снаряжение судов, снабжение судов продовольствием, горючим и прочими материалами, а также как место

---

* Западная Лица – бухта в Мотовском заливе Баренцева моря.

стоянки для военных кораблей, судов для снабжения и плавучих мастерских. В течение зимы с Народным Комиссариатом Военно-Морского Флота СССР были согласованы все детали и со стороны германского военного флота стационарованы в выше-названной бухте суда для снабжения “Ян Веллем” и “Фениция”, а также урегулирован вопрос, каким образом судно “Ян Веллем” будет выходить в море для осуществления снабжения и вновь возвращаться в бухту.

После того как все приготовления были сделаны на основании взаимной договоренности, “Ян Веллем” 3-го сего апреля получил от Германского Главного Военно-Морского Командования приказ выйти в море для выполнения особого поручения и после того вернуться в бухту Западная Лица. Согласно имеющейся договоренности, об этом в срочном порядке было сообщено Народному Комиссариату Военно-Морского Флота СССР с просьбой обеспечить немедленный выход названного судна в море... Народный Комиссариат ВМФ СССР сообщил, что “Ян Веллем” по причине “некоторых осложнивших положение обстоятельств” может выйти в море только при условии, если он после произведенной им операции не вернется вновь в бухту Западная Лица. Требование советской стороны, чтобы пароход “Ян Веллем” не вернулся больше на свое место стоянки, поставило не только означенное судно в тяжелое положение, но и под знак вопроса предлагаемую операцию. Принимая во внимание срочность возложенного на пароход “Ян Веллем” поручения, Германское Главное Военно-Морское Командование решило принять советские условия. Таким образом, пароход “Ян Веллем” с опозданием в 37 часов был выпущен из бухты Западная Лица 6-го сего апреля в 8 час. утра. Германская сторона сожалеет, что ввиду вышеупомянутого условия пароход “Ян Веллем” должен быть возвращен обратно в Германию. Все приготовленное для него оборудование и снаряжение таким образом обесценено, так как оно было предусмотрено исключительно для места стоянки в бухте Западная Лица. Кроме того, это требование в значительной степени умаляет для германского военного флота значение предоставленной ему бухты Западная Лица, так как все операции, производимые при помощи этой бухты, могут осуществляться только тогда, когда можно безусловно и надежно рассчитывать на быстрое и беспрепятственное функционирование всей организации...

С.З. Случ

ПОЛЬША
В ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.
1938–1939

В конце 30-х годов Польше суждено было сыграть крайне важную, до сих пор все еще не получившую должной оценки роль в истории, которая оказала большое влияние на развитие, продолжительность и в конечном счете на политические итоги второй мировой войны. Эта роль не была predeterminedена ее историческим развитием, не являлась она и результатом целенаправленных действий польского правительства на международной арене. Вместе с тем именно позиция последнего в силу взаимодействия целого ряда преимущественно внешних факторов *volens-polens* обрела на определенном этапе ключевое значение, во многом скорректировав или даже определив расстановку главных действующих сил на Европейском континенте в 1939 г. и их конкретные шаги. Две другие стороны этого поначалу отнюдь не равностороннего силового треугольника, развитие событий в котором в решающей степени predeterminedило судьбу Польского государства еще до начала второй мировой войны, составляли нацистская Германия и Советский Союз. Будучи уже геополитически обречено на столь “неудобное” соседство, политическое руководство Польши, тем не менее, проводило во второй половине 30-х годов весьма амбициозную внешнюю политику, во многом лишенную реалистической оценки ближайших перспектив международного развития. Стремясь упрочить свои отношения с Берлином и опираясь не в последнюю очередь на его поддержку, чтобы реализовать свои территориальные претензии к другим государствам, Варшава тем самым шаг за шагом значительно сужала свои возможности для маневра, ухудшала собственные международные и военно-стратегические позиции. Особенно это стало заметно в условиях разворачивавшейся экспансии третьего рейха на континенте, когда Польша вновь оказалась в поле зрения Гитлера, хотя еще и не в качестве объекта его агрессивной политики.

На протяжении десятилетий для советской историографии априори не существовало проблемы совместной политики Москвы и Берлина в отношении Польши. Но и изучение советско-польских и германо-польских отношений накануне второй мировой войны, что называется раздельно, тоже не привлекало сколько-нибудь значительного внимания советских историков. Причиной тому было не отсутствие документов, а обилие крайне “неудобных” фактов, явно не вписывавшихся в официальную трактовку предвоенных событий. Правда, в общих работах по истории международных отношений, внешней политики Германии и СССР можно было встретить набор не отличавшихся разнообразием клише, представлявших сложную картину предвоенной международной обстановки исключительно в черно-белых тонах. Вот несколько типичных примеров такого насквозь идеологизированного подхода, когда зачастую не получалось даже свести концы с концами, что впрочем никого не смущало.

“Проводя агрессивную, империалистическую внешнюю политику, правящие круги Германии и Польши считали тем более естественным сотрудничество против СССР”¹. “Рука об руку с гитлеровцами действовали реакционные правящие круги Польши, также мечтавшие о захвате чужих земель, прежде всего советских, о ликвидации Советского государства”². При этом “правящая верхушка Польши ставила на первое место не жизненные интересы польского народа, не защиту его от германской агрессии, а свои узкоклассовые интересы... Польские правители больше всего опасались, что сотрудничество Польши с Советским Союзом может усилить в стране симпатии к идеям социализма”³. Поэтому “усилия Советского правительства, направленные на улучшение советско-польских отношений, наталкивались на сопротивление польского антинародного правительства”⁴. В итоге, “отказавшись от помощи Советского Союза, интересы которого совпадали с интересами польского народа в борьбе против агрессии германского империализма, польское правительство взяло курс на участие в сговоре западных держав с Германией, хотя было очевидно, что эта сделка будет осуществлена за счет самой Польши”⁵. Тем временем “Советский Союз, будучи, в отличие от Англии, глубоко заинтересован в том, чтобы Польша не была уничтожена, со своей стороны, был готов бросить на чашу весов войны и мира всю свою мощь ради независимости и неприкосновенности Польши”⁶. С этой целью, “несмотря на утверждения руководителей Англии и Франции, что Польша не желает предоставления ей помощи, Советское правительство предприняло важный шаг: предложило правительству Польши в двустороннем порядке договориться о взаимной помощи против агрессии”⁷.

В конце 80-х – начале 90-х годов в советской, а затем в российской историографии произошли заметные сдвиги в освещении предыстории второй мировой войны, в том числе советско-германских и советско-польских отношений. Их изучение стало основываться преимущественно на документах и исторических фактах, а не на идеологических схемах и заранее подогнанных выводах. Процесс этот по существу только начался и развивается он совсем не просто – рецидивы старых подходов и реанимирование лишь слегка модифицированных стереотипов можно обнаружить даже в публикациях самого последнего времени⁸. Впрочем это, наверное, естественно. Ведь, перестав быть орудием монополизированной идеологической борьбы, российская историография новейшей истории начинает походить на науку и становится сферой столкновения самых различных позиций, в том числе и унаследованных от советской историографии.

К началу 1938 г. никогда не отличавшиеся теплотой отношения СССР и Польши несли на себе отпечаток явных “заморожек”. На протяжении последних двух лет не прекращалась резкая полемика в печати, порой выходящая за рамки всякого приличия. Особым нападкам со стороны центральных органов советской печати подверглось польское министерство иностранных дел, характеризовавшееся как “варшавский филиал г-на Геббельса”⁹, его глава полковник Ю. Бек представляется в качестве “коммивояжера фирмы “Гитлер и К””¹⁰ и даже как “гитлеровский шпион”¹¹. Важным показателем неблагополучия в советско-польских отношениях являлось и длительное отсутствие в Варшаве полпреда СССР (с ноября 1937 по июнь 1939 г.), что, конечно, понижало возможности советской дипломатии в польской столице. Среди причин, объясняющих подобную позицию Советского Союза, можно выделить, на мой взгляд, две основные: 1) глубоко укоренившуюся неприязнь Сталина к Польше еще со времени поражения в польско-советской войне 1920 г. и 2) прогерманский крен во внешней политике Бека. Последнее, естественно, не могло не сказаться и на оценках, поступавших по дипломатическим каналам. В Наркоминдел шла информация, представлявшая Польшу страной, где “возможная тотализация и без того уже фашистского режима, несомненно, будет толкать пилсудчиков еще больше, чем раньше, в объятия Гитлера”¹², а отношения с ним представлялись важной частью “польских планов в сколачивании антисоветского блока и борьбы с Советским Союзом”¹³. Однако при этом состояние вооруженных сил Польши оценивалось весьма и весьма пренебрежительно¹⁴.

Конечно, наметившийся вскоре после прихода Гитлера к власти явный крен во внешней политике Польши к сближению с

третьим рейхом (по инициативе Берлина) не только нарушал так называемый принцип равноудаленности от Германии и СССР, сформулированный во второй половине 20-х годов Ю. Пилсудским, но и наносил серьезный удар по всей системе международных отношений в Европе, в значительной степени нейтрализуя одно из центральных звеньев французской системы безопасности на континенте¹⁵. И тем не менее эта тенденция в польской внешней политике имела вполне определенные границы, которые нельзя было при желании не заметить¹⁶. Разумеется, Польша сама по себе не могла представлять угрозы для СССР, даже создавать серьезную напряженность на его западных границах. И это прекрасно понимали в советском руководстве, но доминировавшее во внешней политике СССР влияние субъективного фактора наряду с усилением прогерманских тенденций во внешней политике Варшавы и одновременно наличие в ней антисоветского комплекса сформировали у Сталина и, соответственно, Наркоминдела устойчивый антипольский синдром. Стержнем его являлась лишь внешне слегка прикрытая враждебность по отношению к государству, стабильное существование которого объективно отвечало насущным геостратегическим интересам Советского Союза. Однако для Сталина не существовало понятия “сбалансированного компромисса интересов”. Для него значимыми величинами во внешней политике были прежде всего “сила” и “страх”, что в полной мере проявилось в отношении Польши в 1938–1939 гг.

В этой связи весьма симптоматична позиция советского руководства в польско-литовском конфликте¹⁷ в марте 1938 г. На протяжении многих десятилетий советские историки, манипулируя фактами и документами, пытались создать впечатление, что исключительно “вмешательство Советского правительства предотвратило захват Литвы Польшей и Германией”¹⁸.

В действительности никакой поддержки Литва в тот момент не получила и не могла получить. По всей видимости, в Кремле считали, что, хотя отныне Польша еще активнее “будет стремиться к дальнейшему проникновению в Литву и к усилению своего влияния в Прибалтике”¹⁹, однако при этом она неизбежно столкнется там с интересами других держав, прежде всего Германии и Англии. Вместе с тем в условиях незначительного, постоянно сокращающегося международного веса СССР и его несоюзоспособности, как следствие внутренней репрессивной политики тоталитарного режима, резко ослабившей вооруженные силы страны, любая вовлеченность в международный конфликт в условиях нарастающей международной изоляции Москвы была чревата серьезными осложнениями. К тому же в случае с поль-

ско-литовским конфликтом ставка была явно незначительна, польский ультиматум Литве весьма умерен, да и внимание других держав направлено после аншлюса Австрии совсем в другую сторону.

Но, может быть, избранная тактика – общие слова и декларации о заинтересованности в разрешении польско-литовского конфликта “исключительно мирным путем”, о “сохранении полной независимости за литовским государством”²⁰ и т.п., в избытке произносимые руководством Наркомаиндела под аккомпанемент игры в дипломатическую активность, была вполне оправдана и ничего, кроме дивидендов, особенно в исторической перспективе, принести не могла? Напротив. Видимость участия, продемонстрированная советской дипломатией в польско-литовском конфликте, не только не оказала никакого влияния на его исход, но заметно повлияла на оценку возможностей СССР (весьма ограниченных) как в Варшаве²¹, так и в Берлине²², что имело серьезные последствия в преддверии чехословацкого кризиса.

Отношения СССР с Польшей в ходе развивавшегося кризиса вокруг Чехословакии по существу не претерпели серьезных изменений. В решающей мере это объяснялось общей пассивностью советской внешней политики (не дипломатии!) в вопросе о Чехословакии, которая фактически была Сталиным “списана в убыток” еще в конце марта 1938 г.²³

Проблема, которая могла немало осложнить советско-польские отношения на протяжении мая–сентября 1938 г., была связана с возможностью прохода Красной Армии в случае необходимости на помощь Чехословакии через территорию Польши. Однако этого не произошло. Вскоре после заключения советско-чехословацкого договора о взаимопомощи советские официальные лица заверяли Э. Бенеша (в то время министра иностранных дел), что СССР окажет Чехословакии помощь вне зависимости от того, есть у него соглашение с сопредельными странами на этот счет или нет²⁴. К весне 1938 г., когда угроза независимости и целостности Чехословакии стала реальной, эта позиция кардинально изменилась. Теперь уже признавалось наличие “неизбежно ограниченных” возможностей для оказания советской помощи в случае отказа Польши и Румынии предоставить право прохода войск через их территорию. О несанкционированном проходе советских войск через территорию вышеупомянутых государств не могло быть, разумеется, и речи, так как в подобном случае СССР мог быть признан агрессором²⁵. Однозначно жестко негативная позиция польского правительства в вопросе о проходе советских войск была хорошо известна в Москве по самым различным каналам. Тем не менее она ни разу не стала предметом обсуждения между

советскими и польскими дипломатами. И в этом не было ничего удивительного.

В военном руководстве СССР, насколько можно судить по ставшим недавно известными документам, вообще не рассматривали подобной возможности. В памятной записке наркому обороны К.Е. Ворошилову от 24 марта 1938 г. начальник Генштаба РККА Б.М. Шапошников при оценке международной обстановки исходил из того, что у Советского Союза “наиболее вероятные противники на Западе – Германия и Польша”. Из документа явствует, что советский генштаб не располагал ни конкретной информацией об оперативных планах своих противников, ни данными о стратегическом развертывании их сил, но вместе с тем исходил из некоей приблизительной картины развертывания “главных сил германо-польских армий” против СССР²⁶. При этом нападение этих же сил на Чехословакию упоминалось как бы между прочим, и не более. Разумеется, на основании одного, даже столь важного документа, трудно в полной мере судить о степени разработанности и подготовки тех или иных вопросов в главном военно-планирующем органе страны, и тем не менее очевидно следующее: в генштабе неверно оценивали характер польско-германских отношений, не располагали необходимой информацией оперативно-стратегического характера о намерениях, планах и возможном развертывании сил потенциальных противников СССР и, наконец, не рассматривали вариант действий советских войск в ходе эвентуального развития событий вокруг Чехословакии²⁷. Последнее, как и оценка состояния польско-германских отношений, безусловно отражали мнение Сталина на этот счет, что нашло свое подтверждение в последующие месяцы. Во всяком случае вопрос о пропуске Красной Армии через территорию сопредельных государств явно не относился к числу актуальных оперативных проблем в советском генштабе, давно переключав в арсенал исключительно дипломатических средств, способных, с одной стороны, безотказно затруднить или торпедировать достижение соглашения по любому вопросу, а с другой – постоянно оправдывать свою фактическую пассивность и желание остаться вне международных конфликтов, пока участие в них с опорой на одну из сторон не должно было принести, с точки зрения Сталина, ощутимые, прежде всего территориальные выгоды.

Позиция СССР в ходе “майского кризиса” вокруг Чехословакии²⁸ в основных чертах повторяла ситуацию мартовского польско-литовского конфликта. Правда, в отличие от последнего Наркоминдел занимал совершенно пассивную позицию²⁹, в полной мере реализуя ту новую линию Кремля на международной арене, о которой писал Литвинов в уже упоминавшемся письме

Александровскому в конце марта: “Моя декларация (речь идет об интервью, данном представителям печати 17.03.1938 – С.С.)³⁰ является, вероятно, последним призывом к Европе о сотрудничестве, после чего мы зайдем, по-видимому, позицию малой заинтересованности дальнейшим развитием дел в Европе”³¹.

Конечно, это совсем не означало, что советская дипломатия не интересовалась ролью Польши в разворачивавшемся чехословацком кризисе и, особенно, польско-германским сотрудничеством в нем. Напротив. Однако при этом Москва предпочитала действовать за кулисами. К примеру, еще в начале апреля заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин направил следующие инструкции полпреду СССР во Франции Я.З. Сурицу: “пользуясь нашими дружественными связями с такими журналистами, как Пертинакс, Бюрэ, Табуи и др.”, организовать “антипольскую кампанию во французской прессе, разъясняя изменническую роль Бека и судьбу, ожидающую Польшу, если она и дальше пойдет по пути, намеченному Гитлером”³².

Как же представлял себе путь, намеченный Гитлером для Польши, один из руководителей Наркоминдела, весьма доверенное в то время Сталину лицо? В том же письме Сурицу Потемкин уверенной рукой (без заметных оговорок) рисует картину будущего развития событий в треугольнике Берлин – Варшава – Москва: “Германия рассчитывает на Данциг и Мемель, Польша – на Литву, Латгалию и даже Либаву. Вполне правдоподобно, что Гитлер разжигает эти аппетиты Польши. Расчет его достаточно ясен. О нем говорил в свое время тов. Сталин Лавалю, в бытность последнего в Москве³³. Гитлер учитывает неизбежность разгрома Польши нашими войсками. Когда мы зайдем некоторые области Польши (подчеркнуто мной. – С.С.), Германия сделает то же самое со своей стороны. Фактически, выполняя план Германии, Польша готовит себе четвертый раздел и утрату национальной независимости”³⁴.

Это сугубо “доверительное” письмо заместителя наркома иностранных дел позволяет несколько расширить наши представления о планах высшего советского руководства, как в отношении Польши, так и Германии. Из письма следует, что Сталин уже весной 1938 г. не исключал возможности советско-польской войны и раздела Польши совместно с Германией. Содержавшиеся в письме Потемкина инструкции по организации антипольской кампании во французской печати наводят на мысль, что рассуждения о будущей судьбе Польши предназначались в известной мере не только для сведения полпреда. После соответствующей обработки и “упаковки” эта информация должна была так или иначе достичь и Варшавы, и Берлина. Данное предположение

подтверждается фактом публикации во второй половине апреля 1938 г. статьи В. Гальянова (псевдоним Потемкина)³⁵ “Куда идет Польша”, в которой почти дословно, а в чем-то даже более обнаженно, чем в письме Сурицу, высказывались прогнозы относительно будущего развития событий на границах СССР. Их квинт-эссенцией стал, несомненно, следующий пассаж: “Гитлер хочет спустить Польшу против Советского Союза... чтобы двинуть и свои полки (подчеркнуто мной. – С.С.) на польскую территорию. Гитлеру нужно, чтобы Польша была стерта в прах между двумя жерновами... Гитлер готовит Польше четвертый раз-дел”³⁶.

В указанной статье читатель тщетно будет искать хотя бы намек на решимость советского руководства со своей стороны сделать все возможное, чтобы не допустить подобного развития событий, не стать одним из жерновов, с помощью которого должно быть уничтожено соседнее государство. Зная, как в действительности развивались события спустя полтора года после публикации статьи Потемкина, можно отметить, пожалуй, лишь одно “отклонение” от предложенного весьма квалифицированного прогноза – Советский Союз довольствовался ролью наковальни. Из чего можно заключить, что польское руководство не пошло “по пути, намеченному Гитлером”³⁷, чего нельзя сказать о Сталине.

Вместе с тем советская дипломатия стремилась избегать, по возможности, осложнений в отношениях с Польшей, хотя последняя все активнее втягивалась в античехословацкую кампанию. Так, несмотря на то что позиция Польши на международной арене постоянно подвергалась резкой критике в дипломатической переписке и на страницах советской печати, в ходе нескольких встреч Потемкина с Гжибовским на протяжении лета 1938 г. ни разу не поднимался вопрос о позиции Польши в связи с нараставшей напряженностью вокруг Чехословакии. Польша оставалась единственным государством, по-прежнему сохранявшим на территории СССР целых три консульства, в то время как другие в условиях прогрессирующей шпиономании сталинского руководства и курса на изоляцию страны от внешнего мира должны были либо свести их до 1–2, либо закрыть вообще.

Эта линия наглядно проявилась и в советско-польских дипломатических отношениях летом 1938 г. Реакция Москвы на полицейские акции в отношении советских представительств в Польше, включая дипломатов и членов их семей, хотя и приобрела, мягко говоря, нетрадиционную в дипломатическом обиходе форму³⁸, тем не менее по существу не повлияла на состояние межгосударственных отношений. Пройдя в середине августа 1938 г.

свой апогей, инцидент в основном был исчерпан, и рутинная дипломатическая жизнь вошла в свое привычное русло. Все это вместе взятое явно свидетельствовало о стремлении советского руководства избежать усиления напряженности в отношениях с Варшавой, которая в условиях нарастающей изоляции Советского Союза на международной арене и обострения кризиса вокруг Чехословакии могла увеличить опасность втягивания СССР в европейский конфликт.

Министр иностранных дел Польши Ю. Бек и его окружение рассчитывали на то, что, по мере обострения чехословацкого кризиса и затягивания дипломатической борьбы вокруг него, роль Польши будет неизбежно возрастать. Однако события приняли иной оборот. Политика “умиротворения” близилась к своей кульминации, и дело дошло до прямых контактов между премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом и Гитлером. В Варшаве стали не без оснований полагать, что Польша может оказаться “вне игры”, когда дело дойдет до дележа “добычи”. В подобной обстановке польское руководство решило провести внушительную демонстрацию силы, призванную произвести впечатление сразу в трех столицах – Праге, Берлине и Москве. С этой целью в южной части Силезии была произведена значительная концентрация войск, адресованная прежде всего Праге на случай ее сопротивления польским требованиям³⁹. Несколько ранее, в середине сентября на Волыни, пограничном с СССР воеводстве, прошли крупные маневры Войска Польского, в которых приняли участие генеральный инспектор вооруженных сил маршал Э. Рыдз-Смиглы и министр обороны генерал Т. Каспицки. По их завершении 19 сентября в Луцке состоялся, как отмечала польская пресса, “крупнейший военный парад в истории независимой Польши” с участием всех родов войск, продолжавшийся 7 часов⁴⁰. Очевидно, что в этом случае адресатом была Москва, в связи с чем германская пресса не без удовольствия констатировала: “Эти демонстративные маневры должны служить доказательством того, что Польша в состоянии остановить проход советской армии в направлении Чехословакии”⁴¹. Последнее обстоятельство должно было, как полагали в Варшаве, повысить акции Польши в глазах нацистского руководства.

Пока не удалось обнаружить никакой информации о том, как реагировала Москва на это “поигрывание мускулами” в период до 21 сентября 1938 г. Но в этот день нарком обороны СССР маршал К.Е. Ворошилов направил директиву военному совету Киевского Особого военного округа о проведении крупных учений войск округа в непосредственной близости от советско-польской границы (Волочиск, Проскуров, Каменец-Подольск, гос. грани-

ца)⁴². Симптоматично, что директива была отдана тогда, когда маневры польской армии уже завершились, хотя проведение крупных войсковых учений по обе стороны границы, одновременное или почти одновременное, могло иметь большой политический эффект, однако было чревато инцидентами, особенно в воздушном пространстве. Проведение советской стороной маневров в более поздние сроки – лишнее свидетельство нежелания Кремля подвергать себя риску втягивания в конфликт, тем более “по недоразумению”.

22 сентября полпред С.С. Александровский после беседы с министром иностранных дел Чехословакии К. Крофтой направил в НКВД срочную телеграмму, содержащую просьбу чехословацкого правительства обратить “внимание Варшавы на то, что советско-польский пакт о ненападении перестанет действовать в тот момент, когда Польша нападет на Чехословакию”. Обращение Крофты было мотивировано тем, что “Польша сосредоточивает на всем протяжении границы с Чехословакией войска в походном состоянии”⁴³. Трудно себе представить, что до получения этой телеграммы в Наркоминделе и других ведомствах не знали о демонстрации силы поляками на чехословацкой границе. Причем именно о демонстрации силы, так как создание военной группировки, предназначенной для оккупации Тешинской области, началось только 23 сентября⁴⁴. Разумеется, в Москве об этом знали, но никак не реагировали. Тут же последовала реакция – буквально молниеносная и, на первый взгляд, внушительная. Телеграмма Александровского была получена вскоре после 21 часа, Потемкин вызвал временного поверенного в делах Польши Т. Янковского в Наркоминдел уже около 4 часов утра 23 сентября и зачитал ему заявление правительства СССР польскому правительству, в котором последнее ставилось в известность, что при определенных обстоятельствах, связанных с éventуальными действиями польских вооруженных сил в отношении Чехословакии, правительство СССР “вынуждено было бы без предупреждения денонсировать” советско-польский договор о ненападении 1932 г.⁴⁵ Польскому дипломату было предложено незамедлительно поставить в известность свое правительство об этом заявлении⁴⁶.

Содержание этого советского демарша и вся обстановка, связанная с его вручением, были прежде всего рассчитаны на внешний эффект. Оставляя за скобками целый ряд совершенно очевидных, в том числе юридических нелепостей, содержащихся в заявлении советского правительства, оно никак не увязывалось (даже косвенно) с начинавшимися военными маневрами Киевского военного округа в непосредственной близости от советско-

польской границы; в нем не было и намека на то, что эвентуальные действия Польши направлены против территориальной целостности государства, связанного с СССР договором о взаимной помощи; наконец, в заявлении отсутствовали какие-либо требования к польскому правительству, за исключением выступления с опровержением факта концентрации войск на польско-чехословацкой границе. Таким образом, несмотря на обстановку некой театрализованной экстраординарности, сопровождавшей вручение заявления советского правительства польскому поверенному в делах, за ним стояла отнюдь не активная поддержка Чехословакии, а лишь ее видимость, не уверенность в своей мощи, а только камуфляж слабости и беспомощности. Как очень точно охарактеризовал эту внешнеполитическую акцию спустя некоторое время Литвинов, она носила лишь “условный характер”⁴⁷.

И в Варшаве это поняли очень быстро. Ответ польского правительства был вручен Потемкину уже вечером 23 сентября. Он был предельно лаконичен и по резкости находился на грани допустимого в дипломатическом обиходе: в весьма недвусмысленной форме советскому руководству давали понять, чтобы оно не вмешивалось не в свои дела⁴⁸. Несомненно, это была самая откровенная дипломатическая пощечина, которая стала возможна только в отношении государства, чьи позиции на международной арене в тот момент котировались крайне низко.

Симптоматична и официальная реакция Москвы на этот дипломатический реприманд Польши. Она последовала лишь спустя 3 дня, что, возможно, объясняется тем, что Потемкин смог попасть на прием к Сталину только 25 сентября вечером⁴⁹. На следующий день под неброским заголовком “В Наркоминделе” были опубликованы заявление правительства СССР и польский ответ на него, сопровождаемый небольшим комментарием. В нем, в частности, говорилось: “В своем ответе польское правительство спешит заявить, что меры, вызвавшие предупреждение Советского правительства, предпринимаются лишь для обороны Польской Республики. Такое заявление было бы, пожалуй, утешительно, если бы в понятие обороны польское правительство вкладывало смысл, общепринятый в человеческом обиходе... Дальнейшие события покажут, предпочитает ли Польша общечеловеческое или же специфически японское толкование обороны”⁵⁰. И все. Подобного рода формулировки весьма типичны для ситуации, в которой не только не предусматриваются активные действия, но и сама проблема вряд ли впредь будет приковывать внимание. Так оно и произошло. Большая советская пресса не возвращалась к проблеме советско-польских отношений в связи

с явно не оборонительными действиями Варшавы в ходе заключительной стадии развития чехословацкого кризиса. А вскоре и сама тема как бы перестала существовать, поскольку Польша, предъявив Праге ультиматум, оккупировала Тешинскую область в рамках так называемого урегулирования проблемы “национальных меньшинств” в Чехословакии, инициированной руководством третьего рейха и активно поддержанной польским правительством.

Суммируя позицию СССР в отношении Польши на протяжении развития чехословацкого кризиса, представляется возможным на основании доступных документов прийти к следующим выводам. В силу целого комплекса причин советское руководство стремилось весной–осенью 1938 г. остаться вне тех осложненных международной обстановки, которые были вызваны прежде всего динамизмом экспансионистской политики нацистской Германии. Этим стремлением в решающей степени определялось и в основном нейтральное отношение к действиям Польши в тот период, при всем отчетливом понимании в Москве, что “в германских планах разрешения чехословацкого вопроса Польша играет активную роль”, что она “все более и более открыто выступает как фактический участник блока агрессоров” и “открыто провоцирует обострение Тешинского вопроса”⁵¹.

Действия советского руководства в 1938 г. дают весьма серьезные основания для вывода о нежелании изначально выводить поддержку Чехословакии за рамки публичных деклараций и тайной дипломатии. Все ссылки на мобилизационные мероприятия, проведенные в ряде военных округов СССР в 20-х числах сентября, и на маневры вблизи границы с Польшей, как якобы решающее свидетельство желания Кремля оказать помощь Чехословакии, даже выходящую за пределы договорных обязательств⁵², не могут служить доказательством (тем более единственным!) наличия соответствующей политической воли и необходимых для ее реализации решений⁵³. Что же касается осуществления ряда мобилизационных мер и даже маневров, то без предварительного решения целого комплекса кардинальных вопросов, связанных с проходом войск через территорию сопредельных государств (Польши и Румынии), или, как минимум, разрешения на использование их воздушного пространства для авиационной поддержки Чехословакии, без координации действий генеральных штабов и т.д. эти шаги советского руководства оставались всего лишь демонстрационными акциями, имевшими чисто политическую окраску, к тому же с весьма ограниченным эффектом. В Наркоминделе, по-видимому, уже давно осознали, что скрывается за подобного рода действиями⁵⁴, да и в Варшаве тоже. Так,

информируя польского посла в Берлине о советских маневрах, Бек писал: “Характер демонстраций был отчетливо политический, а формы порой прямо-таки юмористические. С военной точки зрения, это до сих пор не имеет большого значения. Вместе с тем очевидно желание обратить наше внимание на демонстрации, которые мы оставляем незамеченными”⁵⁵.

В Варшаве испытали немалое разочарование после того как Польша не была приглашена ни в каком качестве на Мюнхенскую конференцию, явно не устроили ее и принятые там решения, отводившие трехмесячный срок на урегулирование проблем польского и венгерского национальных меньшинств “путем соглашения... между заинтересованными правительствами”⁵⁶. Поэтому польское руководство решило действовать незамедлительно и предъявило Праге на исходе дня 30 сентября жесткий ультиматум с требованием о передаче Тешинской области в состав Польши. Срок ультиматума истекал в полдень 1 октября, в случае отказа Польша была готова предпринять “военные меры”⁵⁷.

Однако, несмотря на весь внешний гонор, нервы у Бека все-таки не выдержали и он, пригласив к себе германского посла фон Мольтке, поставил перед ним вопрос: что предпримет Германия в случае польско-советского конфликта. В распоряжении исследователей находится ряд версий ответа рейхсминистра Риббентропа на этот вопрос в ходе беседы с польским послом 1 октября. Приведу две официальные, т.е. нашедшие отражение в отредактированной письменной форме. В донесении Липского Беку констатировалось: Риббентроп “дал отчетливо понять, что германское правительство оказало бы помощь”⁵⁸. В то же время окончательный вариант немецкой записи (после редакции Риббентропа) оставлял несколько иное впечатление об этой беседе. Согласно ему рейхсминистр заявил: “Если Советский Союз предпримет военное наступление против Польши, что я, однако, считаю исключено, то тогда для Германии в чехословацком вопросе возникла бы совершенно новая ситуация”⁵⁹. Таким образом, поддержка Берлином польского экспансионизма, могущего повлечь за собой резкое обострение международной обстановки, связанное с незапланированной вовлеченностью в конфликт с СССР, вовсе не выглядела столь безусловной, как на то рассчитывали в Варшаве.

Но Бек зря волновался. В Кремле и не думали предпринимать ничего серьезного в связи с действиями Польши. Посетивший утром 1 октября Наркоминдел чехословацкий посланник Фирлингер на вопрос о намерениях СССР в связи с польским ультиматумом Праге получил весьма уклончивый ответ Потемкина о необходимости выждать, что предпримут державы, подписавшие Мюнхенское соглашение⁶⁰. При этом было полностью

предано забвению “строгое предупреждение”, сделанное советским правительством Польше всего 8 дней назад. На этот раз Сталин решил не прибегать к аффектации, даже ради соблюдения остатков престижа на международной арене, и ничем не отягощать и без того создавшееся напряжение в советско-польских отношениях.

Спустя непродолжительное время Литвинов попытался задним числом оправдать это полностью безучастное поведение СССР в отношении польского экспансионизма (Наркоминдел даже не направил ноты протеста), переложив всю ответственность за пассивность Москвы на... Чехословакию. Развивая свою аргументацию, нарком раскрыл в служебном письме Александровскому истинные масштабы советских действий, если бы дело дошло до польско-чехословацкого вооруженного конфликта. “Неясным представляется также поведение Чехословакии в отношении Польши и Венгрии, – писал нарком. – Если пришлось капитулировать перед Гитлером, то чехословацкая армия, казалось, была достаточно сильна, чтобы оказать сопротивление Польше. Если бы мы даже и не считали нужным выступать против Польши, то после нашего предупреждения ей все же приходилось бы оглядываться на Восток и оставить значительные силы на советско-польской границе. Не исключено, что мы с этой целью произвели бы некоторую перегруппировку сил на границе”⁶¹ (подчеркнуто мной. – С.С.).

Таким образом, развитие чехословацкого кризиса и его кульминация в Мюнхене, откровенно экспансионистская политика Польши, ставшей, по образному выражению одного немецкого дипломата, “гиеной поля боя”⁶², хотя и обострили советско-польские отношения, но не привели к резкому ухудшению последних, если учесть их привычно невысокий фон. Прошло несколько недель после Мюнхена и сначала Варшава, а затем и Москва начали предпринимать шаги по дипломатическим каналам, чтобы продемонстрировать стремление к улучшению двусторонних отношений. Правда, это произошло лишь тогда, когда как польское, так и советское руководство обнаружили в некоторой стабилизации между двумя странами, или даже только ее видимости, дополнительные возможности для себя в сложной игре с нацистской Германией.

Нараставшая на протяжении 1938 г. изоляция СССР на международной арене, обусловленная целым рядом внутренних и внешних факторов, достигла своей кульминации в момент подписания Мюнхенского соглашения. Для сталинского внешнеполитического курса трудно было придумать худший вариант развития событий, чем тот, который завершился договоренностью че-

тырех держав в Мюнхене. И дело было вовсе не в ее сути, т.е. не в судьбе Чехословакии, а главным образом в том, что она, эта договоренность как таковая, вообще состоялась, сведя во многом на нет многолетние усилия Кремля по натравливанию одних держав на другие. В конечном счете любое другое разрешение чехословацкого кризиса, включая войну, даже крупномасштабную, было бы для Сталина более приемлемо, чем то, что произошло в Мюнхене. В результате СССР оказался в очень сложном положении, когда от внешнеполитических решений его высшего руководства в последние месяцы 1938 г. мало что зависело.

К сожалению, исследователям по-прежнему недоступно большинство документов, касающихся предложений руководства Наркоминдела об основных направлениях развития советской внешней политики в послемюнхенский период, не говоря уже о реакции на них Сталина. Это, несомненно, затрудняет изучение механизма формирования и принятия внешнеполитических решений, вынуждая сплошь и рядом идти в обратном направлении – от фактического события к гипотетическому замыслу и соответствующему решению. В подобной ситуации некоторые выводы неизбежно будут иметь предположительный характер.

Приоритетной внешнеполитической задачей послемюнхенской политики Сталина стало достижение соглашения с нацистской Германией, что обуславливалось как продолжаемой западными державами политикой “умиротворения” и все большего дистанцирования от тоталитарного режима СССР, так и в силу наметившейся общности внешнеполитических интересов Советского Союза и Германии, которую Сталин, из-за ограниченности выбора вариантов поведения на международной арене, “разглядел” значительно раньше, чем Гитлер. Сочетание прежде всего этих факторов в условиях динамично развивавшейся международной обстановки оказало большое влияние на формирование внешнеполитического курса СССР. При этом в послемюнхенский период одним из существенных элементов многоходовой комбинации по достижению “дружбы, скрепленной кровью”, с третьим рейхом стали для Кремля отношения с Польшей.

Как уже отмечалось выше, в преддверии Мюнхенской конференции напряженность в них возросла. Затем ее отзвуки еще некоторое время были заметны на страницах советской печати⁶³, но скорее это была уже инерция прежних дипломатических баталий. Советское руководство наметило новую тактическую линию в отношении Польши, которая на ближайшее время была избрана объектом серьезных дипломатических усилий. Их целью являлось разорвать или по крайней мере резко ослабить сформировавшийся, как представлялось в Москве, тандем Варшавы и

Берлина. Причем отнюдь не для того, чтобы сблизиться с Варшавой, а исключительно для того, чтобы осложнить, насколько возможно, польско-германские отношения, создав тем самым основу для сближения с третьим рейхом прежде всего за счет Польши.

Первым звеном в этой комбинации было снятие напряженности в советско-польских отношениях путем активизации дипломатических контактов. Это потребовало определенных усилий. В качестве средства вовлечения Варшавы в дипломатические переговоры было избрано... запугивание ее перспективой советско-германского сближения с “логически” вытекающими из него последствиями для Польши. Впервые этот “пробный шар” в послемиюнхенский период был запущен Потемкиным в беседе с французским послом в СССР Р. Кулондром уже 4 октября 1938 г. При этом заместитель наркома иностранных дел не сказал абсолютно ничего нового в сравнении с изложенным им же, но под псевдонимом, в журнале “Большевик” в апреле 1938 г. (см. выше), заметив, что “Польша подготавливает свой четвертый раздел”⁶⁴. Эта же мысль, но уже в форме недвусмысленного предупреждения, вскоре была представлена более широкому кругу зарубежных дипломатов на страницах “рупора” Наркоминдела. В статье “Что может ожидать польских агрессоров?”, в частности, говорилось: “Вступив на путь агрессии и империалистических аннексий, Польша сама рискует стать жертвой этой политики в ближайшем будущем”⁶⁵.

Так или иначе, не прошло и 10 дней после того, как Польша реализовала свой ультиматум Чехословакии, оккупировав ее Тешинскую область, как посол Гжибовский был принят Потемкиным. В состоявшейся двухчасовой беседе выделим два момента. Заявление Потемкина, что Москва готова к сотрудничеству и “никакая протянутая Советам рука не повиснет в воздухе”⁶⁶. И не менее важное – полное отсутствие каких-либо упоминаний по поводу соучастия Польши в разделе Чехословакии. Последнее было крайне важным симптомом, демонстрировавшим желание Москвы “забыть” о случившемся и сделать шаг навстречу. И в Варшаве этот сигнал был воспринят. Почему? Представляется наиболее вероятным, что Бек был немало разочарован тем, что Польша не оказалась в числе участников Мюнхенской конференции, а также уже проявившимся противодействием Берлина установлению общей польско-венгерской границы. В подобной ситуации (пакет германских предложений о “генеральном урегулировании” двусторонних отношений еще не был передан Польше) Бек был заинтересован в том, чтобы оказать косвенный нажим на Берлин, начав контригру и открыто продемонст-

рировав стремление к поддержанию политики “равноудаленности” путем некоторого выравнивания баланса в отношениях с соседом Варшавы на востоке. В этой связи беседа Потемкина с Гжибовским 8 октября пришлась как нельзя кстати. Получив отчет о ней, Бек направил в Москву инструкции, согласно которым Гжибовскому следовало “поддерживать дружественные беседы и продвигаться в направлении уже продемонстрированной Потемкиным разрядки в наших непосредственных отношениях”⁶⁷.

Новая встреча Гжибовского с Потемкиным 20 октября положила начало серии бесед польского дипломата с руководством Наркоминдела на основе высказанного послом предложения “подумать о существенном улучшении... взаимоотношений”⁶⁸. И хотя в данном случае Гжибовский определенно вышел за рамки полученных инструкций, что не ускользнуло от внимания его собеседника⁶⁹, однако процесс пошел... Последовавший интенсивный обмен мнениями в Москве обнаружил стремление советской стороны придать сближению двух стран как можно более весомый характер, например, включив в текст коммюнике пункт о консультациях по проблемам, представляющим взаимный интерес. Полностью отдавая себе отчет в невозможности, даже если бы случилось невероятное и Варшава согласилась бы с этим предложением, реализовать его на практике, руководство НКИД, тем не менее, настаивало на включении пункта о консультациях в текст коммюнике⁷⁰. Последнее объяснялось тем, что таким образом увеличивались шансы на использование “польского фашизма”⁷¹ в качестве эффективного рычага давления на Германию. Вместе с тем позиция, занятая руководством Наркоминдела во время бесед с польским послом, отличалась заметной гибкостью и даже уступчивостью, что особенно проявилось в согласии на опубликование именно польского проекта совместного коммюнике⁷². Это подтверждает предположение, что в Кремле большое значение придавали самому факту публикации и потому шли на уступки, касавшиеся его содержания.

Однако эта “покладистость” не исключала давления на Варшаву по другим каналам. Так, меньше чем за неделю до опубликования совместного коммюнике, в “Известиях” появилась статья собкора газеты в Праге, “раскрывающая” гипотетические планы Берлина, нацеленные на поэтапное расчленение Польши⁷³.

В целом инспирированное в печати и по дипломатическим каналам давление на Варшаву не принесло желаемых в Москве результатов. Оно не оказало никакого влияния ни на содержание польско-советского коммюнике, ни на состояние польско-германских отношений, развитие которых зависело совсем от других причин.

Опубликованное в советской и польской прессе 27 ноября 1938 г. коммюнике о беседах наркома иностранных дел Литвинова и посла Гжибовского⁷⁴, подтверждавшее в самой общей форме приверженность СССР и Польши договору о ненападении (1932 г.), как гарантирующему “нерушимость мирных отношений между обоими государствами”, не удовлетворило в полной мере ни одну из сторон. Весьма разочарованы были в Москве, где Литвинов охарактеризовал этот документ как “довольно бесцветный”⁷⁵. В свою очередь, руководство польского МИД определенно было встревожено тем, как бы опубликованное коммюнике не было излишне болезненно воспринято в Берлине (Бек все еще мыслил категориями, когда Польша вела диалог с Германией на равных), и в связи с этим решило подготовить специальное сообщение, которое Отдел печати распространил только среди германских корреспондентов. В нем, в частности, говорилось, что “опубликованная только что польско-советская декларация преследует лишь цель нормализации отношений” между двумя странами и “является результатом советской инициативы”. Польша же “в своей внешней политике всегда придерживалась той точки зрения, что участие Советского Союза в европейской политике излишне”⁷⁶.

Напротив, советское руководство, обеспокоенное тем, будто давление на Берлин явно не получается, всячески старалось создать впечатление, что реальная ценность совместного коммюнике неизмеримо выше, чем можно заключить из опубликованного текста. 27 ноября Сталин принимает решение использовать этот документ для дальнейшего втягивания Польши в переговорный процесс. С этой целью экстренно оформляется постановление Политбюро, направленное на оперативное решение ряда вопросов, неоднократно поднимавшихся польской стороной: расширение торговли, восстановление польского кладбища в Киеве и католического костела в Москве, предоставление польскому посольству сведений об арестованных в СССР польских гражданах и др.⁷⁷ В соответствующем духе была выдержана и появившаяся на следующий день статья в “Известиях” “СССР и Польша”⁷⁸. Ее содержание далеко выходило за рамки не только коммюнике, но и предшествовавших ему бесед руководства Наркоминдела с польским послом. Так, например, в последних ничего не говорилось “о стремлении обеих сторон к укреплению мира в Восточной Европе”. Адресованная Польше заключительная фраза статьи одновременно являлась одним из элементов давления на Германию: “Всякая страна, действительно желающая в послевоенной обстановке укрепить свою безопасность, должна считаться с Советским Союзом, как с могучим фактором мира, и может рассчитывать на его поддержку”.

Таким образом, если в Варшаве всячески пытались свести до минимума впечатление об антигерманской направленности польско-советского документа, делая это весьма старательно и потому заметно для наблюдателей, то советская сторона предпринимала все возможное, чтобы оттенить именно эту направленность опубликованного коммюнике. В этих целях в центральных органах печати помещались прежде всего те выдержки из зарубежных газет, в которых высказывались предположения именно об антигерманском “острие” советско-польского коммюнике, как отражающего, не в последнюю очередь, охлаждение в германо-польских отношениях⁷⁹.

Советское руководство очень внимательно отслеживало “температуру” на германо-польских переговорах, получая порой информацию, включая копии документов, настолько оперативно, что она не успевала еще даже устареть для самих переговорщиков⁸⁰, что давало возможность корректировать тактическую линию в отношении с Польшей в зависимости от их развития. До тех пор пока состояние этих переговоров (по оценкам Москвы) оставляло надежду на достижение какого-то компромисса между Берлином и Варшавой, советская сторона не прекращала усилий по “наведению мостов” в отношении с Польшей.

Показательна в этой связи была история заключения торгового договора и ряда сопутствующих ему соглашений. Создавалось впечатление, что в конце 1938 г. советское руководство было особенно заинтересовано в максимальной публичности любых контактов именно с Польшей, независимо от их практического результата в рамках двусторонних отношений. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие строки из письма Литвинова Сурицу от 4 декабря: “Возможные результаты от предстоящих переговоров о расширении торгового оборота с Польшей будут не без выгоды и для нас” (подчеркнуто мной. – С.С.). Очевидно, что, облекая свою мысль в столь завуалированную форму, нарком имел в виду отнюдь не улучшение советско-польских контактов, в отношении перспектив которых “мы не предавались никаким иллюзиям”⁸¹.

Переговоры начались в Москве 19 января 1939 г. и завершились ровно через месяц подписанием торгового договора⁸², ставшего первым подобного рода соглашением в истории двух государств. Однако атмосфера, в которой проходили переговоры, на протяжении января–февраля постепенно ухудшалась⁸³, что в конечном счете сказалось на содержательной стороне подписанного договора (сокращение объема товарооборота, отсутствие соглашения о транзите), не говоря уже о его последующей реализации. Спустя еще полтора месяца, к концу марта 1939 г. практически не

осталось и следа от акцентирования Москвой внимания на советско-польском сближении, в том числе и в области торговых отношений.

Очевидно, по мере того как у Сталина и в Наркоминделе стала накапливаться информация о все более обострившихся германо-польских отношениях, интерес Москвы к демонстрации сотрудничества с Варшавой стал резко убывать⁸⁴. Необходимость в “польской карте” явно отпала. Кремль более не рассматривал Польшу как средство давления на третий рейх. Эта тактика себя не оправдала – ухудшение германо-польских отношений никак не было связано с демонстративными усилиями Москвы по сближению с Варшавой. Не дала она ничего и в плане осуществления основного замысла Сталина – достижения соглашения с Берлином, который по-прежнему оставался глух ко всем сигналам, посылаемым Кремлем. Продолжать заигрывать с Польшей было уже и небезопасно, особенно в обстановке динамизации внешней политики Германии и связанного с ней усиления международной напряженности. Теперь в качестве средства давления на Берлин должна была выступить угроза заключения союза СССР с западными державами.

Таким образом, конец марта – начало апреля 1939 г. знаменовал собой рубеж в политике Германии и СССР по отношению к их соседу – Польше. В одном случае – начало перехода от политико-дипломатического давления на Польшу к подготовке силового решения “польской проблемы”, в другом – поворот от использования фактора сближения с Польшей как средства влияния на германо-польские и германо-советские отношения к сведению до минимума советско-польских отношений и их значения для внешней политики Кремля. Синхронность этих двух процессов уже несла в себе зародыш тех стратегических клещей, с реальностью которых до того самого момента, когда они сомкнулись, не желало считаться высшее польское руководство, но на которые давно сделал ставку Сталин.

Отношения с Польшей, перестав рассматриваться в Кремле в качестве рычага давления на Берлин, о чем уже упоминалось выше, вернулись в свое привычное состояние, для которого характерна была дипломатическая рутинa. Ни резкое ухудшение международной обстановки, ни наличие реальных угроз самому существованию Польского государства не побудили даже попытаться изменить что-либо в этом отношении советское руководство, явно довольствовавшееся тем, что Польша за помощью к нему не обращалась⁸⁵. И это при том, что объективно Польша, представлявшая собой важный барьер между СССР и Германией, должна была занимать большое место не только в политических

и военно-стратегических расчетах Кремля, но и в дипломатических усилиях последнего. Безотносительно от взаимоотношений с Польшей сохранение ее государственной независимости и территориальной целостности, несомненно, отвечало национально-государственным интересам Советского Союза. Однако здесь, как и во многих других случаях, эти интересы вошли в резкое противоречие с субъективным фактором – взглядами и намерениями Сталина. Существование Польши – этого, по выражению главы советского правительства В.М. Молотова, “уродливого детища Версальского договора”⁸⁶ заботило Кремль весной–летом 1939 г. только в качестве разменной монеты в крупной политической игре.

Трудно представить себе, чтобы советское руководство все-таки могло рассматривать вопрос об оказании прямой или хотя бы косвенной помощи Польше в случае нападения на нее нацистского рейха. Вот как изображал позицию Кремля нарком Литвинов в строго конфиденциальном письме полпреду Сурицу от 11 апреля: “Нам говорят, что в наших интересах защита Польши и Румынии против Германии. Но мы свои интересы всегда сами будем сознавать и будем делать то, что они нам диктуют”⁸⁷. Очевидно, что помощь Польше в их число не входила. Тогда возникает вполне закономерный вопрос: что же относилось к приоритетным внешнеполитическим интересам советского руководства в обстановке, когда возникла прямая угроза существованию соседнего с СССР государства? Оказывается, на первый план выдвинулись две основные задачи: 1) остаться вне надвигавшейся войны и 2) извлечь максимальную выгоду из этой войны. Причем обе они были самым непосредственным образом связаны с политикой в отношении Польши.

В развитии отношений между Москвой и Варшавой с апреля по конец августа 1939 г. условно можно выделить три периода. Первый из них, апрельский, был связан с интенсивными дипломатическими контактами. В начале апреля в ходе трех почти ежедневных встреч Литвинова и Гжибовского были сняты все неясности, возникшие в связи с отрицательной позицией польского руководства в отношении британского предложения о декларации четырех держав, направленной на предотвращение развития агрессии в Европе⁸⁸. Польское руководство еще раз подтвердило свое нежелание участвовать совместно с СССР в каких-либо акциях, направленных против Германии⁸⁹. Вместе с тем во время последней беседы Литвинов отметил происходящие изменения в политике Польши, которая, согласившись “заключить пакт о взаимной помощи с Англией в момент наибольшего обострения англо-германских отношений... невольно

становится на путь коллективной безопасности”⁹⁰. Реплику Гжибовского, представлявшую собой явно заранее несанкционированное, а скорее просто полемическое высказывание – “когда нужно будет, Польша обратится за помощью [и] к СССР” – нарком парировал, несомненно, заранее заготовленной формулой, которую советские дипломаты и политики впоследствии неоднократно будут использовать как в беседах с поляками, так и с прибалтами: “Она (Польша. – С.С.) может обратиться, когда будет уже поздно, и... для нас вряд ли приемлемо положение общего автоматического резерва”⁹¹. Из такой постановки вопроса следовало, что предоставлению какой-либо помощи со стороны СССР должна предшествовать не просто просьба о ней, а политическое соглашение, содержащее не в последнюю очередь условия, на которых эта помощь может быть предоставлена. Опыт ряда балтийских государств, вынужденных спустя полгода в резко изменившейся международной обстановке все-таки принять этот “данайский дар” СССР, свидетельствовал, что все опасения польского руководства на этот счет, каковы бы ни были их исходные мотивы, имели под собой весьма серьезные основания.

Следующий этап в советско-польских отношениях приходится на май 1939 г. Смена руководства Наркоминдела вызвала однозначно позитивную реакцию в польском МИД, видевшем в Литвинове на протяжении более 10 лет крайне неудобного партнера при дипломатических контактах⁹². В Варшаве в этот момент были, несомненно, заинтересованы в том, чтобы отношения с СССР носили более стабильный характер, не ставящий под угрозу заключенные ранее политические и торгово-экономические соглашения. Оказавшись в состоянии жесткой, пока еще политико-дипломатической, конфронтации с Берлином, руководство польского МИД, разумеется, не собиралось шарахаться в другую сторону и идти на тесное сотрудничество с СССР. Вместе с тем Бек стремился закрепить достигнутый уровень торгово-экономических связей и регулярных дипломатических контактов как важного показателя нормализующихся двусторонних отношений.

Для Кремля на этом этапе важно было не закрепление тех позитивных сдвигов, которые наметились за предшествующие месяцы в советско-польских отношениях, а фиксация негативной позиции, занятой польским руководством в связи со столь “искренним” предложением советской стороны.

Симптоматично, что, хотя Литвинов, по всей видимости, неоднократно ставил вопрос о необходимости замещения поста полпреда СССР в Польше⁹³, он все еще оставался вакантным с ноября 1937 г. Однако после назначения наркомом иностранных

дел Молотова сразу же был запрошен у Варшавы агреман для нового советского полпреда Н.И. Шаронова. Что же скрывалось за столь поразительной оперативностью Кремля, учитывая падающий интерес к советско-польским отношениям?

Агреман для Шаронова был предоставлен польской стороной в нарушение всех традиционных для этой дипломатической процедуры сроков уже спустя несколько дней, 8 мая, о чем было официально сообщено в польской прессе⁹⁴. Перед отбытием к месту своего назначения новый полпред был вызван к Сталину, который вместе с Молотовым в течение трех часов инструктировал Шаронова. Первые полтора часа беседа проходила втроем, затем к ним присоединились военный атташе в Польше полковник П.С. Рыбалко и начальник Разведуправления РККА комдив И.И. Проскуров⁹⁵.

Присутствие последнего в кабинете Сталина имело особое значение. 17 мая Проскуров направил Сталину спецсообщение, полученное по агентурным каналам, о ближайших планах Гитлера в отношении Польши⁹⁶. Документ представлял несомненный интерес, раскрывая механизм германской политики в отношении Польши. Обратим внимание на два содержащихся в нем положения, которые не могли не вызвать повышенного интереса Сталина⁹⁷. Во-первых, “если Польша не согласится с германскими предложениями и не капитулирует в ближайшие недели, что вряд ли можно предположить, то в июле–августе она будет подвергнута нападению”; во-вторых, “в случае конфликта мы хотим при любых обстоятельствах добиться нейтралитета СССР”⁹⁸.

Принимая во внимание внешнеполитические задачи Сталина на ближайший период, содержание спецсообщения, переданного ему начальником военной разведки, и состав присутствовавших в его служебном кабинете вечером 19 мая, можно предположить, что уточнение вопросов⁹⁹, затронутых в упомянутом выше документе, стало как предметом обсуждения, так и, самое главное, было вменено в основную обязанность полпреду Шаронову и военному атташе Рыбалко. Таким образом, приоритетность отслеживания состояния польско-германских отношений определяла, по всей видимости, главную задачу нового советского полпреда в Польше.

При этом озабоченность, и немалую, вызывало не их обострение и вероятное перерастание в войну, а, напротив, возможность достижения компромисса между Варшавой и Берлином на основе пакета германских предложений. Так, получив информацию об имевших место в 20-х числах мая колебаниях в настроении Бека, касавшихся дальнейшего развития отношений с третьим рейхом¹⁰⁰, Москва незамедлительно направляет соответствующие инструкции Шаронову. Последний, получив их, в ходе беседы с Беком по-

зволил себе почти недипломатическую реплику, в полной мере отражавшую озабоченность Кремля: "...мы вполне понимаем политику и положение Польши, но политика уступок, независимо от их размеров, м[ожет] б[ыть] чревата всякими нехорошими последствиями, и за уступкой маленькой деревни можно дойти до потери независимости". На что Бек ответил достаточно определенно: "Если немцы думают, что Польша не будет воевать потому, что мы спокойно ведем себя, то они ошибаются. Мы уже дали им небольшой урок, второй урок будет серьезнее первого"¹⁰¹. В Кремле могли быть спокойны – Польша идти на уступки не собиралась, что, по имевшейся информации, означало войну.

Отличительной чертой третьего (июньско–августовского) этапа в советско-польских отношениях было сведение к минимуму контактов руководства Наркоминдела с польским послом, а также круга обсуждавшихся вопросов, что было характерным симптомом свертывания отношений. Советская сторона отказалась от заключения специального соглашения о взаимном транзите товаров через территорию Польши и СССР, что было большой неожиданностью для поляков, рассчитывавших на получение оружия и других военных грузов от западных держав через СССР¹⁰².

Если отказ от заключения транзитного соглашения можно назвать шагом, недружественным Польше, то переговоры с нацистской Германией и заключение пакта о ненападении с ней в той форме и в то время, как это было осуществлено советским руководством, были уже откровенно враждебной акцией в отношении Варшавы. Но прежде чем это произошло, "польскому фактору", почти исчезнувшему с середины мая из дипломатической дискуссии СССР с западными державами, предстояло еще сыграть якобы "решающую" роль в ходе англо-франко-советских военных переговоров.

Прошедший через всю послевоенную советскую историографию тезис об ответственности западных держав и Польши за срыв трехсторонних переговоров военных миссий в Москве в августе 1939 г. подвергся в конце 80-х – начале 90-х годов серьезной переоценке со стороны некоторых российских историков. Это касалось прежде всего позиций западных держав и, конечно, политики СССР¹⁰³. Однако оценка роли польского правительства, которое якобы "практически блокировало возможность советско-франко-английского соглашения"¹⁰⁴, или даже более того – "санационный режим Польши воспрепятствовал созданию системы коллективной безопасности в Европе, антигитлеровской коалиции"¹⁰⁵, так и осталась по существу без изменения. И одна из основных причин этого состоит в том, что неудача англо-франко-советских военных переговоров в значительной мере отожде-

ствляется с жестко негативной позицией польского руководства в вопросе о пропуске Красной Армии на ее территорию для отпора агрессии.

Как известно, одним из краеугольных для советской историографии было утверждение о полном нежелании западных держав заключить равноправное соглашение с СССР. В его обоснование приводились такие факты, как третьестепенный состав западных военных миссий, отсутствие у них необходимых полномочий для заключения военной конвенции, заранее разработанных конкретных планов военного сотрудничества и т.д. Имевшиеся же у них инструкции, как выяснилось позднее, основной задачей ставили затягивание переговоров и получение возможно более полной информации о боеспособности советских вооруженных сил¹⁰⁶.

В отличие от них советская делегация имела все необходимые полномочия как на ведение переговоров, так и на подписание военной конвенции “по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе”¹⁰⁷. Полномочия были составлены по всей форме и скреплены подписями председателя СНК Молотова и управделами СНК М.Д. Хломова. Датированы они были 5 августа 1939 г. и стали известны исследователям уже в 1959 г. А спустя еще 33 года, в 1992 г. были опубликованы секретные инструкции главе советской военной делегации Ворошилову, написанные им же под диктовку Сталина¹⁰⁸. Все пункты этого документа были последовательно нацелены на то, как сорвать переговоры, возложив затем ответственность за неудачу на западные делегации и направившие их правительства. Особый интерес представляют пункты 6 и 7, где фигурировал “польский фактор”. Приведем их полностью:

“6. Если французы и англичане все же будут настаивать на переговорах, то переговоры свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию.

7. Если выяснится, что свободный пропуск наших войск через территорию Польши и Румынии является исключенным, то заявить, что без этого условия соглашение невозможно, так как без свободного пропуска советских войск через указанные территории оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал, что мы не считаем возможным участвовать в предприятии, заранее обреченном на провал”.

Поскольку ответ на этот вопрос в Кремле был известен давно, то можно с полным основанием утверждать, что данная секретная инструкция главе советской военной делегации в свою очередь дает исчерпывающий ответ на вопрос: почему закончи-

лись неудачей трехсторонние военные переговоры в Москве. Жесткая позиция министра иностранных дел Бека в вопросе о проходе советских войск через польскую территорию, не без основания считавшего, что “маршал Ворошилов пытается сейчас добиться мирным путем того, что он хотел добиться силой оружия в 1920 г.”¹⁰⁹, только облегчала замысел Сталина по торпедированию переговоров военных миссий, но не более. Перефразируя известное высказывание Ворошилова в его интервью корреспонденту “Известий” о причинах неудачи военных переговоров трех держав в Москве¹¹⁰, можно с уверенностью утверждать: не потому СССР заключил пакт с Германией, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик, а, наоборот, военные переговоры были заведены СССР в тупик, чтобы, взвалив вину на западные державы и Польшу, легче было объяснить заключение пакта с Германией.

Этот вывод подтверждает и такой, до сего времени все еще неопубликованный документ, как решение политбюро ЦК ВКП(б) от 11 августа 1939 г., т.е. еще за день до начала переговоров военных миссий: “вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин”¹¹¹. Что же касается “поднятых немцами вопросов”, то, как телеграфировал временный поверенный в делах СССР в Берлине Г.А. Астахов Молотову 27 июля: “Германия готова разговаривать и договориться с нами по всем интересующим обе стороны вопросам... Даже в отношении Прибалтики и Польши договориться было бы также легко, как бы[ло] в отношении Украины (Карпатской Украины. – С.С.) (от которой Германия отказалась)”¹¹². На таких условиях Берлину было уже значительно проще достичь договоренностей с Москвой, которая получала реальную возможность осуществлять политику экспансии, опираясь на поддержку агрессора, и при этом сохранять, как надеялись в Кремле, некую видимость невовлеченности в мировой конфликт.

Пойдя на соглашение с третьим рейхом, советское правительство сразу же нарушило статью III договора о ненападении между СССР и Польшей, заключенного 25 июля 1932 г., а затем продленного 5 мая 1934 г. до конца 1945 г., что еще раз было подтверждено в совместной декларации обоих правительств 27 ноября 1938 г. Согласно этой статье СССР и Польша обязывались “не принимать участия ни в каких соглашениях, с агрессивной точки зрения явно враждебных другой стороне”¹¹³. Советско-германский пакт прежде всего был направлен против Польши, до нападения на которую оставались считанные дни. В своей преданной гласности части договор *de jure* представлял неограниченный нейтралитет каждой из сторон в отношении действий другой стороны, т.е. давал агрессору полную свободу действий.

На это указывает, в частности, формулировка статьи II советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: “В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу”¹¹⁴. Все это свидетельствует о том, что с международно-правовой точки зрения открытая часть советско-германского договора о ненападении, оцениваемая в рамках конкретной военно-политической обстановки конца лета 1939 г., несомненно, входила в явное противоречие с взятыми советским руководством ранее обязательствами в отношении Польши, являясь соглашением, безусловно, враждебным последней. Нарком иностранных дел М.М. Литвинов еще в 1934 г. провидчески отмечал: “...двусторонние пакты о ненападении не всегда служат делу мира. Самое заведомо агрессивное государство может заключать пакты о ненападении с одними государствами, чтобы развязать себе руки и обеспечить тыл или фланги для нападения на другие государства”¹¹⁵.

Что же касается секретного протокола, представлявшего, по выражению советского руководства, “органическую часть пакта”¹¹⁶, то он зафиксировал договоренность между СССР и Германией о территориально-политическом переустройстве и разделе сфер интересов в Восточной Европе, первой жертвой которой и должна была стать Польша.

И это неудивительно, поскольку политические и военные цели национал-социалистического и советского руководства в отношении Польши фактически совпали. Гитлер, выступая 22 августа 1939 г. перед верхушкой командования вермахта, обозначил цель: “уничтожение Польши”. “Речь идет не о достижении какого-то определенного рубежа или новой границы, а об уничтожении врага”¹¹⁷. Соответственно была сформулирована и директива ОКВ¹¹⁸. В свою очередь Сталин в беседе с Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Г. Димитровым 7 сентября 1939 г. следующим образом сформулировал свое отношение к польской проблеме: “Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население”¹¹⁹. Что же касается Красной Армии, то ей накануне 17 сентября была поставлена вполне конкретная задача: “уничтожить и пленить вооруженные силы Польши”, действовавшие восточнее предварительно согласованной линии раздела этой страны¹²⁰. Генезис четвертого раздела Польши завершился, начинался раздел¹²¹.

- 1 *Сиполс В.Я.* Внешняя политика Советского Союза 1936–1939 гг. М., 1987. С. 208.
- 2 *Сиполс В.Я.* Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933–1939. М., 1974. С. 187.
- 3 *Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1989. С. 261.
- 4 *Фомин В.Т.* Агрессия фашистской Германии в Европе 1933–1939 гг. М., 1963. С. 574.
- 5 История дипломатии. Т. III / Под ред. А.А. Громыко и др. М., 1965. С. 765.
- 6 *Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. С. 235.
- 7 История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 2 / Под ред. А.А. Гречко и др. М., 1974. С. 278.
- 8 См., например: *Парсаданова В.С.* Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 года // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 13–31; *Сиполс В.* Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997. С. 8–140.
- 9 Правда. 1936. 31 авг.
- 10 Известия. 1937. 24 апр.
- 11 Коммунистический Интернационал. 1938. № 3. С. 102.
- 12 Письмо временного поверенного в делах СССР в Польше Б. Виноградова в НКВД от 12.11.1937 // Документы внешней политики СССР. Т. I–XXIII. М., 1957–1998. Т. XX. Док. 407. С. 604 (Далее: ДВП).
- 13 Письмо полпреда СССР в Польше Я.Х. Давтяна наркомку М.М. Литвинову от 26.04.1937 // Там же. Т. XX. Док. 124. С. 194.
- 14 ДВП. Т. XX. Док. 407. С. 605.
- 15 Подробнее см.: *Случ С.З.* Германо-польский пакт о ненападении 1934 г. – дестабилизирующий фактор международной обстановки в Европе // Ежегодник германской истории. 1983. М., 1984. С. 84–104.
- 16 Например, в связи с присоединением Италии к Антикоминтерновскому пакту министр иностранных дел Бек направил 9 ноября 1937 г. инструкцию всем дипломатическим представительствам, в которой указывалось на отрицательное отношение ко всем эвентуальным предложениям о присоединении Польши к этому альянсу. В качестве аргумента фигурировало “ее особое положение, как соседа СССР, и в принципе негативная позиция по отношению к любым блоковым структурам” // *Weißbuch der Polnischen Regierung über die polnisch-deutschen und die polnisch-sowjetischen Beziehungen im Zeitraum von 1933 bis 1939.* Basel, 1940. Dok. 159. S. 233.
- 17 Подробнее см.: *Sakwa G.* The Polish Ultimatum to Lithuania in March 1938 // *The Slavonic and East European Review.* 1977. Vol. 55. № 2. P. 204–206; *Senn A.E.* The Polish Ultimatum to Lithuania, March 1938 // *Journal of Baltic Studies.* 1982. № 2. P. 144–156.
- 18 См., например: *Сиполс В.Я.* Внешняя политика Советского Союза. 1936–1939. С. 142; *Он же.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. С. 168.
- 19 ДВП. Т. XXI. Док. 104. С. 154.
- 20 См.: Там же. Док. 83, 87.

- 21 После трех встреч (16, 18 и 20 марта) с Литвиновым польский посол в Москве В. Гжибовский вынес впечатление о проявившейся в ходе польско-литовского конфликта “очень сильной слабости советского правительства”. См.: *Szembek J. Dziennik i teki Jana Szembeka*. Т. IV. L., 1972. С. 134–135 (запись от 21.04.1938).
- 22 См. донесения советника германского посольства в Москве В. фон Типпельскирха // *Akten zur deutschen Auswärtigen Politik*. Ser. D (1937–1941). Baden-Baden, 1950–1970. Bd II. Dok. 92. S. 141; Dok. 96. S. 144–145 (Далее: ADAP).
- 23 См. письмо Литвинова Александровскому от 26.03.1938 г., в котором он весьма пессимистически оценивал ее положение, полагая, что “гитлеризация Австрии предрешила судьбу Чехословакии” // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 19 (Далее: АВП РФ). Это письмо было написано в тот же день, когда нарком в течение двух часов принимал участие вместе с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Ежовым, Ждановым в обсуждении международных проблем у Сталина // Исторический архив. 1995. № 5–6. С. 11 (запись в журнале посетителей Сталина от 26.03.1938).
- 24 См.: *Hochman J. The Soviet Union and the Failure of Collective Security*. 1934–1938. Ithaca; L., 1984. P. 57.
- 25 См.: Заявление председателя правительства Чехословакии М. Годжи на чрезвычайном заседании правительства 21.09.1938 // Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 3. М., 1978. Док. № 346. С. 508–509 (Далее: ДМИСЧО).
- 26 Записка начальника Генштаба РККА командарма 1-го ранга Б.М. Шапошникова наркому обороны маршалу К.Е. Ворошилову о наиболее вероятных противниках СССР, 24.03.1938 // 1941 год: В 2-х кн. Кн. 2 / Под ред. В.П. Наумова. М., 1998. Приложение. Док. 11. С. 557–560.
- 27 По свидетельству военного историка Ю.А. Горькова, в Генеральном штабе план оказания военной помощи Чехословакии не разрабатывался даже “впрок”, хотя для генштабистов подобного рода занятия относятся к числу рутинных (Сообщено автору генерал-полковником Ю.А. Горьковым 20.07.1998.).
- 28 Подробнее см.: *Haslam J. The Soviet Union and the Czechoslovakian Crisis of 1938* // *Journal of Contemporary History*. 1979. Vol. 14. № 4. P. 441–461; *Lukes I. Did Stalin Desire War in 1938? A New Look at Soviet Behaviour during the May and September Crisis* // *Diplomacy and Statecraft*. 1991. Vol. 2. P. 3–53; *Pfaff I. Die Sowjetunion und die Verteidigung der Tschechoslowakei 1934–1938: Versuch der Revision einer Legende*. Köln; Wien, 1996. S. 281–301.
- 29 Симптоматично, что посланник Чехословакии в СССР З. Фирлингер только 25 мая был принят руководством Наркоминдела, когда “майский кризис” был уже преодолен. См. письмо Литвинова Александровскому от 25.05.1938 // Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958. Док. 14. С. 41.
- 30 Интервью Литвинова представителям печати 17.03.1938 // ДВП. Т. XXI. Док. 82. С. 128–129.

- 31 Письмо Литвинова Александровскому от 26.03.1938 // АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 18.
- 32 Письмо Потемкина полпреду СССР во Франции Я.З. Сурицу от 4.04.1938 // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Л. 30.
- 33 Премьер-министр и министр иностранных дел Франции П. Лаваль посетил СССР 13–15 мая 1935 г. вскоре после заключения франко-советского договора о взаимопомощи. В Москве он имел беседы со Сталиным, Молотовым и Литвиновым. Записи его бесед с указанными лицами в СССР не публиковались, за исключением самой общей информации в виде “Сообщения ТАСС”. См.: Известия. 1935. 16 мая. До сего времени не подтверждено наличие этих записей и в АВП РФ.
- 34 См. сн. 32.
- 35 См. Жуковский Н. На дипломатическом посту. М., 1973. С. 308.
- 36 Гальянов В. Куда идет Польша // Большевик. 1938. № 8. С. 68.
- 37 См. сн. 32.
- 38 Польское посольство в Москве было полностью лишено транспорта, что не давало возможности послу даже посещать НКИД, а также целого ряда других элементарных удобств, не говоря уже об аресте НКВД 28 сотрудников, не имеющих дипломатического статуса. См. беседу Потемкина с Гжибовским 16.08.1938 // АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 22. П. 180а. Д. 5. Л. 39–43.
- 39 Берлин был официально поставлен в известность, что эти действия не направлены против него. См. телеграмму германского посла в Варшаве Х.-А. фон Мольтке в МИД 27.09.1938 // ADAP. Ser. D. Bd. II. Dok. 642. S. 779–780.
- 40 Pagel J. Op. cit. S. 144.
- 41 Донесение польского консула в Ополе Я. Малетшинского от 15.09.1938 // Monachium 1938. Polskie dokumenty diplomatyczne. Warszawa, 1985. Dok. 188. S. 292.
- 42 Директива наркома обороны СССР маршала К.Е. Ворошилова о проведении военных учений в районе государственной границы, 21.09.1938 // ДМИСЧО. Т. 3. Док. 352. С. 515–517.
- 43 Телеграмма полпреда СССР в Чехословакии Александровского в НКИД от 22.09.1938 // ДВП. Т. XXI. Док. 365. С. 515–516.
- 44 См.: Wojtak R.A. Polish military Intervention into Czechoslovakian Teschen and Western Slovakia in September–November 1938 // East European Quoterly. 1972. Vol. VI. № 3. P. 379.
- 45 Заявление правительства СССР правительству Польши от 23.09.1938 // ДВП. Т. XXI. Док. 366. С. 516.
- 46 См. запись беседы Потемкина с временным поверенным в делах Польши в СССР Т. Янковским 23.09.1938 // Там же. Док. 367. С. 516–517.
- 47 См. запись в служебном дневнике Литвинова о приеме посла Гжибовского 31.10.1938 // АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 22. П. 180а. Д. 5. Л. 68.
- 48 См. запись беседы Потемкина с временным поверенным в делах Польши в СССР Т. Янковским 23.09.1938 // ДВП. Т. XXI. Док. 372. С. 523.
- 49 См.: Исторический архив. 1995. № 5–6. С. 19 (запись в журнале посетителей Сталина от 25.09.1938).

- 50 В Наркоминделе // Известия. 1938. 26 сент.
- 51 См. письмо заместителя наркома иностранных дел Б.С. Стомонякова полпреду СССР в Китае И.Т. Луганцу-Орельскому от 17.04.1938 // ДВП. Т. XXI. Док. 135. С. 202.
- 52 См.: *Грылев А.Н.* Накануне и в дни Мюнхена // Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами (1918–1939) / Под ред. С.И. Прасолова и П.И. Резонова. М., 1968. С. 220–225; История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 2. С. 104–108; *Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. С. 202–204; и др.
- 53 Подробнее см.: *Pfaff I.* Op. cit. S. 339–482.
- 54 По мнению Литвинова, высказанному еще в ходе “майского кризиса”, “провести мобилизацию это... легко сделать, но а что дальше?” См.: Сообщение чехословацкого посланника Фирлингера о беседе с Литвиновым 25.05.1938 // ДМИСЧО. Т. 3. Док. 295. С. 433.
- 55 Инструкция Бека польскому послу в Берлине Ю. Липскому от 28.09.1938 // *Monachium* 1938. Dok. 402. S. 462.
- 56 Дополнительная декларация к соглашению, заключенному Германией, Великобританией, Францией и Италией в Мюнхене 29.09.1938 г. // Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979. Док. 216. С. 331.
- 57 Записка о телефонограммах польского посланника в Чехословакии К. Пале от 1.10.1938 // *Monachium* 1938. Dok. 459. S. 509–510; *Szembek J.* Op. cit. T. IV. S. 284 (запись от 30.09.1938).
- 58 *Lipski J.* Op. cit. Doc. 115. P. 437.
- 59 Запись беседы Риббентропа с послом Липским 1.10.1938 // ADAP. Ser. D. Bd V. Dok. 55. S. 68.
- 60 См. *Pagel J.* Op. cit. S. 161.
- 61 Письмо Литвинова Александровскому от 11.10.1938 // АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 122. Д. 1. Л. 85.
- 62 *Kordt E.* Nicht aus den Akten... Die Wilhelmstrasse in Frieden und Krieg: Erlebnisse, Begegnungen und Eindrücke 1928–1945. Stuttgart, 1950. S. 286.
- 63 Ликование грабителя // Известия. 1938. 3 окт.; “Самоопределение” по-польски // Известия. 1938. 4 окт.; Польско-венгерские планы дальнейших захватов // Известия. 1938. 21 окт.
- 64 Донесение французского посла в СССР Р. Кулондра министру иностранных дел Ж. Боннэ от 4.10.1938 // *Documents Diplomatiques Français 1932–1939. 2-Serie (1936–1939).* Т. XII. Doc. 17. P. 28. В мемуарах Кулондра приводится высказывание Потемкина, более “откровенное”, но именно в силу этого обстоятельства представляющееся менее вероятным в то время: “У нас нет больше другого выбора, как договориться с Германией в расчете на четвертый раздел Польши” // *Coulondre R. De Staline a Hitler.* P., 1950. P. 165. Предпринятые попытки ознакомиться с советской записью этой беседы в АВП РФ успехом не увенчались.
- 65 *Le Journal de Moscou.* 1938. 11 oct.
- 66 Телеграмма Гжибовского в МИД от 9.10.1938 // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1969. Т. VI. Док. 262. С. 366 (Далее: ДМИСПО). В записи этой беседы, сделанной Потемкиным, приводится более обтекаемая формулировка: “Совет-

- ский Союз... будет и в дальнейшем укреплять свою хозяйственную мощь и свою оборону, не отказываясь от мирного сотрудничества с любым государством..." // АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 22. П. 180а. Д. 5. Л. 55.
- 67 Инструкция Бека Гжибовскому от 18.10.1938 // Цит. по: *Page J. Op. cit. S. 182.*
- 68 Запись беседы Потемкина с Гжибовским 20.10.1938 // ДВП. Т. XXI. Док. 432. С. 598.
- 69 См.: Постскрипtum Потемкина к записи этой беседы // Там же. С. 600.
- 70 См.: Из записи беседы Литвинова с Гжибовским 4.11.1938 // ДМИСПО. Т. VI. Док. 265. С. 370.
- 71 "Польский фашизм" – весьма распространенный оборот в советской дипломатической переписке того времени. См., например: Обзор 2-го Западного отдела НКВД по Чехословакии за 1938 г. // АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 15а. П. 32. Д. 1. Л. 11.
- 72 См. фрагменты записи беседы Литвинова с Гжибовским 25.11.1938 // Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. М., 1990. Док. 59. С. 113.
- 73 Из истории Карпатской Украины // Известия. 1938. 21 нояб. Не исключено, что именно эта публикация побудила Гжибовского в уже упоминавшейся беседе с Литвиновым 25 ноября вновь затронуть вопрос "о влиянии на прессу". В ответ он услышал лицемерное заявление наркома: "...мы избегаем твердых обязательств в отношении прессы потому, что у нас не существует предварительной цензуры... Наша печать, конечно, учтет значение коммюнике... дальнейшее зависит, конечно, от поведения правительств". См.: Дневник Литвинова. Запись о приеме Гжибовского 25.11.1938 // АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 22. П. 180а. Д. 5. Л. 76–77. Это место было опущено при публикации документа в сб.: Год кризиса. Т. 1. Док. 59. С. 113.
- 74 Несколько отличающиеся по стилистике тексты коммюнике, опубликованные в СССР и Польше, см.: ДВП. Т. XXI. Док. 468. С. 650–651; ДМИСПО. Т. VI. Док. 267. С. 371.
- 75 Телеграмма Литвинова Листопаду от 26.11.1938 // ДВП. Т. XXI. Док. 466. С. 649.
- 76 Сообщение отдела печати МИД Польши германским корреспондентам в Польше от 28.11.1938 // СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971. Док. 55. С. 97 (Далее: СССР в борьбе за мир).
- 77 Протокол № 66 решений Политбюро от 27.11.1938. Особая папка // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 63.
- 78 СССР и Польша // Известия. 1938. 28 нояб.
- 79 Иностранная печать о советско-польских отношениях // Известия. 1938. 29 нояб.
- 80 Подготовленные в германском МИД материалы для переговоров Риббентропа с Бекком в ходе намеченного на начало января 1939 г. визита польского министра в Германию были получены для ознакомления посольством в Варшаве 28 декабря 1938 г. и, по-видимому, спустя всего несколько дней в Москве. См. сообщение советника гер-

- манского посольства в Варшаве Р. фон Шелиа // СССР в борьбе за мир. Док. 84. С. 142–143.
- 81 Письмо Литвинова Сурицу от 4.12.1938 // Там же. Док. 61. С. 106.
- 82 Торговый договор между СССР и Польшей, подписанный 19.02.1939 // ДМИСПО. Т. VII. Док. 11. С. 34–38.
- 83 Оценка дана по воспоминаниям польских дипломатов, принимавших участие в переговорах по выработке торгового договора // *Pagel J. Op. cit. S. 216.*
- 84 Во внешнеполитической части доклада на XVIII партсъезде Сталин даже не упомянул Польшу, хотя, казалось бы, заключение первого торгового договора между двумя государствами было несомненным позитивом в советской внешней политике и уж никак не ординарным событием. Однако акцентирование внимания на улучшении отношений с Польшей уже не входило в планы советского ведения.
- 85 См.: Сообщение ТАСС // Известия. 1939. 22 марта; *Жданов А.А.* Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР // Правда. 1939. 29 июня.
- 86 Доклад Молотова на V сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва 31.10.1939 // Известия. 1939. 1 нояб.
- 87 Письмо Литвинова Сурицу от 11.04.1939 // СССР в борьбе за мир. Док. 223. С. 321. О степени конфиденциальности этого и ряда других пассажей данного письма весьма красноречиво свидетельствует приписка к нему: “P.S. Аргументация имеет целью разъяснение Вам нашей позиции и не должна быть использована Вами в разговоре с посторонними лицами без наших дальнейших указаний” // Год кризиса. Т. 1. Док. 262. С. 372. Этот постскрипtum был опущен при публикации письма Литвинова в сборнике “СССР в борьбе за мир”.
- 88 См. Проект декларации Великобритании, СССР, Франции и Польши от 21.03.1939 // СССР в борьбе за мир. Док. 177. С. 265.
- 89 См. запись беседы Литвинова с Гжибовским 4.04.1939 // Там же. Док. 211. С. 304–305.
- 90 Там же. С. 306.
- 91 Там же. С. 307.
- 92 См.: *Pagel J. Op. cit. S. 245.*
- 93 См., например: Записка Литвинова Сталину от 3.01.1939 // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 2. С. 10–12.
- 94 См.: *Pagel J. Op. cit. S. 249.*
- 95 См.: Исторический архив. 1995. № 5–6. С. 38 (запись в журнале посетителей Сталина от 19.05.1939).
- 96 Сообщение И.И. Проскурова И.В. Сталину от 17.05.1939 // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 216–219. Источником информации был один из доверенных сотрудников рейхсминистра иностранных дел, советник “бюро Риббентропа” д-р П. Кляйст, неоднократно полученные от которого сведения, как правило, подтверждались.
- 97 Документ привлек внимание Сталина, о чем свидетельствует его резолюция на полях // Там же. С. 216.
- 98 Это место, а также ряд других, подверглись сокращению при публикации этого документа в сборниках: СССР в борьбе за мир. Док. 266. С. 362–365; Год кризиса. Т. 1. Док. 311. С. 419–422.

- ⁹⁹ Реакция Сталина на представленное Разведуправлением еще 9 мая краткое изложение положений документа о планах третьего рейха в отношении Польши была весьма недоверчивой. См.: *Безыменский Л.А.* Советско-германские договоры 1939 г.: Новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 16.
- ¹⁰⁰ См. Донесение сотрудника советской разведки о беседе с советником германского посольства в Варшаве Шелиа от 25.05.1939 // СССР в борьбе за мир. Док. 308. С. 414; О колебаниях Бека в этот период см. также: ДМИСПО. Т. VII. Док. 69. С. 114–115; *Graml H.* Europas Weg in den Krieg: Hitler und die Mächte 1939. München, 1990. S. 214.
- ¹⁰¹ Дневник полпреда СССР в Польше Н.И. Шаронова // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 13. Д. 141. Л. 114 (запись от 2.06.1939).
- ¹⁰² Вплоть до заключения торгового договора должен был действовать запрет на транзит оружия и военного снаряжения через территорию обеих стран, оговоренный ст. XXII Рижского мирного договора 1921 г. // ДВП. Т. III. М., 1959. Док. 350. С. 640. Однако в Дополнительном протоколе к торговому договору между СССР и Польшей от 19.02.1939 г. констатировалось, что вопросы, касающиеся урегулирования транзита товаров через территорию обоих государств, “будут предметом особого соглашения, переговоры о заключении которого начнутся в Москве не позже, чем через четыре месяца со дня вступления в силу настоящего протокола” // ДМИСПО. Т. VII. Док. 13. С. 39–40.
- ¹⁰³ См., например: *Гибянский Л.Я.* Поворот в советско-германских отношениях и восточноевропейские проблемы: (Некоторые аспекты) // Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. И.И. Поп. М., 1989. С. 82–87; *Семиряга М.И.* Советский Союз и предвоенный политический кризис // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 59–61; *Он же.* Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992. С. 16–28.
- ¹⁰⁴ *Чельшев И.А.* Год кризиса, сентябрь 1938–сентябрь 1939 года // Советская внешняя политика 1917–1945 гг. Поиски новых подходов / Отв. ред. Л.Н. Нежинский. М., 1992. С. 177. См. также: 1939 год: Уроки истории / Отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1990. С. 307–308, и особенно: *Сиполс В.* Тайны дипломатические. С. 74–79.
- ¹⁰⁵ *Парсаданова В.С.* Трагедия Польши в 1939 г. // Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 26.
- ¹⁰⁶ См., например, официозную публикацию: *Панкрашова М., Сиполс В.* Почему не удалось предотвратить войну. Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 года: (Документальный обзор). М., 1970. С. 91–115.
- ¹⁰⁷ Полномочия главе советской военной делегации на ведение переговоров и подписание конвенции по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе // СССР в борьбе за мир. Док. 400. С. 535–536.
- ¹⁰⁸ Инструкция народному комиссару обороны СССР К.Е. Ворошилову, главе советской делегации на переговорах с военными миссиями Ве-

- ликобритании и Франции от 7 августа 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 453. С. 584. См. также: Там же. С. 579. Прим. 162; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 16. П. 27. Д. 5. Л. 33–38.
- ¹⁰⁹ Телеграмма посла Великобритании в Польше Кеннарда в Форин оффис от 20.08.1939 // ДМИСПО. Т. VII. Док. 98. С. 165.
- ¹¹⁰ Интервью главы советской военной миссии Ворошилова о переговорах с военными миссиями Англии и Франции // Известия. 1939. 27 авг.
- ¹¹¹ Цит. по: Доклад председателя комиссии “О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г.” А.Н. Яковлева на II съезде народных депутатов СССР // Известия. 1989. 25 дек.
- ¹¹² Телеграмма Астахова Молотову от 27 июля 1939 г. Цит. по: *Горлов С.А.* Советско-германский диалог накануне пакта Молотова–Риббентропа 1939 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 28.
- ¹¹³ Договор о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой от 25.07.1932 г. // Внешняя политика СССР: Сб. документов. Т. III / Под ред. Б.Е. Штейна. М., 1945. Док. 176. С. 557.
- ¹¹⁴ Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, 23.08.1939 // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 484. С. 631.
- ¹¹⁵ Значение пактов о взаимопомощи как гарантий безопасности. Беседа Литвинова с французским журналистом Зауервейном // Известия. 1934. 29 июня.
- ¹¹⁶ См.: Памятная записка, врученная Молотовым Шуленбургу 17.08.1939 // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 470. Приложение. С. 612.
- ¹¹⁷ *Halder F.* Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942 / Hrsg. von Arbeitskreis für Wehrforschung Stuttgart, bearb. von H.-A. Jacobsen. Bd. 1. Stuttgart, 1962. S. 25 (запись от 22.8.1939).
- ¹¹⁸ Weisung des Oberbefehlshabers der Wehrmacht für die einheitliche Kriegsvorbereitung der Wehrmacht für 1939/40 vom 11.04.1939, Anl. II. “Fall Weiß” // ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 185. S. 187.
- ¹¹⁹ *Dimitroff G.* Tagebücher 1933–1943 / Hrsg. von B.H. Bayerlein. B., 2000. Bd. I. S. 274 (запись от 9.09.1939).
- ¹²⁰ Боевой приказ № 01 штаба Белорусского фронта от 15.09.1939 // РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 21. Л. 1. Аналогичный приказ был издан и штабом Украинского фронта. См. также: *Лебедева Н.С.* Катюнь: Преступление против человечества. М., 1994. С. 15.
- ¹²¹ Подробнее о советско-германском сотрудничестве в ходе польской кампании см.: *Лебедева Н.С.* Польша между Германией и СССР в 1939 году // Война и политика. 1939–1941 / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1999. С. 75–81; *Случ С.З.* Советско-германские отношения в ходе польской кампании и вопрос о вступлении СССР во вторую мировую войну // Славяноведение. 1999. № 6. С. 32–44.

С. Дембски

(Краков)

ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОЦЕНКАХ БЕРЛИНА В 30-е годы. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ

Проблематика советско-германских отношений в 30-е годы имеет большие традиции в историографии¹. Однако возможны и новые интерпретации, опирающиеся на другие существующие до сих пор точки зрения или на постоянно пополняющуюся источниковую базу. Один из примеров – постановка вопроса о роли Польши в германской концепции развития отношений с СССР. Изучение этого вопроса позволяет также осветить проблематику отношений в треугольнике Берлин – Варшава – Москва накануне второй мировой войны с точки зрения, которую разделяют не все историки.

Приход к власти Гитлера в основном не изменил взглядов большей части германского общества на вопрос о месте и роли Германии в Европе. Недовольство поражением, понесенным в первой мировой войне, а также условия продиктованного немцам Версальского договора в силу ряда обстоятельств определяли германские государственные интересы. Все германские правительства после 1919 г., придерживаясь глубоко осознанного государственного интереса, вынуждены были стремиться к избавлению от Версальского договора. Этот договор предусматривал территориальные уступки на востоке и на западе Германии, санкционировал оккупацию промышленных районов, а также существенно ограничивал суверенитет германского государства. Принципиальные политические споры зарождались в Германии по тактическим вопросам, и программа Гитлера и его партии была в подобных дискуссиях существенным элементом².

В 20-е годы Польша занимала в германской политической стратегии на международной арене очень важное место. Варшаву на Шпрее воспринимали как существенный элемент версальской системы, созданный на основе антигерманских принципов, – таким образом интерпретировалось заключение союза с Францией. Поэтому польско-германские отношения в 20-е годы нико-

гда не имели исключительно двухполюсного характера, чаще они были элементом развития германо-франко-английских, а также германо-советских отношений. Исходя из этого, трудно не заметить, что одной из ключевых предпосылок действий Берлина, стремившегося к договору с Россией, было наличие польско-французского союза. Рапалло “уравновешивало” франко-польское сотрудничество, носившее антигерманский характер, вновь создавая перспективу раздела Речи Посполитой.

Помимо того, Польша как один из главных (с германской точки зрения, совершенно не заслуженных) победителей в первой мировой войне являлась объектом естественных и вполне понятных ревизионистских устремлений. Государство это, по мнению германских политиков, зародилось, воспользовавшись конъюнктурной, как считалось, протекцией западных держав. Им казалось, что для осуществления выгодных для Берлина “изменений” на востоке следовало в первую очередь договориться с Парижем и Лондоном, затем ослабить францужско-польский союз, в оптимальном же варианте – совместно с Россией довести до восстановления *status quo ante bellum*³ в Центральной и Восточной Европе. Сближение с Москвой могло быть использовано как средство давления на западные державы.

Напряженное состояние, которое в 20-е годы поддерживалось Берлином в отношениях с Польшей, имело, с германской точки зрения, солидное обоснование. “Нет никаких доказательств того, – писал историк Г. Вайнберг, – что кто-нибудь из занимавших руководящие посты в Веймарской республике считал полезным для Германии существование сильной и независимой Польши”⁴. Польшу называли “сезонным государством”, считая недееспособным из-за ее географического положения и позиций западных держав. Это государство, согласно устным инструкциям, полученным первым послом Веймарской республики в Москве Ульрихом фон Брокдорфф-Ранцау, надо было “прикончить”⁵. Реализации этой цели мешала, однако, внутренняя слабость Германии, а также испытываемая некоторыми кругами боязнь расширения большевистской революции⁶. Опасения относительно возможности “заразить” Германию “большевистской революцией” высказывал, например, генерал Макс Гоффман, влиятельные тогда политики Арнольд Рехберг, Матиас Эрсберг, а также, в менее решительной форме, генерал Эрих Людендорфф⁷. Тем не менее какая-либо попытка проведения более примирительной политики в отношении Польши для любого правительства Веймарской Республики являлась бы политическим самоубийством⁸.

Курс на улучшение польско-германских отношений был открыт путем пресечения линии Рапалло в германской политике.

Он был вызван, с одной стороны, безвольным дрейфом германской дипломатии в сторону Запада в период правления канцлера Генриха Брюнинга, антисоветской ориентацией правительства Франца фон Папена, наконец, ростом влияния и значения нацистов, преимущественно враждебных большевизму⁹. С другой же стороны – политикой Москвы, которая de facto подорвала линию Рапалло еще до того, как Адольф Гитлер пришел к власти: СССР заключил пакт о ненападении вначале с Францией в апреле 1931 г., а затем с Польшей в июле 1932 г. Эти шаги Москвы значительно укрепили позицию Варшавы. Можно даже сказать, что в польско-германских отношениях преимущество оказалось на польской стороне. Советско-германский договор 1926 г. хотя и был продлен в июне 1931 г., но только на два года. Ратификация этого договора была затянута Германией, и вопрос был окончательно решен в 1933 г., после того как пост канцлера занял Гитлер, который не намеревался обновлять сотрудничество с СССР.

Все это накладывалось на распространяющиеся в Берлине слухи о возможности превентивной войны Польши против Германии¹⁰. Трудно было бы в таком случае найти лучший выход для развития отношений с Польшей, чем ревизия прежней линии, постепенная интенсификация контактов, позволяющих добиться хотя бы временной стабилизации. Трудное внешнее и внутреннее положение, в которое попал Гитлер, став канцлером, вызывало необходимость искать с соседями скорее согласия, чем ссоры. Тем более, что, как было известно, одно из соседних с Германией государств – Польша – готово к переговорам¹¹. Наличие основательной социальной базы после прихода его к власти вытекало в большой степени из одобрения, которое получила со стороны германской политической элиты и германского общества провозглашенная фюрером внешнеполитическая программа. Без этого условия было бы трудно провести непопулярное в Германии изменение отношения к Польше. Новый канцлер, пользовавшийся широким доверием общества, мог смелее рисковать своим авторитетом в интересах этого дела.

Пересмотр курса в отношении Польши был результатом холодных и рациональных расчетов. Для фюрера, так же как и для большинства немцев, главным врагом на международной арене оставалась Франция. Готовясь к вооруженной конфронтации с Францией, Гитлер пытался подорвать международные позиции этой страны, а в оптимальном варианте довести дело до ее изоляции. Этой цели служили попытки поссорить Париж с Лондоном¹², сблизиться с Римом¹³, но прежде всего положить начало новой линии в отношениях с Варшавой. Этот последний шаг был косвенно направлен против Франции с ее “стратегией окруже-

ния” Германии. Париж по собственной инициативе уже давно отказался от этой стратегии, что, несомненно, свидетельствовало об успехах политики Густава Штреземана. Однако французская политика уже не могла вернуться к традициям, существовавшим до 1925 г. Это значительно расширяло возможности маневра для Германии¹⁴. Между тем предпринятая фюрером попытка улучшения отношений с Варшавой имела и многих влиятельных противников в министерстве иностранных дел, рейхсвере, среди консервативных политиков, входивших в коалиционное правительство Гитлера, и даже среди его товарищей по партии.

Урегулирование отношений с Польшей было связано с возможностью для нее, хотя и временной, проводить более независимую европейскую политику, в том числе “политику равновесия” в германо-польско-советских отношениях, несовместимую с долгосрочными планами Гитлера. На практике “политика равновесия” была стратегией, заключавшейся в том, чтобы не участвовать, вместе с одним из соседей Польши, в проектах, затрагивающих интересы и создающих угрозу безопасности другого из них. Возможность проведения Варшавой такого курса зависела, однако, от доброй воли соседей. В своей речи, произнесенной 15 февраля 1933 г. в комиссии по иностранным делам в польском Сейме, новый польский министр иностранных дел Ю. Бек, в частности, заявил: “Наше отношение к Германии будет таким же, как отношение Германии к Польше. На практике многое в этой области зависит больше от Берлина, чем от Варшавы”¹⁵. То же можно было сказать о польско-советских и германско-советских связях. Ход переговоров между Берлином и Варшавой, которые сводились к подписанию декларации о намерении “отказаться от насилия в отношениях между обоими государствами”, свидетельствует о том, что немцы вполне соглашались на принятую Варшавой стратегию. В Берлине не требовали, чтобы Польша отказалась от “пакта о ненападении” с СССР, хотя не обошлось и без антисоветских намеков¹⁶. Было также принято к сведению то обстоятельство, что Варшава не намерена нарушать союз с Францией. В последнем случае это было несколько легче, ибо данный союз издавна был лишен практической сущности¹⁷.

В Москве с волнением воспринимали факт, что Варшава извлекла выгоды из ухудшения советско-германских отношений¹⁸. Предпринимались попытки противодействия этому процессу, придания польско-советским отношениям бесспорно антигерманского характера. Для достижения поставленной цели Москва старалась воспользоваться негативным отношением Польши к “пакту четырех”, сходным с мнениями советской дипломатии. Так, Карл Радек во время пребывания в Польше в июле 1933 г. стремился убедить

своих польских собеседников в возможности заключения польско-советского союза, гарантирующего независимость балтийских государств и направленного против Германии¹⁹.

Неудачная попытка заключения “пакта четырех”, а также выход Германии из Лиги наций только углубили политическую изоляцию Берлина на международной арене. Оживление и постепенное улучшение отношений с Польшей являлись наиболее благоприятным решением в создавшейся ситуации²⁰. Вследствие этого, после долгих месяцев переговоров, 26 января 1934 г. была объявлена германско-польская “декларация о ненападении”. В Берлине считали ее временным актом. Гитлер, хотя и не отказывался от притязаний в отношении Польши, но в противоположность своим предшественникам не отвергал возможности решения германо-польских проблем путем переговоров, а не с помощью вооруженного конфликта. Он не стремился к безусловному уничтожению Польши и по этой причине считался в Варшаве умеренным и рассудительным политиком²¹. Фюрер первоначально отводил Польше роль “форпоста”, “бастиона цивилизации на востоке”, предохраняющего Германию прежде всего от большевистской опасности, но косвенным образом также и от потенциальных попыток давления со стороны Франции²².

В дальнейшей перспективе Гитлер рассчитывал на более тесные отношения с Варшавой и на подчинение ее немецким интересам на международной арене. В первую очередь он планировал развязать войну на западе против изолированной, лишенной союзников Франции. Лишь в случае достижения победы в этой войне он намеревался обратиться против России, не исключая в последнем случае и сотрудничества с Варшавой. Ввиду этого “роль Польши в перспективных планах Гитлера на востоке зависела от развития отношений между Германией и западными державами”²³. Нормализация отношений с Польшей являлась в расчетах Гитлера первым шагом к ее будущей зависимости от Германии. Со временем Берлин стремился установить более близкие отношения с Польшей, результатом которых было бы постепенное лишение польской дипломатии возможности маневра. Этой цели служили постоянно повторяемые германские предложения о пересмотре западной границы, связанные с территориальными приращениями на востоке, или за счет Литвы, или за счет советской Украины, а также попытки склонить Варшаву к сотрудничеству против Коминтерна. Однако поляки избегали обсуждения этих германских предложений, либо считая их отклонением от темы, либо находя все новые проблемы практического характера²⁴.

Говоря о влиянии изменения курса Германии в отношении Варшавы на внешнюю политику СССР, следует заметить, что

оно категорически перечеркивало потенциальную возможность использования Польши как средства давления на Берлин. Кроме того, это не позволяло большевикам рассматривать Германию в качестве одного из “устоев мировой революции”²⁵. Одновременно советская дипломатия была обречена на поиски договоренностей с Францией²⁶. В перспективе в Москве не рассматривали данное обстоятельство как имеющее долгосрочное влияние. Причины подобной оценки отличались от польских или немецких. В Кремле считали, что с точки зрения германской внешней политики сотрудничество с СССР является фактором, приносящим Берлину большие выгоды, чем отношения с Польшей. Поэтому поворот Берлина в сторону Варшавы и отход от линии Рапалло с точки зрения Москвы не мог быть долговременным. По моему мнению, этим можно объяснить направляемые советской стороной в Берлин в 30-е годы практически непрерывно сигналы о готовности восстановить сотрудничество в духе договора в Рапалло, которое опиралось на антипольские принципы²⁷.

Здесь я хотел бы обратить внимание только на одну такую советскую инициативу (в историографии она носит название “миссия Давида Канделаки”), изложенную немцам во время советско-германских коммерческих переговоров, происходивших в Берлине в 1935–1936 гг.²⁸ Эта инициатива имела явно польский контекст. На завершающей стадии вышеупомянутых переговоров, 13 мая 1936 г., председатель советской делегации Д. Канделаки и его заместитель Е.К. Фридриксон были приняты Г. Герингом, который проявил огромный интерес к возможности улучшения отношений с Москвой. По его мнению, заявленные советской делегацией потребности в немецком военном оборудовании могли быть осуществлены лишь после обеспечения германской продукцией нужд собственно Германии. На завершающей стадии переговоров Геринг высказал убеждение, что придет время, когда советско-германские отношения улучшатся в обеих сферах: и в политической, и в экономической²⁹.

На следующий день, 14 мая 1936 г., польский министр иностранных дел Ю. Бек, возвращавшийся из Женевы, и польский посол в столице третьего рейха Ю. Липский провели беседу именно с Г. Герингом. Польская записка, касающаяся хода этой беседы, содержит следующую информацию: “Относительно отношений с Советами господин Геринг отметил, что после заключения последнего советско-германского клирингового договора советская делегация во главе с господином Канделаки настойчиво добивалась, чтобы он ее принял, что в конце концов и произошло. В беседе подчеркивалось желание улучшения отношений с Германией путем прекращения нападок в прессе. Было сделано кон-

кретное предложение о покупке в Германии нескольких военных кораблей и боеприпасов. Советская делегация дала понять, что Сталин, в противоположность Литвинову, позитивно относится к Германии. Господин Геринг выслушал это заявление и изложил его содержание канцлеру, который энергично выступил против подобных внушений. Тем не менее господин Геринг поставил вопрос, какие мотивы побуждают Советы действовать в таком направлении". Бек дал уклончивый ответ на этот последний вопрос, указывая на ухудшение положения Москвы на международной арене. Он подчеркнул также, что замечается смягчение советской политики в отношениях с Польшей³⁰.

Геринг, очевидно, не упомянул о собственных суждениях, высказанных в присутствии Канделаки, относительно развития советско-германских отношений. Сообщая полякам о советских предложениях по вопросу о восстановлении политики сотрудничества с Германией, Геринг стремился вызвать сомнение у своих польских собеседников, подрывая их доверие к политике Кремля. Прежде всего он хотел убедить Варшаву придать польско-германским отношениям явно антисоветский характер. Хотя Ю. Бек искусно нашел выход из этого положения, намерения, которыми руководствовалась советская сторона, должны были быть понятны и польским дипломатам. Из этого вытекало, что Москва не теряла надежд восстановить сотрудничество с Германией, и только отрицательное отношение канцлера мешает осуществлению советских планов. Данный вывод должен был иметь для польской дипломатии определяющее значение при формировании в будущем оценок перспектив развития германо-советских отношений. В то же время в Варшаве избегали официальных антифашистских деклараций, не находила там одобрения и политика "Народного фронта", провозглашенная советской дипломатией. Одновременно контроль за деятельностью представительства Коминтерна в Польше и в соседних государствах давал Варшаве возможность получить сведения о неофициальной линии советской внешней политики.

На VII конгрессе Коминтерна (июль 1935 г.) его генеральный секретарь Г. Димитров прямо сказал: "Наша борьба против варварского фашизма не означает, что мы стали сторонниками лицемерной и продажной буржуазной демократии! Да, мы не демократы!.. Цель нашей борьбы против фашизма не восстановление буржуазной демократии, а завоевание советской власти"³¹. Выводы, сделанные в результате наблюдения за всей совокупностью действий СССР на международной арене, давали польской дипломатии материал для оценки истинного содержания советской внешней политики³². Все это не вызывало в Варшаве доверия к политике Кремля.

Немцы, сохраняя отрицательное отношение к Польше, продолжали попытки уговорить ее принять свои антисоветские концепции. В августе 1936 г., когда советско-германские отношения значительно ухудшились, Г. Геринг в беседе с Я. Шембеком, определяя роль Советского Союза в германско-польских отношениях, отметил: “Мы совершенно убеждены в том, что Советы рано или поздно перейдут в наступление, о чем свидетельствуют интенсивное вооружение и советско-чешское сотрудничество. С момента начала советского наступления и Польше и Германии, хотя бы они того или нет, придется действовать совместно, ибо прежде всего это наступление будет направлено против них”³³.

Большинство историков считает Мюнхенский договор переломным в развитии событий, предшествовавших началу второй мировой войны. Однако, несмотря на все оговорки и мнения, доминирующие до сих пор в историографии, этот договор превратился для Гитлера в поражение. Фюрер, решительно стремившийся развязать локальную молниеносную войну с Чехословакией, оказался вовлеченным в дипломатические переговоры. Несмотря на то что в результате этих переговоров Гитлер получил согласие на удовлетворение своих притязаний, ему, однако, пришлось предоставить западным державам право, вопреки своей воле, участвовать в решении проблем Восточной и Центральной Европы³⁴. Надежды западных держав, связанные с созданием мюнхенской системы, базировались на убеждении в невозможности нарушения дипломатических норм в соответствии с принципом *pacta sunt servanda*³⁵. Но Гитлер отвергал традиционный этикет и “мещанскую нравственность”. Исходя из предпосылок философии модернизма, он устанавливал, что договорные обязанности не должны представлять собой ограничений для современного политика. Чехословакия после Мюнхенского договора полностью зависела от фюрера, который в любой момент мог решить ее судьбу³⁶.

В то же время в связи с выдвиганием третьим рейхом притязаний в отношении Польши появилась серьезная угроза подрыва основ проводимой министром Бекком политики балансирования. Германские требования были представлены польской стороне 24 октября 1938 г. министром иностранных дел Йоахимом фон Риббентропом в беседе с польским послом в Берлине Юзефом Липским. Берлин добивался включения Данцига в состав рейха, признания за Германией права на экстерриториальную автостраду через “польский коридор”, а также присоединения к антикоминтерновскому пакту. Этот пакт намеревались пополнить консультационной частью, следовательно, Варшава обязалась бы согласовывать свою внешнюю политику с Германией.

Последнее являлось основным пунктом германских притязаний³⁷. Требования Берлина не несли в себе ничего нового, но на этот раз были соединены в один блок вопросы, которые Берлин хотел “совокупно” урегулировать, проявляя не замечавшуюся ранее решительность.

Гитлер имел серьезный повод, чтобы избрать именно этот момент для принятия основных решений относительно Польши. Во-первых, польская акция против Чехословакии повлияла на изоляцию Варшавы на международной арене. Это привело к тому, что преимущество в германо-польских отношениях оказалось на стороне Берлина. Кроме того, в столице рейха обольщались надеждой, что поляки будут благодарить Германию за помощь, оказанную им в деле присоединения Тешинской Силезии к Польше. Во-вторых, рассчитанный на четыре года немецкий план вооружений начал уже приносить результаты. После его завершения, предусматривавшегося в 1940 г., Гитлер планировал начать войну с Францией³⁸. К этому времени Берлин должен был подчинить Польшу своему влиянию, исключив, с одной стороны, возможность ее участия в войне на стороне Парижа, с другой, – создав “буферную” зону, отделяющую рейх от Советского Союза, которая была бы совершенно зависима и подконтрольна ему.

Варшава пыталась усилить свою позицию путем улучшения отношений с СССР, положение которого на международной арене также не было благоприятным³⁹. Мюнхенский прецедент показал, что и в будущем европейские проблемы могли бы разрешаться без участия СССР, углубляя его международную изоляцию. “Официально Москва по-прежнему поддерживалась так называемой политики коллективной безопасности. Однако можно допустить, что после Мюнхена советские руководители в большей степени начали обращать внимание на другую сторону своей политики, т. е. на усилия отыскать *modus vivendi*⁴⁰ в отношениях с Германией”⁴¹. В свою очередь, в министерстве иностранных дел работали многие сторонники этого направления восточной политики рейха, которое ориентировалось на линию Рапалло⁴².

Сигналы о возможном улучшении польско-советских отношений не вызвали энтузиазма в Берлине. Шаги Варшавы однозначно интерпретировались немцами как завуалированная форма отказа от германского предложения присоединиться к антикоминтерновскому пакту. Следует согласиться с историком Войцехом Матерски, который, оценивая совместное польско-советское коммюнике с точки зрения ухудшающихся отношений между Польшей и Германией, утверждает: “...само коммюнике, равно как и реакция прессы, вызванная этим документом под лозунгом сближения Варшавы и Москвы, частью политических наблюдате-

лей были оценены как антигерманская демонстрация. В этом смысле западная польская политика, находившаяся под давлением *Globallösung*⁴³, получила дополнительные осложнения. Вопреки замыслам [польского министерства иностранных дел. – *С.Д.*] в очередной раз было взято под сомнение убеждение Берлина, что союз со II Речью Посполитой на антисоветской платформе – это только вопрос времени”⁴⁴.

5 и 6 января 1939 г. в Берхтесгадене и Мюнхене руководитель польской дипломатии провел беседы с Гитлером и Риббентропом. Во время этих бесед немецкие политики, не прибегая еще к угрозам, настойчиво повторили все свои прежние притязания. Гитлер утверждал также, что рейх заинтересован в существовании сильной Польши, независимо от того, какая политическая система будет господствовать в России, а наличие сильной польской армии могло бы ослабить бремя военного бюджета Германии. Риббентроп подчеркнул, что германские предложения не сводятся лишь к территориальным проблемам, ибо рейх “прежде всего, безусловно, хочет укрепить взаимоотношения” с Польшей⁴⁵. “Если министр Бек еще обольщал себя надеждой, что ввиду польского отказа Германия не будет настаивать на своих октябрьских притязаниях, а все предложения будут предъявлены Риббентропом по собственной инициативе, то тогда его быстро избавили от подобного заблуждения”⁴⁶. Несмотря на то что польско-германские отношения ухудшались, а Берлин постепенно усиливал давление на Варшаву, германская дипломатия не акцентировала внимание на данном обстоятельстве на международной арене. Подобная позиция, вероятно, вытекала из установки не раскрывать перспективы развития германо-советских отношений⁴⁷.

Тем временем в Москве беспокоились о том, не будет ли использовано польской дипломатией в качестве разменной монеты в переговорах с Германией только что принятое польско-советское коммюнике. 7 января 1939 г. польский посол в Москве Гжибовский был вызван в Народный комиссариат иностранных дел, где состоялась его беседа с Потемкиным. Содержание беседы Гжибовский затем передал в Варшаву: “Потемкин, используя образные выражения, высказал опасение, что наша совместная декларация может быть только маневром и предметом для торга. Я категорически заметил, что если не признают независимость нашей политики как аксиому, то нашу политику действительно трудно понять. Тогда Потемкин уточнил, что польское общественное мнение, имея возможность выбирать между фашизмом и большевизмом, может скорее избрать фашизм. Я ответил ему, что такой альтернативы нет, зато мы считали бы так

же нежелательным большевизацию Германии, как и гитлеризацию Советского Союза”⁴⁸.

Положение Варшавы было тогда трудным. С одной стороны, оживление отношений с СССР могло действительно усилить ее позицию по отношению к Германии на международной арене, с другой, – этот шаг могли воспринять в рейхе как провокацию. Из-за этого польская дипломатия избегала возможности использовать советскую карту. В Варшаве обольщались надеждой, что германское предложение *Globallösung* являлось предварительным условием для начала переговоров, а вслед за этим, как считалось, достижения компромисса с германской стороной⁴⁹. Основным притязанием Гитлера были не территориальные вопросы, а подчинение Польши германской политике. Поляки не могли не противиться реализации этих германских устремлений, ибо в противном случае Польша превратилась бы в германского вассала.

Во время своего визита в Варшаву (25–28 января 1939 г.) Риббентроп предложил Беку согласовать политику в отношении Советского Союза и Советской Украины. Согласно германской версии хода этой беседы, “Бек не скрывал в тайне того, что польские устремления будут простираться на Советскую Украину и на получение доступа к Черному морю, но одновременно указал на мнимую опасность для Польши в случае вовлечения ее в союз с Германией против СССР”. Польский министр иностранных дел якобы утверждал, что Советская Россия сама распадется или в отчаянии “объединит все свои силы и перейдет в атаку”. Риббентроп, указывая на то, что выбор одного из двух вариантов обрекает на пассивность, предложил взамен организовать “пропагандистскую атаку на СССР”. С целью рассеять польские опасения он подчеркивал, “что присоединение Польши к антикоммунистическим державам не связано было бы ни с какой опасностью”, напротив, “Польша могла бы обеспечить свою безопасность, если бы она решилась разделить позицию, занятую Германией”⁵⁰.

Согласно польской версии разговор “привел к отрицательному результату”. Во время этой беседы Риббентроп “предпринял последнюю попытку создать антисоветскую комбинацию”. Бек якобы ответил, что в случае ухудшения внутреннего положения СССР Кремль попытался бы развязать агрессивную войну. Но он, однако, считал подобное развитие событий маловероятным, поскольку могло “дойти до распада СССР на многонациональные государства”. Это, в свою очередь, делало актуальным вопрос об Украине, что являлось, однако, делом будущего, либо в данном вопросе сохранилось бы *status quo*. По мнению Бека, Риббентроп понял позицию Варшавы в отношении Советской

России и “невозможность присоединения Польши к антикоминтерновскому пакту”⁵¹. Эта оценка являлась чрезмерно оптимистической. Присоединение Варшавы к антисоветской коалиции рассматривалось как своего рода знак, а практическую роль должны были сыграть обязательные консультации. Принимая во внимание реалии Польши того времени, германские территориальные притязания не могли быть удовлетворены никаким независимым польским правительством. Для Гитлера позиция польского руководства означала как срыв его захватнических планов в отношении СССР, так и увеличивала риск войны на два фронта в случае вооруженного конфликта на западе. При этом трудно предположить, чтобы в планах германского диктатора рассматривалась возможность развязывания войны уже в 1939 г.⁵²

В Москве не отдавали себе отчета, в каком трудном положении находилась в то время Польша и какой степени охлаждения достигли польско-германские отношения. Это подтверждается многочисленными фактами. Так, еще в феврале 1939 г. Наркоматом обороны были разработаны планы военных действий на случай совместной германо-польской военной акции против Советского Союза⁵³. Правда, с 1938 г. Кремль получал данные, касающиеся состояния польско-германских отношений, от Рудольфа фон Шелиа, агента, действовавшего в германском посольстве в Варшаве, который являлся доверенным лицом посла Германии в Польше Ханса-Адольфа фон Мольтке. Таким путем советская разведка могла получить (но не ранее чем в марте 1939 г.) информацию о кризисе в отношениях между Берлином и Варшавой⁵⁴. Польская дипломатия решила сохранять факт разрыва отношений с Берлином в строжайшей тайне. Подобная тактика выдержала экзамен, но лишь до того момента, когда Гитлер решил дезавуировать данный факт на международной арене⁵⁵.

В марте Гитлер захватил Прагу и таким образом нарушил Мюнхенский договор. Принимая во внимание стратегические выгоды Германии, ликвидация Чехословакии имела целью увеличить давление на Варшаву и заставить ее принять притязания Берлина. И здесь имелись в виду не вопросы “коридора” или Данцига, а признание Польского государства недееспособным, превращение Польши в вассала Германии. Территориальные проблемы, а особенно вопрос о Данциге Гитлер мог решить в свою пользу и в рамках мюнхенской системы⁵⁶. Формулировка дальнейших задач была уже связана с ее нарушением.

В начале марта Гитлер наверняка не предусматривал еще развязывания войны с Польшей⁵⁷. В противном случае захват Праги следовало бы трактовать как величайшую ошибку в политической карьере фюрера. Этот захват менял политику западных

держав по отношению к Берлину, что позволило Польше выйти из политической и военной изоляции; а локализация конфликта с ней становилась невозможной. Иными словами, если целью Гитлера было лишь подчинение Польши на военной основе, то перед 12 марта 1939 г. он мог это сделать относительно быстро и в условиях локальной европейской войны, после чего его уже ожидала война мировая⁵⁸.

Тем временем 10 марта на XVIII съезде ВКП Сталин выступил с докладом, в котором остановился и на вопросе о международном положении Советского Союза. Его выступление не содержало типичных антигерманских выпадов (наверное, это было своеобразным “ответом” на январское выступление Гитлера, где отсутствовали антисоветские акценты). Сталин высказал мнение, что “новая империалистическая война уже началась”. Великобритания и Франция отказались от политики коллективной безопасности и ведут гибельную политику попустительства агрессорам. По мнению Сталина, они ставили цель посорить Германию с СССР и спровоцировать конфликт между этими государствами. Большевицкий вождь заявил, что Советскому Союзу следовало соблюдать осторожность, не давая втянуть себя в конфликты “provokatorам войны, привыкшим загребать жар чужими руками”⁵⁹. Но если целью Сталина было намерение обратить внимание на существующую возможность урегулировать заново отношения с Германией, то намеки, судя по всему, не были сразу правильно поняты⁶⁰.

В первом сообщении о выступлении Сталина, подготовленном в германском посольстве 11 марта 1939 г., было отмечено, что, по мнению советского вождя, “антикоминтерновский пакт” скорее направлен против демократических держав, чем против Советского Союза. Сталин по-прежнему старался придерживаться политики невмешательства в вооруженные конфликты и одновременного укрепления боеспособности Красной Армии⁶¹. 13 марта германский посол в Москве граф Вальтер фон Шуленбург направил в Берлин два важных документа, касающиеся XVIII съезда: подробный отчет о выступлении Сталина, а также краткий анализ ожидаемой политики Кремля в отношении Польши и Румынии, вытекающий из его доклада⁶². В первом из документов Шуленбург между прочим ссылался на сформулированные Сталиным принципы внешней политики Советского Союза. Одним из них было правило, что СССР будет поддерживать народы, ставшие жертвой агрессии и борющиеся за независимость своей страны⁶³. По крайней мере первоначально именно этот отрывок выступления Сталина Шуленбург считал самым важным. Анализируя содержание выступления советского вождя в кон-

тексте советской политики в отношении Польши и Румынии, посол доказывал, что в случае германской агрессии против этих государств, о чем говорилось в Москве, они могут рассчитывать на помощь Советского Союза⁶⁴. Подобным образом высказывались советские дипломаты в Лондоне, считая, что выступление Сталина было обещанием оказать “помощь соседям в случае германского нападения” на них⁶⁵. Можно предположить, что в марте германская дипломатия не была еще полностью уверена в том, каково будет отношение Москвы к польско-германскому кризису.

В последних числах марта 1939 г. международную обстановку в значительной степени изменили британские гарантии Польше, которые, без сомнения, укрепляли позицию Варшавы, находившейся под угрозой германского ультиматума⁶⁶. Когда информация о британских гарантиях дошла до Гитлера, тот пришел в ярость и угрожал, что “приготовит [англичанам] дьявольский напиток”⁶⁷. В прозвучавшей 1 апреля 1939 г. в Вильгельмсхафене речи фюрер обвинил Лондон за его политику “окружения” Германии при помощи “союзников”, а также предостерег англичан от попыток “таскать каштаны из огня для западных держав”, так как можно при этом обжечь пальцы. Он издевался над попытками Англии заключить соглашение с “большевистской Россией Сталина”⁶⁸. С. Жерко правильно заметил, что в выступлении Гитлера в Вильгельмсхафене можно найти сходство с выступлением Сталина 10 марта. Вскоре фюрер приказал германскому генштабу начать подготовку к войне с Польшей⁶⁹.

В первой половине марта в Лондоне возник проект подключения Советского Союза к акции “устрашения Гитлера”⁷⁰. Это предложение не вызвало энтузиазма в Восточной и Центральной Европе⁷¹. Поскольку на Даунинг-стрит перспектива сотрудничества с СССР также не была встречена с большой радостью, решили сосредоточиться на гарантиях Польше⁷².

Британские гарантии, данные Польше, имели серьезные последствия для Москвы. Они действительно предохраняли от гитлеровской агрессии и СССР. Можно даже сказать, что Сталин как бы получил более солидный “страховой полис”, чем предложения, предоставленные Польше западными державами. Ибо Гитлер не имел никакой реальной возможности атаковать СССР, не одержав предварительно победу над Польшей и ее западными союзниками. А это означало, как тогда могло показаться, по меньшей мере длительную военную кампанию. Такая ситуация только усиливала роль Москвы и повышала цену возможного сотрудничества с ней⁷³. Беспокойство могла вызывать только теоретическая возможность преодоления “польского кризиса” путем международной конференции типа мюнхенской, т.е. без уча-

стия СССР⁷⁴. Разве что Гитлер не был заинтересован в подобном преодолении, ибо он прежде всего стремился к полному подчинению себе Польши, чего ему трудно было бы достичь в ходе переговоров с западными державами. Дискуссии по вопросам Данцига и “коридора” имели для него лишь пропагандистское значение.

В Москве в начале апреля 1939 г. уже хорошо понимали ситуацию. Советский агент Рудольф фон Шелиа мог уже знать о том, что Варшава отвергла германский “ультиматум”. Таким образом, в Кремле наверняка отдавали себе отчет в неизбежном повороте в польско-германских отношениях. Известны были также британские гарантии Польше. Возможно, имелись сведения и о том, что в Лондоне их трактовали лишь как “демонстрацию” и не намеревались предпринимать никаких военных шагов для реализации данных Польше обязательств⁷⁵. В Кремле наверняка тщательно анализировали ситуацию, которая начала приобретать такой выгодный для Москвы оборот. 21 апреля Сталин в присутствии Молотова, Микояна, Кагановича и Ворошилова принял в своем кабинете в Кремле одновременно Литвинова и Потемкина, а также вызванных для консультации советских послов: И.М. Майского (из Лондона), А.Ф. Мерекалова (из Берлина), советника посольства Крапивенцева (из Парижа). Видимо, именно в этот день, между 13.15 и 16.50 было принято решение об интенсификации переговоров с Германией и об осуществлении поворота в советской внешней политике⁷⁶. Может быть, именно в ходе этого совещания Литвинова попросили подать просьбу об отставке. Следующий его визит в кабинет Сталина состоялся 3 мая, т.е. в день, когда “Политбюро удовлетворило просьбу Литвинова об отставке и освободило его от обязанностей народного комиссара иностранных дел”⁷⁷. Мерекалов, оценивая тогдашнюю политику Гитлера и его цели на международной арене, якобы выразил мнение, что фюрер начнет агрессию против Советского Союза через 2–3 года и поэтому следовало бы отвергнуть германские “авансы”. Для Сталина, убежденного в необходимости заключения соглашения с Гитлером, подобные взгляды Мерекалова наверняка дисквалифицировали его как советского представителя в Германии. Неудивительно, что в Берлин он уже не вернулся⁷⁸.

Германская дипломатия интерпретировала факт отставки Литвинова как результат разыгравшегося в Кремле конфликта по вопросам стратегии и тактики советской внешней политики. Проанглийская ориентация бывшего народного комиссара иностранных дел не была одобрена Сталиным, который в марте объявлял, что Советский Союз не даст втянуть себя в войну⁷⁹. Назначение Молотова на должность главы советского внешнеполитического ведомства обозначало, по мнению немцев, уста-

новление контроля Сталина над внешней политикой Советского Союза. Молотов, в понимании германских дипломатов, был только фигурантом: практической работой комиссариата должен был управлять Потемкин. В дипломатическом корпусе в Москве комментировали дело таким образом, что неожиданная смена народного комиссара иностранных дел предвещала скорый поворот в советско-германских отношениях⁸⁰.

В Польше не увидели потенциального воздействия вышеупомянутых изменений в международном положении на позицию советской стороны. Прежде всего потому, что положение Москвы оценивалось в Варшаве как очень тяжелое и в действительности лишенное какого-либо поля для маневра. Перспективу нормализации советско-германских отношений считали нереальной в свете враждебного отношения Гитлера к России, тем более к России коммунистической⁸¹. Кроме того, Берлин в последний период целенаправленно стремился к созданию антисоветского блока с участием Польши. В ультимативном тоне он требовал от Варшавы согласиться с подобным проектом. Это должно было убедить польских руководителей в непреходящей значимости антисоветских установок Гитлера. Сверх того советская сторона старалась сохранить у поляков уверенность, что никакой поворот в ее политике по отношению к Польше невозможен, а в случае конфликта с Германией Польша может рассчитывать на “благожелательный нейтралитет” и поставки сырья. Такое заявление сделал 10 мая во время своего визита в Варшаву в беседе с министром Беком заместитель народного комиссара иностранных дел Потемкин. Целью этого визита в Варшаву был зондаж готовности поляков сопротивляться Гитлеру, в том числе – с использованием возможной советской помощи⁸².

В Берлине заметили, что роль Москвы в сложившейся весной 1939 г. на международной арене ситуации являлась ключевой. В историографии продолжается спор о том, которая из сторон первая проявила инициативу зондажа, касающегося соглашения: Советский Союз или третий рейх⁸³. Однако нет сомнений, что ход событий привел к ситуации, в которой завязывание сотрудничества затрагивало интересы обеих сторон.

В начале мая в политическом отделении германского министерства иностранных дел была проанализирована политика Кремля на международной арене за первые месяцы 1939 г. Указывалось, что начало германо-советских переговоров свидетельствует о принятии обеими сторонами правила, что в случае вооруженного конфликта в Европе “внутриполитические и мировоззренческие различия не должны препятствовать созданию союза, даже тогда, когда идеологическое противоречие столь же

велико, как отличие ультракапиталистической, абсолютной английской монархии со свободным рынком от антикапиталистического и атеистического, коммунистического большевизма". По мнению аналитиков из Берлина, принятие советской стороной такой точки зрения тотчас же ставило Германию в более выгодное положение, чем "западные демократии". Идеологическое различие между Россией и третьим рейхом было меньше, чем общественный строй "государства передового пролетариата" и "капиталистической английской монархии". Они отмечали, что в течение ряда лет причины разногласий между Германией и Россией носили исключительно идеологический характер. Однако теперь в связи с новой советской точкой зрения на значение "идеологических противоречий" для внешней политики не будут возникать проблемы подобного рода. Тем более что Москва, присоединившись к предлагаемому Лондоном антигерманскому блоку, только укрепила бы позицию своих соседей – Польши, Румынии и Британской империи (Индия). Зато участие Советского Союза в войне "совместно с Германией против Польши было бы менее рискованным и могло бы (помочь) вернуть старые белорусские и украинские земли, переданные Польше"⁸⁴. Несомненно, уже в мае в Берлине предвидели, какую цену им придется заплатить за нейтрализацию Москвы и за срыв усилий западных держав по втягиванию России в антигерманский блок. Цитированный документ соответствовал мнению служащих министерства иностранных дел Германии, поскольку спустя месяц при посредничестве аналитического бюро из Гамбурга, связанного с Абвером, его довели, с небольшими стилистическими изменениями, до сведения других министерств рейха⁸⁵.

Гитлер, приняв решение о вооруженной расправе с Польшей, стремился изолировать Варшаву на международной арене и тем самым локализовать планируемую войну. С этой целью германская дипломатия активизировала свои усилия на нескольких направлениях одновременно. Во-первых, Берлин оживил отношения с Советским Союзом, который уже несколько лет сигнализировал о своей готовности к сотрудничеству с Германией. Во-вторых, германское внешнеполитическое ведомство предприняло шаги, направленные на ослабление союза западных держав.

Германия старалась разъяснить дипломатам Запада, что она обладает огромным полем для маневра в отношениях с СССР. По всей видимости, она не была заинтересована в том, чтобы держать в тайне возможность поворота в германо-советских отношениях. Настойчивое сосредоточение внимания на такой возможности должно было оттолкнуть западные государства от поддержки Польши. Показать на международной арене, что поло-

жение, в которое попало Польское государство, столь тяжело, что, даже принимая во внимание все обстоятельства, никакая помощь не будет возможной, отвечало интересам германской дипломатии. Именно в этом состояла цель германской “тайной пропаганды”⁸⁶. К ее достижению стремился, почти открыто информируя о собственных намерениях, французский посол в Берлине Р. Кулондр, рапорты которого в значительной степени повлияли на оценку международной ситуации на Кэ д’Орсе⁸⁷. 23 мая 1939 г. премьер-министр Франции Э. Даладьё следующим образом характеризовал французскому послу в Лондоне А. Корбинну шаги, которые намеревалась предпринять германская дипломатия для решения “польской проблемы”: “Господин Риббентроп не исключает целиком гипотезы, которая в настоящее время является преобладающей. По мнению шефа германского Министерства иностранных дел, Польское государство неустойчиво, рано или поздно оно будет обречено на гибель; (Польша) будет снова разделена между Германией и Россией. Замысел такого раздела прямо содержится в концепции Риббентропа о повороте в советско-германских отношениях. Министр иностранных дел рейха считает, наконец, что такой поворот в будущем явится необходимым и неизбежным. Он находится в согласии с природой вещей, так же как и в согласии с наиболее живучими традициями Германии. Ясно, что это позволит надолго развязать польско-германский конфликт или, откровенно говоря, просто ликвидировать Польшу методом, недавно использованным против Чехословакии. Особенно важно, что это позволит (в результате. – С.Д.) победить Британскую империю”⁸⁸.

Германия осознавала, что в случае присоединения Москвы, даже на словах, к антигерманскому блоку, создаваемому западными державами, локальная война с Польшей в условиях невмешательства западных держав являлась невозможной⁸⁹. Поэтому весной и летом 1939 г. Берлин ставил своей действительной целью на международной арене создание как можно более широкой базы для переговоров, прибегая к козыри для планируемой крупной игры с Советской Россией. В данном контексте следует рассматривать заключение союзов о ненападении с Балтийскими государствами, а также интенсификацию переговоров с советской стороной: постепенный переход от общих экономических и хозяйственных вопросов к самым важным политическим проблемам. В министерстве иностранных дел Германии знали о том, что Москва заинтересована в обострении политической ситуации и у нее нет никаких поводов, чтобы сохранять status quo в Европе. Кремль, пользуясь растерянностью, которая могла возникнуть в результате вооруженного конфликта между Германией и Поль-

шей, имеющей за спиной западные державы, с удовольствием подчинил бы себе не только часть Польши, но и Балтийские государства и Финляндию. Кроме того, Берлин обладал информацией о том, что формула, говорящая о возникшем *casus foederis*⁹⁰, также в случае “косвенной агрессии”, объявленная советской стороной во время переговоров с западными державами, означала на самом деле требование предоставить СССР свободу действий в Балтийских государствах и Финляндии⁹¹.

Таким образом, Гитлер располагал достаточной информацией о советских намерениях. Сотрудничество с Кремлем не было необходимым для него, чтобы расправиться с Польшей, но оно играло существенную роль как средство, служившее для ее изоляции и потери западных союзников. Договор, подписанный Риббентропом и Молотовым 23 августа 1939 г. в Москве, по плану Гитлера должен был окончательно отбить охоту у западных держав к вооруженному вмешательству в германско-польский конфликт. Поэтому пакт о ненападении с СССР был для Берлина неопределимым документом, хотя и понимаемым исключительно как тактический шаг, имеющий главным образом пропагандистское значение.

Стремясь изолировать Польшу на случай конфликта с ней, Берлин не мог не попробовать нейтрализовать Советский Союз. В случае присоединения, даже только на словах, Москвы к антигерманскому блоку, создаваемому Лондоном и Парижем, развязать войну с Польшей не было возможности, и Гитлер прекрасно отдавал себе отчет в этом. Для Кремля перспектива польско-германской войны предоставляла, наконец, возможность повысить роль Советского Союза на международной арене⁹². “На ближайшее время, – утверждает польский историк Павел Заремба, – союз с Германией или даже нейтралитет в конфликте Германии с остальной Европой давали России преимущества непосредственно в виде раздела Восточной Европы на сферы интересов, что на практике означало раздел Польши и занятие Балтийских стран с возможностью оккупации на Балканах. Эти преимущества создавали достаточную базу для дальнейшей экспансии в момент, удобный для Советского Союза. Ключевым моментом здесь была ликвидация Польского государства как самого сильного элемента мирного сосуществования в этой части Европы. Ликвидация Польского государства была также основным устремлением Германии, направленным на завоевание территории с целью ее дальнейшей эксплуатации и на обеспечение своих тылов перед началом борьбы с западными демократиями”⁹³. В данной связи необходимо, однако, обратить внимание на то, что упоминавшиеся преимущества могли стать фактом только в случае невыпол-

нения западными державами союзнических обязательств по отношению к Польше. В противном случае они превратились бы в роковой сон для советских руководителей в продолжение всего межвоенного периода, в кошмар всеевропейской антисоветской коалиции. Иными словами, пакт с Гитлером был для Сталина приемлемым только в случае непринятия Великобританией и Францией решительных военных акций против Германии, ведущей войну с Польшей. Если бы в Кремле располагали информацией, что в случае германской агрессии против Польши вмешательство западных союзников на западе неотвратимо, не дошло бы до пакта Риббентропа–Молотова, или по крайней мере до советского вторжения 17 сентября 1939 г. и до четвертого раздела Польши.

Данный анализ может подтвердить приведенное выше предположение, что советская разведка и советская дипломатия располагали самой секретной информацией об основах европейской политики западных держав. Эти знания должны были вызывать подозрения о действительных шагах Лондона и Парижа, склонявших Москву к участию в антигитлеровском союзе. С точки зрения Кремля, мог возникнуть вопрос: а что если западные гаранты Польши захотят выполнить свои обязательства не силами собственных армий, а силами Красной Армии? Многие указывают на то, что по крайней мере в Париже действительно возникали проекты такого рода. В сумме вышеперечисленные обстоятельства привели к тому, что франко-англо-советские переговоры становились не чем иным, как лишь еще одним элементом, увеличивающим аргументацию в пользу достижения быстрейшего соглашения с СССР⁹⁴. В Берлине серьезно обеспокоились ходом франко-англо-советских переговоров только в июле. Видимо, тогда Гитлер решил немедленно заключить “пакт с дьяволом”, отбросив в угоду высшей необходимости свою точку зрения на большевизм⁹⁵.

Отвечая на вопрос, какова была роль Польши и ее отношений с СССР в политических расчетах Берлина в 30-е годы, следует отметить, что, очевидно, она не являлась ключевой. Однако вместе с тем Польша на основании своего географического положения и проводимой внешней политики являлась, с точки зрения германской дипломатии, элементом настолько важным, что без определения положения Варшавы осуществить большинство требований, вытекающих из германских государственных интересов даже в рамках версальской системы, было невозможно. Планы Гитлера выходили далеко за пределы, определенные Версальским договором. Поэтому его политика по отношению к Польше также должна была выйти за рамки традиционных де-

финиций и предпосылок. Первоначально фюрер рассматривал отношения с Польшей конструктивно, а их нормализация вытекала из стремления вывести Германию из безысходного положения, в котором она находилась после разрыва отношений с СССР и выхода из Лиги наций, а также из желания изолировать Францию. Затем он предусматривал для Польши роль союзника при создании “нового порядка в Европе”, а также планируемого в будущем “крестового похода” против большевизма. Наконец, натолкнувшись на отказ Варшавы, еще не приступив к реализации своих намерений, Гитлер должен был подчинить себе Польшу. В период формирования в Европе двух враждебных лагерей Советский Союз начал играть основную роль. Гитлер, желая сделать невозможным сотрудничество западных держав с СССР, препятствовавшее его целям, должен был довести дело до договора со Сталиным. Советский руководитель стремился спровоцировать вооруженный конфликт между третьим рейхом и западными демократиями и не был заинтересован в сохранении status quo. Крах версальской системы давал ему возможность, как минимум, вернуть территории, принадлежавшие бывшей Российской империи, а в оптимальном варианте – большевизировать всю Европу. С точки зрения Гитлера, одобрение Кремлем его планов в отношении Польши и Западной Европы не имело значения. Тем более, восстановление в Восточной и Центральной Европе ситуации, существовавшей до 1914 г., должно было показаться несбыточным делом.

- ¹ См.: *Beloff M.* The Foreign Policy of Soviet Russia, 1929–1941. L.; N.Y.; Toronto, 1955 (1949). Vol. 1–2; *Carr E.H.* German-Soviet Relations. 1919–1939. Baltimore, 1951; *Les Relations Germano-Sovietques de 1933 a 1939.* P., 1954; *Fabry P.W.* Die Sowietunion und das Dritte Reich. 1933–1941. Stuttgart, 1971; *Roberts G.* The Unholy Alliance. Stalins Pact with Hitler. L., 1989; *Niekrich A.M.* Partners, Predators, German-Soviet Relations. 1922–1941. N.Y., 1997.
- ² *Hillgruber A.* “Revisionismus” – Kontinuitet und Wandel in der Außenpolitik der Weimarer Republik // *Historische Zeitschrift.* 1983. № 237. S. 597–621.
- ³ В том же состоянии, что и до войны (*лат.*).
- ⁴ *Weinberg G.* The Foreign Policy of Hitler’s Germany. A diplomatic revolution in Europe. 1933–1936. New Jersey, 1994. P. 14.
- ⁵ *Akten zur Deutschen Auswärtige Politik.* Göttingen, 1995 (1950). Serie A. Bd. VI. Dok. № 159 (Далее: ADAP).
- ⁶ См.: Карл фон Нейрат – посольству в Москве, 22.2.1933 // ADAP. Serie C. Bd. I/1. Dok. № 33.
- ⁷ *Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffman.* B., 1929. Bd. 1. S. 339; *Arnold Rechberg und das Problem der politischen West-Orientierung Deuchlands nach dem 1 Weltkrieg.* Koblenz, 1958. S. 60–65, 126–136.

- 8 *Hindebrand K.* Das vergangene Reich. Deutsche Außenpolitik von Bismark bis Hitler, 1871–1945. Stuttgart, 1996. S. 460.
- 9 *Ibid.* S. 548–552.
- 10 *Ross H.* Polen und Europa. Studien zur polnischen Aussenpolitik. 1931–1939. Tübingen, 1957. P. 65–71; *Он же.* Die Präventivkriegspläne Pilsudskis von 1933 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte; 1955. № 4. P. 344–363 (Далее: VfZ); *Wandycz P.* Trzy dokumenty: przyczynek do zagadnienia “wojny przewencyjnej” // Biblioteka “Kultura”. T. LXXXIV. Zeszyty Historyczne. Z. III. P., 1963; *Wojciechowski M.* Polska i Niemcy na przełomie lat 1932–1933 // Roczniki Historyczne. T. XXIX. Poznań, 1963. Войцеховски интерпретирует проект “превентивной войны” как польское средство давления на Берлин, целью которого являлось отвлечение внимания Германии от опасного для Варшавы “пакта четырех”. Я разделяю это мнение. См. также: *Wojciechowski M.* Stosunki polsko-niemieckie. 1933–1938. Poznań, 1965. S. 29–33.
- 11 *Wojciechowski M.* Stosunki polsko-niemieckie, 1933–1938. S. 21.
- 12 *Weinberg G.* The Foreign Policy of Hitler’s Germany. A diplomatic revolution in Europe. 1933–1936. P. 14–15.
- 13 *Pese W.* Hitler und Italien, 1920–1926 // VfZ. 1955. Heft N 3. S. 113–126; *Weinberg G.* Op. cit. S. 16–18.
- 14 *Hindebrand K.* Op. cit. S. 460–465, 588.
- 15 *Beck J.* Przemówienia, Deklaracje, Wywiady. Warszawa, 1939. S. 58 и далее.
- 16 См. также: Сообщение польского посла в Берлине Высоцкого о его беседе с Гитлером 2 мая 1933 // *Dariusz i teki Jana Szembeka*, (1935–1945). T. I–IV. L., 1964. T. I. S. 55 (Далее: DTJS).
- 17 Свои союзнические обязанности относительно Польши Франция с 1925 г. пыталась вывести не из действующего договора с 1921 г. о военном союзе, а из политических гарантий, связанных с решениями конференции в Локарно. Анализ этого вопроса см: *Wandycz P.* The Twilight of French Eastern Alliances, 1926–1936. French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton; New Jersey, 1988. S. 98–101, 109–110, 152–153. См. также раннюю работу этого автора: *Wandycz P.* France and her Eastern Allies. 1919–1925. French-Czechoslovak-Polish Relations from Paris Peace Conference to Locarno. Minneapolis, 1962. В последнее время во французской историографии утверждается, что на практике пакт от 1921 г. никогда не был реальным союзом. См: *Bariéty J.* Die französich-polnische “Allianz” und Locarno // *Locarno und Osteuropa.* Marburg, 1994. S. 78–81.
- 18 См.: Беседа германского посла в Варшаве Мартина Шлипа (Schliep) с советским послом в Варшаве Антоновым-Овсеенко (28 июля 1933 г.) // *ADAP. Serie C. Bd. 1/2. Dok. № 379.*
- 19 *Miedziński M.* Pakty wilanowskie // *Kultura.* P., 1963. № 7/8. S. 113–133; *Wojciechowski M.* Stosunki polsko-niemieckie, 1933–1938. S. 62–64, 100–102; *Materski W.* Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie. 1918–1939. Warszawa, 1994. S. 257–261, 266–267.
- 20 *Hindebrand K.* Op. cit. S. 578–592.

- 21 *Żerko S.* Polska wobec zbliżenia niemiecko-radzieckiego u schyłku lat trzydziestych // *Przegląd Zachodni*. 1998. № 2. S. 115–116.
- 22 О французской реакции на польско-германскую декларацию см.: *Wandycz P.* The Twilight of French Eastern Alliances, 1926–1936. S. 308–314.
- 23 *Wojciechowski M.* Stosunki polsko-niemieckie, 1933–1938. S. 111.
- 24 *Ibid.* S. 214–249.
- 25 Основное советское положение по отношению к германско-польской декларации см.: Записка Литвинова о переговорах с Бекем 13–15.2.1934 // *Dokumenty i materiały do stosunków polsko-radzieckich*. Warszawa, 1967. Т. VI, 1933–1938. Dok. № 107. S. 192.
- 26 *Hindebrand K.* Op. cit. S. 590–591.
- 27 *Niekrich A.M.* Op. cit. P. 85–98.
- 28 Об этом см.: *Niekrich A.M.* Op. cit. S. 91–98; *Besymensky L.* Geheimmission in Stalin Auftrag. David Kandelaki und die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der dreißiger Jahre // *VfZ*. 1992. Juli. № 40. Heft 3. S. 340–342; *Абрамов И.А.* Особая миссия Давида Канделаки // *Вопросы истории*. 1991. № 4–5.
- 29 ADAP. Serie C. Bd. V/1. Dok. № 341 (Anlage).
- 30 Archiwum Akt Nowych. Warszawa. MSZ. Gabinet Ministra. 108 A. T. II. k. 47–48 (Далее: AAN). См. также: *Wojciechowski M.* Stosunki polsko-niemieckie, 1933–1938. S. 303–304.
- 31 Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998. Док. № 216. С. 881, 882.
- 32 *Pełtoński A.* Wywiad polski na ZSRR, 1921–1939. Warszawa, 1996. S. 238–239, 262–263.
- 33 DTJS. Т. II. S. 161–162.
- 34 В данном случае можно согласиться с точкой зрения С. Жерко. Гитлер выражал недовольство результатами Мюнхенского договора 1938 г., формально одобряя право Лондона и Парижа вмешиваться в дела Восточной и Центральной Европы. Однако на практике фюрер не намеревался его соблюдать. См.: *Żerko S.* Stosunki polsko-niemieckie. 1938–1939. Poznań, 1998. S. 87–88.
- 35 *Pacta sunt servanda* (лат.) – одно из положений международного права: “Договоры должны соблюдаться”.
- 36 Гитлер 10 октября 1938 г. прямо подчеркивал, что “вопрос Чехословакии надо полностью решить уже в течение ближайших месяцев”. См.: *Von Hassel U.* Vom anderen Deutschland. Aus den nachgelassenen Tagebücher. Zürich; Freiburg, 1946. S. 21.
- 37 *Diplomat in Berlin, 1933–1939. Papers and Memories of Józef Lipski. Ambassador of Poland.* N.Y.; L., 1968. S. 453–454; *Żerko S.* Stosunki polsko-niemieckie. 1938–1939. S. 114. Примеч. 105.
- 38 *Żerko S.* Wymarzone przymierze Hitlera. Wielka Brytania w narodowosocjalistycznych koncepcjach i polityce III rzeszy do 1939 r. Poznań, 1995. S. 359 и далее; *Он же.* Stosunki polsko-niemieckie. 1938–1939. S. 196; *Graml H.* Europas Weg in den Krieg. Hitler und die Mächte. München, 1990. S. 116 и далее.
- 39 В результате польско-советских переговоров в Москве правительственные информационные агентства (ТАСС и ПАП) опубликовали 27

- и 28 ноября 1938 г. совместное польско-советское коммюнике, подтверждающее важность тогдашних договоров между этими государствами. Интерпретация коммюнике была предпринята в следующих исследованиях: *Skrzypek A. Strategia pokoju. Radziecka polityka zbiorowego bezpieczeństwa w Europie. 1932–1939. Warszawa, 1979. S. 568–570; Pagel J. Polen und die Sowjetunion. 1938–1939. Die polnisch-sowjetischen Beziehungen in den Krisen der europäischen Politik am Vorabend des Zweiten Weltkrieges. Stuttgart, 1992. S. 179–220.* В. Матерски считает, что проект сближения с Москвой вписывался в реализуемую министром Беком “политику равновесия” и должен был дать своего рода ответ на укрепление позиции Германии после аншлюса и распада польско-французского союза. См.: *Materski W. Op. cit. S. 323–327.*
- ⁴⁰ Способ мирного сосуществования (лат.).
- ⁴¹ *Gregorowicz S., Zacharias M.J. Polska-Związek Sowiecki. Stosunki polityczne, 1925–1939. Warszawa, 1995. S. 166.*
- ⁴² См.: *Fleischhauer I. Diplomatische Widerstand gegen “Unternehmen Barbardossa”. Zum historischen Ort der deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1933 bis Herbst 1941. München, 1993.*
- ⁴³ Окончательное решение (нем.).
- ⁴⁴ *Materski W. Op. cit. S. 326–327.*
- ⁴⁵ ADAP. Serie D. Bd. 5. Dok. № 120.
- ⁴⁶ *Żerko S. Stosunki polsko-niemieckie. 1938–1939. S. 183.*
- ⁴⁷ Politisches Archiv Auswärtiges Amt (PAAA, Bonn). Büro des Staatssekretärs. Polen. Bd. 1. Sygn. 29683. k. 34524. Посол СССР в Берлине А. Мерекалов обращал внимание в своем “Дневнике”, что в январском (1939 г.) выступлении Гитлера “не было никаких атак на СССР”. Документы внешней политики СССР. М., 1992. Т. XXII. Кн. 1. С. 88 (Далее: ДВП СССР).
- ⁴⁸ AAN. ZSRR. Sygn. 6756.
- ⁴⁹ В вопросе о Данциге Польша соглашалась на уход Лиги наций из Свободного Города и была готова обговорить будущий статус этого города с Берлином в рамках двустороннего договора. По вопросу “экстерриториальной автострады” Польша также была открыта для диалога с Гитлером, о чем свидетельствуют далеко продвинутое предложения министра Бека от 25 марта 1939 г. См.: *Diplomat in Berlin, 1933–1939. Papers and Memoires of Józef Lipski... Dok. № 139. S. 504–507.* См. также: *Beck J. Ostatni raport. Warszawa, 1987. S. 116–118.*
- ⁵⁰ ADAP. Serie D. Bd. V. Dok. № 126.
- ⁵¹ DTJS. Т. IV. S. 485. Французский посол в Варшаве Леон Ноель, который провел беседу с Риббентропом в Варшаве 27 января, в своих воспоминаниях писал, что Риббентроп “был взволнован и слишком недоволен пребыванием в Варшаве”. См.: *Noel L. L’agression allemande contra la Pologne. P., 1946. S. 294.*
- ⁵² *Żerko S. Stosunki polsko-niemieckie. 1938–1939. S. 246–247.*
- ⁵³ *Барышников В.Н. Эволюция отношений СССР с Финляндией в предвоенный период // Зимняя война. 1939–1940. М., 1998. С. 87.*
- ⁵⁴ См.: Воспоминания одного из членов “Красной капеллы” // *Kegel G. In den Sturmen unseres Jahrhunderts. B. (Ost), 1983.*

- ⁵⁵ *Żerko S. Stosunki polsko-niemieckie. 1938–1939. S. 191–192, 227.* Бывший военный атташе американского посольства в Варшаве В.Х. Кольберн вспоминал, что слухи о германских притязаниях к Польше – угрозе аннексии Данцига, экстерриториальной автострате и присоединении Варшавы к антикоминтерновскому пакту – начали циркулировать среди дипломатов, работавших в столице Польши в середине 1939 г. См.: *Colbern W.H. Polska. Styczeń-sierpień 1939 g. Analizy i prognozy. Komentarze do wydarzeń attache wojskowego ambasady USA w Warszawie. Warszawa, 1986. S. 29.*
- ⁵⁶ Э. Вайцзеккер в феврале 1939 г. отмечал, что инкорпорация Данцига, Клайпеды, а также получение территориальной связи с Восточной Пруссией было бы «самым популярным в нашей стране и самым понятным для заграницы следующим актом германской внешней политики. Изолированную и не могущую рассчитывать ни на какую помощь Польшу Германия могла бы легко “уменьшить” до размеров “буфера”, отделяющего рейх от России. К этому побуждал Э. Вайцзеккер Й. Риббентропа уже в декабре 1938 г. (*Die Weizsäcker-Papiere, 1933–1950. Frankfurt a/M.; B.; Wien, 1974. S. 146, 150.*)
- ⁵⁷ *Żerko S. Stosunki polsko-niemieckie. 1938–1939. S. 247–275.* Еще в начале мая германский посол в Бухаресте В. Фабрициус в разговоре с литовским дипломатом Тураускасом говорил, что Гитлер не намерен провоцировать начало войны с Польшей: AAN. MSZ. Rumunia. Sygn. 6368.
- ⁵⁸ Бывший польский дипломат, начальник юридического отдела польского МИДа Владислав Кульски в своих воспоминаниях писал: “... если бы Гитлер в марте 1939 г. вместо захвата Праги и исконно чешских и словацких земель потребовал бы от Польши согласия на инкорпорацию Данцига и Поморья, то наверняка можно было бы смело атаковать Польшу без опасения вступления в войну с Англией и Францией, общественное мнение которых считало бы, что только упорство Польши было бы повинно в этой локальной войне”. См.: *Kulski W. Pamiętnik byłego dyplomaty // Zeszyty Historyczne. 1977. № 42. S. 156.* Занятие Праги и Клайпеды (Мемеля) Гитлером интерпретируется как шаг, усиливающий давление на Польшу. См.: *Sowa A.L. U progu wojny. Krakow, 1997. S. 243–244.*
- ⁵⁹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г.: Стеногр. отчет. М., 1939. С. 15.
- ⁶⁰ Некоторые авторы считают, что немецкая сторона поняла истинное значение выступления Сталина уже 10 мая 1939 г. См.: *Grosfeld L. Polskie aspekty stosunków niemiecko-sowieckich. Warszawa, 1981; Sowa A.L. U progu wojny. S. 266.*
- ⁶¹ PA AA. Politische Abt. V. Russland. Allgemeine auswärtige Politik Russland. Bd. 1. Sygn. 104355.
- ⁶² *Beloff M. Op cit. Vol. II. 1936–1941. P. 224–228; Tucker R.C. Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941. N.Y., 1991.* См. также: *Esseys in Honour of E.H. Carr. L., 1974. P. 152–168; Roberts G. The Soviet Decision for a Pact with Nazi Germany // Soviet Studies. Vol. 44. № 1. P. 59.*
- ⁶³ ADAP. Serie D. Bd. 6. Dok. № 1.

- ⁶⁴ PA AA. Politisches Abteilung V. Polen. Politischen Beziehungen zwischen Polen und Rußland. Bd. 1. Sygn. R 104130, k. 338480–338481. Посол, однако, подчеркивал, что польское и румынское правительства не желают, чтобы Советский Союз помогал им, так как они опасаются, что Красная Армия в случае вторжения на территорию этих государств захочет присоединить ее к СССР. См.: Ibid. k. 338481.
- ⁶⁵ *Polskie akty dyplomatyczne odnoszące się do rokowań brytyjsko-francusko-sowieckich w okresie przed wybuchem drugiej wojny światowej* // Polish Diplomatic Documents Concerning Negotiations between Great Britain, France and the Soviet Union before the Outbreak of the Second World War (PAD). Generał Sikorski Historical Institute. L., 1955. Doc. № 1. S. 3.
- ⁶⁶ 21 марта в беседе с польским послом в Берлине Ю. Липским Й. Риббентроп очень настойчиво повторил все немецкие притязания. При этом он подчеркнул, что Гитлер “все больше удивляется позиции Польши”. Риббентроп приглашал Бека в Берлин для заключения окончательного соглашения (ADAP. Serie D. Bd. VII. Dok. № 61, 73). Польша должна была однозначно ответить: друг она или враг (ADAP. Serie D. Bd. VII. Dok. № 88). Третьего выхода Берлин уже не видел (ADAP. Serie D. Bd. VII. Dok. № 61). Поляки отвергали требования Берлина, хотя допускали возможность предоставления известных концессий, но только и исключительно “в границах польской суверенности” (Ibid. Dok. № 101). Это de facto означало разрыв отношений.
- ⁶⁷ См.: *Gisevius H.B.* Bis zum bitteren Ende. Hamburg, 1947. Bd. 2. S. 107.
- ⁶⁸ *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen. 1932–1945. München, 1963. Bd. II. S. 1119 и далее.
- ⁶⁹ *Żerko S.* Stosunki polsko-niemieckie. 1938–1939. S. 292–293.
- ⁷⁰ Речь идет об объявленном 20 марта Лондоном предложении, чтобы Англия, Франция, Советский Союз и Польша провозгласили совместную декларацию, обязывавшую эти государства производить взаимные консультации в случае угрозы миру в Европе. Советский Союз формально приветствовал замысел декларации, но хотел бы распространить ее на балтийские, скандинавские и балканские страны, что лишило бы смысла весь этот проект (Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. 3rd Series. L., 1951. Vol. IV. P. 400, 490–492, 467). Кремль, в свою очередь, предложил созыв международной конференции с участием наиболее “потенциально заинтересованных государств”: Великобритании, Франции, Румынии, Польши и Турции // Известия. 1939. 22 марта.
- ⁷¹ *Kamiński M.K., Zacharias M.J.* W cieniu zagrożenia polityka zagraniczna RP 1918–1939. Warszawa, 1993. S. 242–245. Кроме Польши отрицательно к этому проекту относились все соседи СССР. См.: *Mylyniemi S.* Die baltische Krise, 1938–1941. Stuttgart, 1979. S. 45; *Jacobson M.* The Diplomacy of the Winter War. An Account of the Russo-Finnish War, 1939–1940. Cambridge, Mass., 1961. S. 78–85.
- ⁷² Румынский министр иностранных дел Гафенку считал, что “британское правительство сторонится установления более близких отношений с Советами и в результате нынешние англо-советские разговоры ни к чему не приведут”: AAN. MSZ. Wydział Wschodni. Rumunia. Sygn. 6369.

- ⁷³ *Ulam A. Expansion and Coexistence. N.Y., 1975. S. 267 и далее.* Другой точки зрения придерживается Захариас, который считает, что такие последствия для советской внешней политики имели только высказанные Гитлером декларации о неприменении силы 28 апреля 1939 г. (См.: *Kamiński M.K., Zacharias M.J. Op. cit. S. 256*). Данная точка зрения представляется мне неверной. О британских гарантиях для Польши как об источнике увеличения переговорных возможностей Москвы см.: *Murray W. The Change in the European Balance of Power, 1938–1939: The Path to Ruin. Prinston, 1984. S. 290 и далее.*
- ⁷⁴ «...британское правительство и не могло использовать против Польши такого давления и угроз, какие оно использовало впрочем вместе с Францией в 1938 г. против Праги, и не могло также в свете отсутствия доверия к Гитлеру предлагать проведение новой конференции “а ля Мюнхен”, как в 1938 г. Теперь оно стремилось к компромиссу ценой жертвы и ко всесторонним договоренностям с Германией» (*Cienciata A. Polska w polityce W. Brytanii w przededniu wybuchu II wojny światowej // Kwartalnik Historyczny. 1990. № 1–2. S. 92–98*).
- ⁷⁵ Информировал ли об этом Москву К. Филби или кто другой, не имеет большого значения. Наверняка советские агенты имели доступ к самой тайной информации, касающейся политики британского правительства. См.: *Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1994. С. 111.*
- ⁷⁶ Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1995. № 5–6. С. 35–36.
- ⁷⁷ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1009. Л. 18.
- ⁷⁸ *Безыменский Л.А. Советско-германские договоры, 1939: Новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 13–14.*
- ⁷⁹ ADAP. Serie D. Bd. VII. Dok. № 325.
- ⁸⁰ PA AA. Politisches Abteilung V. Rußland. Bd. 1. Sygn. 104355, k. 202549–202553.
- ⁸¹ *Beck J. Op. cit. S. 136.*
- ⁸² В своей инструкции Потемкину Молотов предлагал в случае решения поляков принять советскую помощь заявить, что “СССР может им помочь”. См.: ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 293, 352; Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. М., 1990. Т. 1. Док. № 332. С. 444. См. также: *Gregorowicz S., Zacharias M.J. Op. cit. S. 189–190.* О доброжелательной позиции СССР в отношении Польши говорил в Варшаве и новый советский посол Николай Шаронов. См.: *Gregorowicz S., Zacharias M.J. Op. cit. S. 193–194.*
- ⁸³ Как известно, оценки разных источников по этому вопросу различны. Советские документы, рассекреченные и опубликованные в последние годы, указывают на германскую сторону как на инициатора сближения Советского Союза и Германии в 1939 г. Известные в течение десятилетий германские источники отдавали приоритет в этом советской стороне. Ср., например: Год кризиса... Т. 1. Док. № 279; ADAP. Serie D. Bd. 6. Док. № 217.

- ⁸⁴ PA AA. Politische Abteilung V. Russland. Allgemeine auswärtige Politik Russland. Bd. 1. Sygn. R. 104355, k. 202583–202585.
- ⁸⁵ Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg. Oberkommando der Wehrmacht. Ausland/Abwehr Amt, Länderberichte von Vertrauensleuten – deutsch-sovietische Wirtschaftsverhandlungen. Juni 39–Dez. 39. Sygn. RW 5/591.
- ⁸⁶ В поручении польского МИДа Владиславу Гжибовскому от 19 августа 1939 г. отмечалось: «... Германская “тайная пропаганда” старается убедить, что не только в экономической сфере, но и в политической реи́х может не опасаться Советов». В связи с этим Гжибовского спрашивали, не располагает ли он “хотя бы косвенной информацией о советско-германских экономических переговорах?” (AAN. MSZ. Wydział Wschodni. ZSRR. Sygn. 5756.
- ⁸⁷ Le Livre jaune francais. Documents diplomatiques, 1938–1939. P., 1939. Док. № 125, 127. P. 163–165, 172–174.
- ⁸⁸ Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Archives de l’Ambassade de France a Londres. Pologne. Z-698-5. Telegramme 1001–1012. Кулондр информировал весной и летом 1939 г. Ю. Липского о намерении Й. Риббентропа довести дело до заключения антипольского договора с Советским Союзом (ксерокопию этого документа предоставил мне историк Марек Корнат). Так, хорошее понимание замыслов Берлина отчасти обосновывало отчаянные попытки французской дипломатии заключить какое-либо соглашение с Советским Союзом. Усилия эти летом 1939 г. предпринимались даже без информирования Варшавы и против ее воли. См.: *Bartel H.* Frankreich und die Sowjetunion, 1938–1940. Stuttgart, 1986. S. 233–255; *Du Reau E.* Frankreich vor dem Krieg // 1939. An der Schwelle zum Weltkrieg. Die Entfesselung des Zweiten Weltkrieges und das internationale System. B.; N.Y., 1990. S. 189–195; *Watt D.C.* How War Came the Immediate Orgins of the Secon World War. N.Y., 1989. P. 452.
- ⁸⁹ Гитлер в случае, если бы ему не удалось нейтрализовать СССР, намеревался отказаться от планов войны с Польшей и созвать в Мюнхене чрезвычайный съезд НСДАП под мирными лозунгами. См.: *Kordt E.* Nicht aus den Akten. Die Wilhelmstraße in Frieden und Krieg Erlebnisse, Begegnungen und Eindrücke, 1928–1945. Stuttgart, 1950. S. 310, 315; *Coulondre R.* De Stalin à Hitler. P., 1950. P. 271; *Bregman A.* Najlepszy sojusznik Hitlera. L., 1987. S. 18; *Watt D.C.* Op. cit. P. 444–445.
- ⁹⁰ “Договорный случай” (лат.), т.е. случай, при котором вступают в силу обязательства по союзному договору.
- ⁹¹ PA AA. Büro des Staatssekretärs. Russland. Bd. 1. Sygn. 29712, k. 111483, 111500.
- ⁹² *Łukaszewicz J.* Dyplomata w Paryżu, 1936–1939. L., 1989. S. 243.
- ⁹³ *Zaremba P.* Historia dwudziestolecia (1918–1939). Wrocław, 1991. S. 493.
- ⁹⁴ *Zgórnjak M.* Sojusz polsko-francusko-brytyjski i problemy jego realizacji w planowaniu oraz praktycznej działalności wojskowej mocarstw zachodnich w 1939 r. // Z dziejów dyplomacji i polityki polskiej. Studia poświęcone pamięci Edwarda hr. Raczyńskiego Prezydenta Rzeczypospolitey Polskiej na wychodźstwie. Warszawa, 1994. S. 372–373.
- ⁹⁵ *Michalka W.* Ribbentrop und deutsche Weltpolitik, 1933–1940. München, 1980. S. 278–279.

М. Захариас

(Варшава)

ПРЕДПОСЫЛКИ И МОТИВЫ ПОЛИТИКИ Ю. БЕКА В 1939 году

Политику Ю. Бека в 1939 г. нельзя правильно интерпретировать без учета предшествовавших событий на международной арене и действий, какие в связи с ними предпринимал польский министр иностранных дел. Нельзя точно сказать относительно концепций и действий Ю. Пилсудского, действительного автора и руководителя польской внешней политики в 1926–1939 гг.

В. Побуг-Малиновский, историк, связанный с политическим лагерем Пилсудского, писал, что последний был “для Бека всем – источником всяческих законов, мировоззрением, даже религией. Не было, не могло быть никакой дискуссии по вопросам, по которым маршал когда-либо высказал свое суждение”.

Вышеприведенную оценку, в принципе верную, следует связывать с тем обстоятельством, что Бек был точным, скрупулезным исполнителем политики Пилсудского, конкретизированной в период прихода Гитлера к власти в Германии и постепенного распада германо-советского сотрудничества в рамках так называемой рапальской политики. Внешнюю политику Пилсудского определяли тогда и по-прежнему определяют как “политику равновесия”. Она была результатом убеждения, что в период коренных и бурных изменений в международной обстановке Польша, расположенная в столь важном месте континента, на скрещении противоречивых интересов держав, должна стараться поддерживать по возможности лучшие отношения со своими могущественными соседями – Германией и Советским Союзом. Итак, основной директивой для польской дипломатии становилось стремление к тому, чтобы не вступать ни с одной из этих стран в сотрудничество, направленное против другой из них. Она должна была также избегать ситуаций, которые в результате могли к этому привести. Именно такой политике должны были служить договоры о ненападении, подписанные с Советским Союзом и Германией 25 июля 1932 г. и 26 января 1934 г. Если бы

Германия решилась, несмотря ни на что, нанести удар, то Польшу должен был защищать союз, заключенный 21 ноября 1921 г. с Францией. Пилсудский считал, что этот союз должны были дополнить польские ходатайства о самых лучших отношениях с Великобританией, в перспективе союзнических. Маршал полагал, что без привлечения Англии на сторону Польши Франция не придет на помощь в случае угрозы своей привислинской союзнице.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что, несмотря на верность вышеуказанным принципам, Бек несколько иначе, чем Пилсудский, относился к некоторым важнейшим внешнеполитическим проблемам Польши. Прежде всего он не разделял мнения Пилсудского о возможности возврата Германии и Советского Союза к рапальской политике. В момент смерти Пилсудского (12 мая 1935 г.) он считал, что международное положение Польши не дает почвы для опасений. С удовлетворением Бек наблюдал рост напряжений в отношениях между Берлином и Москвой, считая, что они являют собой “наиболее характерный момент нынешней политической обстановки в Европе”. Он приходил к выводу, что эти напряжения сделают невозможным возврат обоих соседей Польши к рапальской политике.

Это было мнение, которое Бек повторял неизменно до 1939 г. Главное препятствие для соглашения между могущественными державами – соседями Польши – он усматривал в антисоветской политике Гитлера: лидер третьего рейха – “это не Бисмарк... он слишком заядлый для того, чтобы смочь вести тонкую игру своего великого предшественника. Я очень на это рассчитываю. Немецкие генералы, как кажется, иного мнения, но они никогда ему не воспротивятся. Я не вижу возможности германо-советского соглашения”.

Не подлежит сомнению, что убеждение о стабильности напряжений между Москвой и Берлином привело Бека к более оптимистичному по сравнению с Пилсудским отношению к возможностям, какие давала “политика равновесия”. Трудно не поддаться впечатлению, что, по его мнению, главные элементы этой политики, т.е. договоры, заключенные с определенными державами, с успехом могли бы служить реализации главных внешнеполитических целей государства – независимости и территориальной целостности в более продолжительной перспективе времени, чем та, о которой думал Пилсудский. Именно это было причиной того, что политика Бека характеризовалась некоторой жесткостью, которой были лишены действия Пилсудского. В отличие от него Бек заметно привязывался к ситуации, которую он считал самой выгодной для Польши. Таким образом он подтвердил обоснованность мысли Пилсудского о том, что его преемни-

кам может не доставать “дара изобретательности” в поисках методов защиты польских интересов сообразно времени и обстоятельствам.

Необходимо подчеркнуть, что Бек, по-видимому, отступал от еще одной, очень важной оценки Пилсудского. По мнению маршала, Польша оказалась бы под угрозой не только в результате совместного германо-советского нападения, но и в случае агрессии со стороны одной только России. Тем временем, наблюдая события в Советском Союзе, Бек приходил к выводу о невозможности, “чтобы война пришла со стороны России”. В сентябре 1937 г. он выражал сомнение относительно того, “чтобы нам что-либо долгие годы угрожало со стороны нашего восточного соседа... Он слишком слаб, чтобы по своей инициативе начать военные действия. Ни одно государство не выдержит такого, чтобы раз в несколько лет расстреливать свои военные и политические кадры”.

Это мнение было сформулировано несколько месяцев спустя после того, как секретарь Бека Павел Стаженский заметил, что министр больше всего “времени и мыслей посвящал германской проблеме, Гитлеру, возрастающему динамизму третьего рейха”. В результате можно было подумать, что Бек склоняется к тому, что Польше может угрожать опасность прежде всего со стороны Германии.

Однако такая оценка, противоречащая позиции, ранее выражавшейся Пилсудским, отнюдь не означала, что министр опасался немедленного удара Германии. Он считал, что есть серьезные барьеры и препятствия, по крайней мере затрудняющие антипольские действия Гитлера. Эти препятствия им усматривались главным образом во внешней политике третьего рейха. Он считал, что фюрер принимает их во внимание и что в конечном счете они благоприятны для Польши. Так по крайней мере следовало из заявлений Гитлера во время визита Бека в Берлин в начале июля 1935 г. Как следует из содержания польского документа, Гитлер заявил тогда, что ослабление Польши было бы равносильно росту угрозы Германии со стороны Советского Союза. Он заявил также, что Европа кончается на восточной границе Польши и что самая большая опасность – это политика Советского Союза, единственной страны, действительно угрожающей “понятию Европы в целом”. Если европейские государства будут растрчивать свои силы на взаимные ссоры, то они станут «в один прекрасный день жертвами вторжения “русского востока”, который убить других народов не может, но может всем людям сделать жизнь непереносимой». В таких условиях существование сильной Польши (“попытка оттолкнуть Польшу от Балтийского моря была бы безумием”) совпадает с интересом Германии.

Лидер третьего рейха старался демонстрировать миролюбивую ориентацию своей страны. Сопоставляя территориальные завоевания с огромными демографическими потерями, он приходил к выводу, “что европейские войны следует признать военным безумием, противоречащим всякому трезвому мышлению”. Намекая на судьбы Польши, он отмечал, что всякие завоевания непрочны, так как “в течение, скажем, последних двух веков государства в территориальном отношении возвращаются к прежнему состоянию”. Из польского изложения беседы, написанного послом Ю. Липским, следовало также, что “сам канцлер пришел к убеждению, что ничего другого в Европе сделать нельзя”, как только оставить национальные государства “в покое”; до настоящего времени они являются единственным прочным основанием “организации в Европе”. Гитлер говорил также, что в мировом масштабе он является “сторонником налаживания отношений с Англией, категорически отвергая попытки соперничества или гонки, чтобы создать в Англии убеждение, что Германия уважает интересы Британской империи, а лишь рядом с этой империей она хотела бы обеспечить себе минимум интересов... Поэтому с момента, когда он получил влияние на правление Германией, он сразу решил выдвинуть в качестве важнейших, а в давнишней Германии столь непопулярных, два пункта: налаживание отношений с Англией и Польшей. Остальное, по его мнению, дело второстепенное”.

Анализируя эти заявления Гитлера, надо, несомненно, помнить, что они были инструментом политики, цели которой противоречили официально провозглашаемым. Эти заявления умещались в рамках общей политики вождя третьего рейха, стремившегося нейтрализовать или привлечь те государства, против которых он в данное время не выступал. Часто также свои подлинные, агрессивные цели он прикрывал миролюбивой фразой. Итак, беседа с Бекком не была здесь никаким исключением.

Нельзя, однако, не заметить, что в умозаключениях Гитлера в июле 1935 г. есть элементы, которые польский министр небезосновательно мог рассматривать всерьез. Я имею в виду высказывание фюрера о том, что новый всеобщий вооруженный конфликт в Европе мог бы принести выгоды только Советскому Союзу. Европейские государства, как можно догадываться и Германия, были бы подвергнуты влиянию Кремля. И этот прогноз действительно в большой мере сбылся. Неотдаленное будущее показало, что он не был лишен оснований, вытекал из рациональных предпосылок. В результате Бек имел некоторое право полагать, что Гитлер будет избегать борьбы со всеми противниками одновременно, чтобы не повторилась трагедия, постигшая Германию в 1918 г. Итак, не было

бы ничего удивительного, если бы в ближайшие годы он стремился создать такую ситуацию, в которой возможное нападение Германии на Польшу встретилось бы с противодействием Франции и Великобритании. Выступление этих государств совместно с Польшей, несомненно, открывало бы перспективу всеобщего вооруженного конфликта, которого Гитлер, как казалось, избегал. На практике такая политика Бека была продолжением старой позиции Польши: стремления сохранить и по возможности расширить союзнические обязательства Франции в отношении Польши. Это нашло выражение, в частности, в ходе контактов с французскими политиками во время сессии Совета Лиги наций в Лондоне в марте 1936 г. Члены Совета совещались там после ремилитаризации Рейнской зоны и расторжения Гитлером Локарновских договоров 7 марта 1936 г.

О союзе с Францией Бек говорил также в ходе своего визита в Лондон 8–12 ноября 1936 г. В переговорах с английским министром иностранных дел А. Иденом он подверг критике старые Локарновские договоры как нарушающие равновесие в Европе. Он заявил, что в будущем можно было бы избежать нежелательных последствий таких договоров. Говоря о такой возможности, он имел в виду изменение отношений в Восточной Европе, “так как выяснилось, что польско-германское соседство, подобно польско-советскому, возможно урегулировать на нормальных началах и что польско-германский договор заключен при полном понимании польско-французского союза”. Со времени урегулирования польско-германских отношений, заметил он, “вся динамика Германии направилась на Запад”. Ныне Польша должна знать, есть ли у нее “разумные шансы” на сотрудничество с Западом или же возникает опасение, подобно тому, как в 1925 г., “что этот контакт может быть отрезан”.

В связи с этим вопросом Бек отметил, что с 1921 г. Польша остается в союзе с Францией и что она придает ему “величайшее значение”. Он констатировал, что договор имел бы некоторое значение и с точки зрения Лондона. В случае нападения Германии на Францию англичане могли бы получить выгоды, если бы знали, что Польша придет на помощь жертве агрессии. Он заявил, что не намерен сравнивать скромные ресурсы своей страны с британскими, но антигерманская активность Польши на континенте могла бы стать значимым фактором. Быть может, так деликатно, не называя вещи своими именами, Бек хотел дать понять, что Англия, будучи сильна на море и в воздухе, все-таки слаба, практически разоружена на суше и именно благодаря позиции Польши смогла бы найти поддержку и дополнение своих скромных сил на этом участке в случае необходимости ведения войны с Гитлером.

Если именно это имел в виду министр, то и к Англии в некотором отношении могло относиться его заявление о том, что, выражая готовность помощи Франции, Польша не может “вести благотворительную деятельность”. Она должна знать, будет ли Франция готова прийти ей на помощь в случае агрессии Германии на Востоке, не делают ли ее международные обязательства в связи с проектируемым новым соглашением западных держав (так называемым западным договором) невозможным эффективным выполнение союзнических обязательств в отношении Польши.

Ноябрьский визит Бека в Лондон имел необыкновенно важные мотивы и цели. Его высказывания о Франции решительно опровергают всякие теории о мнимом непонимании значения отношений с этой страной. Напротив, они являются свидетельством значения, какое министр придавал сохранению двухстороннего, независимого от других факторов, союза с Францией. То, что он говорил о нем в Лондоне, проистекало из убеждения о ведущей роли Англии в международной политике, из констатации, что французы во все большей мере ставят в зависимость свои дипломатические начинания от позиции Лондона. Это, по-видимому, был также результат того обстоятельства, что, несмотря на усилия Бека, с ним не хотят разговаривать о функционировании союза в случае угрозы со стороны Германии.

Лондонские высказывания Бека противоречат также взгляду, что он не оценивал должным образом угроз со стороны третьего рейха. По моему убеждению, они свидетельствуют скорее о том, что, несмотря на определенный оптимизм в отношении общей ситуации в Европе, Бек считался с возможностью вооруженного конфликта в точно неопределенном будущем.

Усилия, прилагаемые для поддержания союза с Францией, склоняют к важным выводам. Они позволяют сформулировать мнение, что на практике союз с Францией, как и договоры о неприменении насилия с соседями, были основным инструментом того, что мы определяем как “политику равновесия”. Они свидетельствуют о том, что страховка в Париже была необходимым элементом удерживания Гитлера от выступления против Польши. По-видимому, это и имел в виду посол Франции в Польше Ж. Ларош, когда в январе 1933 г. он писал в одном из своих докладов, “что абсурдно причислять Бека к кругу герmanoфилов, как делают иные наши газеты”. Он, несомненно, не питает к Франции “сентиментального чувства” и не отдает ей исключительного предпочтения. “Мы для него – козырь в политической игре, и он слишком интеллигентен, чтобы не понимать, что ничто не может Польше заменить французского союза”. Мнение

Лароша полностью подходило к положению как в 1933 г., так и в последующие годы.

Понимая важность союза с Парижем, Бек по-прежнему связывал его с польско-английскими отношениями. Несомненно, он оставался под влиянием убеждения о силе и прочности Британской империи, не видя заметных симптомов ее заката. 11–19 мая 1937 г. он вновь побывал в Лондоне в связи с торжествами коронации Георга VI. В беседе с Н. Чемберленом, который в то время был еще только канцлером казначейства, Бек старался подчеркнуть значение своей страны в случае европейских конфликтов. Он заявил, что “позиция Польши как союзника в момент выполнения на континенте Великобританией союзнических обязательств” может быть для нее полезной. Итак, здесь можно увидеть связь с заявлением, сделанным Идену в ноябре 1936 г.

В декабре 1937 г. посол Соединенных Штатов в Польше А. Дж. Дрексел Биддл Младший заметил, что Бек “неутомимо наблюдает движения Британии” и что его предположения относительно будущих действий Лондона играют важную роль в формировании долгосрочной политики Польши. Посол считал, что “глубочайшим стремлением Бека было тесное соглашение с Великобританией. Это стремление проявилось в неофициальном, частном контакте, установленном Беком 8 августа 1938 г. в Гдыне с нанесшим туда частный визит первым лордом Адмиралтейства Альфредом Даффом Купером, а также в заявлении, сделанном в конце этого месяца послу Биддлу, с которым Бек поддерживал лучшие отношения, также и частные. Явно с надеждой на то, что его высказывание будет передано не только к сведению Госдепартаменту, Бек заявил, что внешняя политика Польши по отношению к Германии является результатом уступчивой позиции Запада. Он отметил, что, несмотря на “неудачный опыт, она не является антифранцузской, а в лице Англии она [Польша] видит в будущем возможную дополнительную поддержку для себя, если только эта старая держава не выпустит из рук руководства”.

Практически критерием польско-английских отношений должна была стать ситуация Польши после мюнхенской конференции. Не вдаваясь в излишние и в большой степени известные подробности, упомянем лишь о немецких требованиях по вопросу Гданьска и автостреды через польское Поморье, выдвигавшихся с 24 октября 1938 г., и о расчленении Чехословакии, проведенном Гитлером в середине марта 1939 г. Именно в этой ситуации Чемберлен, тогда премьер-министр Великобритании, предварительно проконсультировавшись с Беком, представил, выступая 31 марта 1939 г. в Палате общин, гарантии Польше. В результате создавалось впечатление, что именно в этот день Велико-

британия “перенесла, как пишет Стаженский, свою болдуиновскую границу безопасности с Рейна на Вислу”, т.е. отказалась от политики умиротворения, изменила позицию в отношении Германии и, что самое важное, выступила на стороне Польши. Бек мог полагать, что ему удалось сохранить корректные отношения с Германией до должного момента. В начале апреля он отправился с очередным визитом в Лондон. Заявления, сделанные им в связи с этой поездкой, выясняют существенные мотивы его политики.

В Лондоне Бек беседовал с Чемберлером и министром иностранных дел Э. Галифаксом. Он встретился также с предшественником Галифакса Иденом, которому заявил, что результатом польско-английского соглашения “будет отпугивание Германии от дальнейших шагов, направленных против Польши. Немцев это разозлит, и они наделают порядочно шума, но ничего больше сделать не могут”. Подобные оценки Бек представил в своей книге “Последний отчет”. Там можно прочесть, что к соглашению с Англией его склонил тот факт, что “почти полное руководство внешней политикой Франции находится в Лондоне”. Недосказанным выводом из этой констатации может быть только то, что исключительно Англия будет в состоянии побудить французского союзника Польши к антигерманским действиям. Именно эта предпосылка и была одним из главных мотивов деятельности Бека также и в предыдущие годы.

В упомянутом документе Бек пишет также, что, по его мнению, польско-английский договор должен был стать “последним превентивным средством” или “решающим шагом” для обеспечения Польше “могущественного союзника, если бы Германия уже не хотела отказаться от агрессивных намерений по отношению к нам”. Итак, он не исключал войны, но надеялся, что можно будет ее избежать. Он пишет, что помнил о своей беседе с Гитлером в июле 1935 г.; в ходе разговора фюрер несколько раз повторял, что “немецкому народу для успешного развития нужно продолжать на континенте хорошие отношения с Польшей, а в мировом масштабе с Англией. Остальное... это второстепенные дела”. “Ввиду того что это заявление, комментирует Бек, было сделано еще во время, когда Гитлер более откровенно говорил о целях своей политики, мне приходилось этот вопрос рассматривать много серьезнее”.

Об определенных надеждах Бека на сохранение мира говорят и другие документы. Так, директор западного департамента МИД Ю. Потоцкий, сопровождавший Бека в его поездке в Лондон, утверждал в своем письме Э. Рачиньскому, что министр “видел всю эту акцию в аспекте тактики. Он думал, что она отпугнет

Берлин”, и поэтому не требовал уточнения обязательств Польши и Великобритании.

Уже после приезда в Варшаву Бек заявил, что предстоящая война будет “очень тяжелая”, но и Гитлер, пожалуй, задумается, прежде чем ее начнет. “Il n'est pas téméraire”. Он хорошо знает, что следующая война может совершенно уничтожить Германию... Он говорил мне об этом в 1935 г., когда впервые я беседовал с ним в Берлине. Если Гитлер начнет войну, то это будет месть Австрии за Садову. Никогда ее Германия не выиграет (подчеркнуто мною. – М.З.). Но будет очень тяжело. Если бы даже Гитлер занял всю Польшу, чего впрочем не считаю возможным, то на нашей восточной границе он наткнется на казацкие штыки”. И здесь Бек еще раз выразил сомнение относительно шансов германо-советского соглашения, так как “немецкая система... и большевистская слишком похожи друг на друга, чтобы смочь взаимно терпеть себя. Одна исключает другую. Не раз я впрочем задумывался над тем, кого Гитлер больше ненавидит: евреев или Совдепию. Он выходит из себя, когда о них говорит”.

В таких условиях создается впечатление, что ходатайства о соглашении с Великобританией, а благодаря ему и с Францией, предпринимались для того, чтобы склонить Гитлера отказаться от агрессии и соблюдать прежнюю политику Германии в отношении Польши, основанную на договоре об отказе от применения насилия от 26 января 1934 г. Видимо, Бек надеялся, что благодаря помощи Запада он оживит один из элементов увядавшей “политики равновесия” и таким образом спасет Польшу. Итак, не вызывают удивления попытки установить контакт с Берлином. Уже возвращаясь из Лондона, на берлинском железнодорожном вокзале Бек имел беседу с Липским. Он сказал послу, что соглашение с Англией, почти совпадающее с принципами польско-французского союза, который Германия признала в 1934 г., не противоречит положениям польско-германской декларации об отказе от применения насилия. Он поручил Липскому заявить, что по возвращении в Варшаву он намерен проинформировать посла Ганса фон Мольтке о целях и характере нового договора.

Попытка установить контакт с представителем третьего рейха была, однако, безуспешной. Немецкие власти считали, что после заключения соглашения с Англией Польша менее, чем когда-либо, склонна к уступкам, и очевидным образом избегали каких бы то ни было дискуссий. Вопреки надеждам Бека они готовились к вооруженной расправе с Польшей; ее соглашение с Англией не тормозило, а, наоборот, побуждало агрессивные замыслы

---

* Буквально: “Он не так безрассуден” (фр.).

Гитлера. Министру не удалось его сдержать, что он пытался сделать также при посредничестве румынского министра иностранных дел Г. Гафенку. Тот в апреле 1939 г. пребывал в Берлине и беседовал, в частности, о польско-германских отношениях с вождем третьего рейха, которому изложил взгляды Бека, отражавшие его концепцию избежания конфликта. Гафенку передал ему также заверение министра в том, что Польша не намерена сотрудничать с Советским Союзом против Германии. Оно было результатом его убеждения, выразившегося ранее, что польско-советское сотрудничество могло бы только ускорить удар третьего рейха. Таким образом, по мнению Бека, следовало бы держать Советскую Россию в стороне от событий – практически в изоляции.

Необходимо подчеркнуть, что с теоретической точки зрения действительно можно было бы ожидать, что поддержка Польши западными державами создаст предпосылки для взрыва всеобщего вооруженного конфликта. В беседе, которую Бек так хорошо сохранил в памяти, Гитлер действительно предусматривал с большой уверенностью, что Германия не выиграет очередной мировой войны и что главные выгоды получит от нее Советский Союз. Итак, нельзя полностью отвергнуть тезис, что “отпугивание” Германии возможностью войны с Великобританией, Францией и Польшей предпринималось для того, чтобы убедить Гитлера, что угроза развязывания всеобщего вооруженного конфликта очень близка. Если таким действительно был ход мыслей Бека, а цитируемые документы, на наш взгляд, подтверждают этот тезис, то именно эта угроза была бы главным фактором, который должен был удерживать Гитлера от нападения на Польшу.

Такие умозаключения были бы логичны. Дело только в том, что партнер, которому пожалуй пытались их внушить, не руководствовался одними только рациональными предпосылками. Вопреки заявлениям, сделанным в 1935 г., на политику Гитлера в большой степени влияли иррациональные факторы. Видимо, логические предпосылки были главным образом инструментом его тактики, завесой, прикрывающей подлинные цели, т.е. то, что должно было служить осуществлению безумной идеи жизненного пространства. В 1939 г. Гитлер стремился к войне и вопреки надеждам Бека никакие рациональные соображения, включая возможность выступления западных держав, не были в состоянии изменить его политику. Тем более, что фактически позиция этих держав позволяла ему думать, что и на этот раз они воздержатся от энергичного выступления. Несомненно, он лучше угадывал главные направления политики Парижа и Лондона, чем министр Бек. Ведь последний, обманывая себя возможностью

предотвращения войны, полностью ее не исключал и в связи с этим не обращал должного внимания на то, что могло на практике означать приспособление Франции и Великобритании к его постоянно выдвигаемым предложениям ужесточения их политики в отношении Германии. Иными словами: будут ли предстоящие военные действия этих держав носить наступательный или оборонительный характер, а следовательно, будут ли они сконцентрированы на поддержке Польши или на попытке защитить другие, с точки зрения западных союзников, более важные территории; будут ли союзники в состоянии ответить на требования новой военной ситуации в психологическом плане, что касалось главным образом французов, и в военном плане, что было исключительно важно в отношении англичан, у которых, как известно, не было значительных сухопутных сил.

В этих условиях Бек не предусмотрел такой возможности, что западные державы могут рассматривать польский фронт, согласно верному замечанию польского посла в Париже Ю. Лукасевича, “только как прикрытие”, позволяющее “спокойно провести мобилизацию и сосредоточение армии и укрепить противовоздушную оборону... Франции и Англии”, предусматривая, что война продлится несколько лет, а польский фронт не имеет большого стратегического значения. При этом прежде всего Бек не предвидел того, что отношения между Германией и Советским Союзом не были predetermined никакими идеологическими соображениями, враждебностью Гитлера или какими-либо другими факторами. Предположение, что Гитлер никогда не договорится со Сталиным, оказалось ошибочным, что в главной мере способствовало неуспеху политики Бека в 1939 г. Дело в том, что соглашение, заключенное вождями третьего рейха и Советского Союза 23 августа этого года, вело к обновлению рапальского германо-советского сотрудничества, позволило Гитлеру напасть на Польшу и создало предпосылки для нового раздела этой страны. Следует также подчеркнуть, что, предусматривая раздел Польши, оно было также основным дипломатическим актом, способствовавшим развязыванию войны в Европе, а затем и в масштабе всего мира.

В этих условиях прогнозы Бека о неизбежном поражении Гитлера хотя и имели рациональные основания, могли оправдаться лишь в отдаленном будущем, когда необузданная агрессивность Германии действительно привела к созданию мощной коалиции и к поражению этого государства. Оно явилось результатом и новой позиции, занятой Кремлем, которого нападение третьего рейха вынудило договориться с англосаксонскими державами. В силу обстоятельств это должно было привести, в свя-

зи с характером политики Сталина, к еще одному поражению Польши, подвергнутой господству Москвы по окончании войны.

Итак, Бек не предусмотрел, что Россия не даст себя изолировать и что возникнет коалиция, которая не будет той, о которой он думал. В конечном счете в расчетах польского министра не хватило понимания, что логические предпосылки, верные для продолжительной перспективы, не были достаточны для того, чтобы обеспечить Польше безопасность, независимость и территориальную целостность в данное время и в будущем; понимания, что в конкретной ситуации 1939 г. у Гитлера, несмотря на очевидную аберрацию в области общих политических целей, были, однако, значительные возможности маневра, позволившие ему изолировать Польшу и напасть на нее. Эти возможности у него имелись в связи с политикой как Сталина, так и западных держав. В результате они способствовали тому, что лидер третьего рейха не был способен холодно и рационально определить основные цели своей политики. Польский министр не заметил, что имеет дело с фантастом, чьи замыслы определяются не столько оценкой действительных возможностей Германии, сколько химерами, необузданной жадой власти и политической утопией.

Однако надо со всей решительностью сказать, что ошибки Бека были ничем по сравнению с виной тех, кто это политическое фантазирование допускал и даже создавал для него возможности, прежде всего Сталина, который руководствовался собственными, не менее утопическими целями. Они обуславливались его стремлением максимально распространить свою власть и навязать послевоенному миру советскую модель общественного строя.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Предисловие	9
<i>Е.В. Борейша</i> (Варшава) Отдельные замечания о тоталитарных и авторитарных системах в Европе 20–30-х годов	12
<i>М.М. Наринский</i> Политика СССР в Европе и Польша. 1933–1938	28
<i>С. Грегорович</i> (Варшава) Место и роль СССР в политике Польши в 30-е годы	39
<i>Ю.Л. Дьяков</i> Неизвестные документы об отношениях СССР (России) и Польши в XX веке	50
<i>Н.В. Васильева</i> Советско-польские отношения в свете избранных документов архива МИД и военных архивов России	71
<i>В.В. Соколов</i> Польский внешнеполитический узел в преддверии второй мировой войны	85
<i>В. Матерски</i> (Варшава) Польско-советские отношения (1932–1939). Узловые проблемы	97
<i>Л.Н. Нежинский</i> СССР и Польша в 1934–1935 годах: упущенные возможности?	106
<i>М. Лечик</i> (Варшава) Во французско-польско-российском треугольнике. 1922–1934	112
<i>А. Каспаравичюс</i> (Вильнюс) Советская дипломатия и литовско-польский конфликт. 1925–1935	129
<i>Т.С. Бушueva</i> СССР–Германия: тайное сотрудничество (20–30-е годы). Малоизвестные документы архивов России	139

<i>С.З. Случ</i>	
Польша в политике Советского Союза. 1938–1939	156
<i>С. Дембски (Краков)</i>	
Польско-советские отношения в оценках Берлина в 30-е годы. Не- которые вопросы	191
<i>М. Захариас (Варшава)</i>	
Предпосылки и мотивы политики Ю. Бека в 1939 году	219

Научное издание

**СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ЕВРОПЫ
30-х годов XX СТОЛЕТИЯ**

Сборник статей

Утверждено к печати Ученым советом Института российской истории
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н. Л. Петрова*. Редактор *В.М. Черемных*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*. Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая, О.Е. Русакова*

Подписано к печати 23.03.2004. Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 14,5. Усл.кр.-отг. 14,5. Уч.-изд.л. 14,5. Тип. зак. 3228

Издательство “Наука”. 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография “Наука”. 199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

